

ОЧЕРКЪ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

Алтайской Духовной Миссии по случаю пятидесятилѣтняго ея юбилея.

(1830—1880 гг.).

Алтайская Духовная Миссия, въ теченіе своего пятидесятилѣтняго существованія, находилась подъ управленіемъ трехъ начальниковъ: о. архимандрита Макарія, о. протоіерея Стефана Ландышева и Преосвященнаго Епископа Владиміра. Поэтому, для удобнѣйшаго обозрѣнія дѣйствій ея, согласно съ существомъ дѣла, раздѣлимъ свой очеркъ на три періода:

Періодъ первый (Макаріевскій).

ОТКРЫТІЕ МИССИИ—ПЕРВОНАЧАЛЬНИКЪ ЕЯ И ЕГО СОТРУДНИКИ.

Прежде, нежели будемъ говорить объ учрежденіи Алтайской миссии, скажемъ нѣсколько словъ вообще о миссіонерскомъ дѣлѣ въ Россіи. Въ 1763 году духовное и свѣтское начальство озаботились дѣломъ распространенія христіанства среди инородцевъ въ Россіи. Правительствующій Сенатъ имѣлъ по этому дѣлу сношеніе съ Святѣйшимъ Синодомъ, слѣдствіемъ этого сношенія было опредѣленіе Св. Синода отъ 20 февраля 1764 года, утвержденное Высочайшею властію, назначить проповѣдниковъ Евангелія въ епархіяхъ: Казанской—троихъ, Тобольской, Иркутской и Тамбовской по два въ каждой. Жалованье назначалось каждому по 150 р. въ годъ, и кромѣ того положено было выдавать особую сумму на канцелярскіе расходы, на покупку крестовъ и иконъ для новокрещенныхъ. Опредѣленіе Св. Синода было приведено въ исполненіе, но дѣятельность назначенныхъ миссіонеровъ продолжалась только до 1789 года. Въ этомъ же году она была пріостановлена начальствомъ. Поводомъ къ сему послужило то обстоятельство, что между язычниками-инородцами, въ особенності между татарами и калмыками, разнесся слухъ, будто бы хотятъ ихъ крестить насильно; по этому правительство опасалось, вѣроятно, возмущенія и недовольства. Впрочемъ, Св. Синодъ снова въ 1799 г. обратился съ запросомъ къ Правительствующему Сенату: посылать ли по прежнему въ означенныя епархіи проповѣдниковъ? Отвѣтъ послѣдовалъ отрицательный на томъ основаніи, что наблюденіе за инородцами уже крестившимися можетъ

быть предоставлено приходскому духовенству, при распредѣленіи крестившихся къ ближайшимъ къ нимъ приходскимъ церквамъ, а позволить обращать вновь язычниковъ и заводить миссии пока Сенатъ не найдетъ удобнымъ, и жалованье отъ правительства миссіонерамъ было совершенно прекращено. Но около 1828 года положеніе дѣлъ совершенно измѣнилось. Обстоятельства побудили Св. Синодъ снова, и съ особеннымъ усердіемъ, заняться миссіонерскимъ дѣломъ; до Св. Синода стали доходить извѣстія изъ инородческихъ приходовъ о постоянныхъ случаяхъ отпаденія и совращенія новообращенныхъ въ язычество. Приходское духовенство, какъ неподготовленное къ миссіонерскимъ трудамъ, незнакомое съ языкомъ инородцевъ, съ которыми ему приходилось имѣть сношеніе, не могло имѣть благотворнаго вліянія на новокрещенныхъ и не въ силахъ было удержать ихъ въ православіи, тогда какъ представители ложныхъ религій съ своей стороны успѣшно могли вліять и дѣйствительно вліяли на новообращенныхъ во вредъ православію, тѣмъ удобнѣе, что послѣдніе жили среди своихъ бывшихъ единовѣрцевъ-язычниковъ. Все это было извѣстно Св. Синоду, и послѣдній обратилъ на это должное вниманіе. Поручено было Епископамъ Иркутскому и Казанскому избрать въ своихъ епархіяхъ людей способныхъ и достойныхъ, а, если нужно, пригласить и изъ другихъ епархій, по сношеніи съ ихъ преосвященными, и немедленно отпривить ихъ въ миссію для просвѣщенія христіанствомъ инородцевъ и для наученія новообращенныхъ. Кромѣ того, Тобольскому и Казанскому епископамъ поручено было Св. Синодомъ составить проекты о преподаваніи при семинаріяхъ Тобольской и Казанской инородческихъ языковъ, сообразно съ потребностями каждой епархіи и вообще о приготовленіи къ должности миссіонера тѣхъ окончившихъ курсъ воспитанниковъ семинари, которые изъявляютъ желаніе быть миссіонерами. Мы не будемъ говорить о средствахъ къ успѣху миссіонерскаго дѣла, принятыхъ Казанскимъ епископомъ въ его епархіи, а остановимся только на дѣятельности преосвященнаго Тобольскаго Евгенія, которому предоставлена была по миссіонерскому дѣлу заботливость не только о Тобольской, но и объ Иркутской епархіи. Указъ Св. Синода о миссіонерскомъ дѣлѣ послѣдовалъ преосвящен. Евгенію отъ 24 декабря 1828 г. Немедленно, по полученіи указа, преосвященный занялся приведеніемъ его въ исполненіе. Изъ духовенства Тобольской епархіи пожелали поступить въ миссіонеры: благочинный о. Кайдаловъ и діаконъ церковей Вайгачской и Чарышской, но преосвященный заблагоразсудилъ имъ отказать, а отнесся къ преосвященнымъ Курскому и Архангельскому, также и къ архимандриту Соловецкаго монастыря съ просьбою увѣдомить его,—нѣтъ ли у нихъ людей способныхъ и достойныхъ занять должность миссіонера. А между прочимъ преосвященный Евгеній поручилъ ректору Тобольской семинаріи іеромонаху Нифонту и нѣкоторымъ изъ профессоровъ составить проекты относительно приготовленія миссіонеровъ изъ воспитанниковъ Тобольской семинаріи, примѣнительно къ потребностямъ Сибири. Дѣло шло быстро. Проектъ былъ скоро составленъ, и преосвященный, присоединивъ къ

нему свое мнѣніе, отправилъ его въ 1829 г. въ Св. Синодъ съ донесеніемъ, что представитъ и другія свои соображенія относительно миссіонерскаго дѣла, лишь только консисторіею будутъ собраны полныя свѣдѣнія о желающихъ быть миссіонерами и о мѣстѣ и образѣ жизни Сибирскихъ инородцевъ.

Въ то время, какъ духовное и гражданское начальства занимались разсужденіемъ о способахъ утвержденія въ христіанской вѣрѣ новокрещенныхъ и распространеніи христіанства среди язычниковъ, живущихъ въ предѣлахъ Россіи, Господь приготовлялъ къ миссіонерской дѣятельности среди Алтайцевъ отца архимандрита Макарія. О. арх. Макарій, въ мірѣ Михаилъ Яковлевичъ Глухаревъ, родился въ 1792 г. 8 ноября, въ день архистратига Михаила, именемъ котораго и былъ онъ названъ. Отецъ его былъ священникомъ въ г. Вязьмѣ, Смоленской губерніи, при Введенской соборной церкви. Мать его звали Агапія. Родители его отличались благочестіемъ и строгостію христіанской жизни. Любовь и ревность къ проповѣданію Слова Божія о. Макарій наследовалъ отъ своего благочестиваго родителя. О. Іаковъ былъ изъ окончившихъ полный семинарскій курсъ, что тогда рѣдко можно было встрѣтить между священниками. Онъ съ любовію и усердіемъ исполнялъ свои пастырскія обязанности, постоянно говорилъ проповѣди, за что прихожане, жители Вязьмы, очень любили его и уважали, долго добрая память о немъ была въ Вязьмѣ. О. Іаковъ самъ занимался не только обученіемъ грамотѣ, но и первоначальнымъ образованіемъ своего сына Михаила; онъ настолько достаточно приготовилъ его дома по латыни, что 7-ми лѣтній мальчикъ уже дѣлалъ такъ называемые «оссипации», т. е. переводы съ русскаго на латинскій. Но что всего дороже—сѣмена страха Божія и благочестія глубоко укоренены были благочестивыми родителями въ впечатлительной душѣ дитяти. Въ Вязьмѣ, при Предтеченскомъ монастырѣ, было духовное училище, куда и отдалъ своего сына о. Іаковъ прямо въ «инфиму» (Въ прежнихъ духовныхъ училищахъ было 4 класса съ двухгодичнымъ курсомъ, кромѣ перваго класса, въ которомъ учились одинъ годъ. Первый классъ—заправная, второй—фара, третій—инфима и четвертый—синтаксима). Школьное воспитаніе и обученіе въ то время отличалось очень суровымъ характеромъ, наука тяжело доставалась тогда дитяти, особенно съ плохими, или медленно развивавшимися способностями. Отрокъ Михаилъ былъ ученикъ прилежный, благонравный, имѣлъ хорошія способности, всегда былъ исправенъ въ урокахъ, но, не смотря на все это, суровый духъ воспитанія оставилъ свое дурное вліяніе и на немъ. Одинъ случай въ школѣ повліялъ на слабое здоровье впечатлительнаго и добраго мальчика на всю его жизнь. «Когда я былъ лѣтъ 8-ми», такъ рассказывалъ въ дружеской бесѣдѣ о. Макарій своему другу о. Іоанну Герболинскому (священникъ, а потомъ протоіерей въ Екатеринославѣ, при соборѣ), «отецъ, въ Вязьмѣ, гдѣ мы жили, отдалъ меня въ училище, которое отъ дому нашего было довольно далеко. Дадутъ мнѣ, бывало, хлѣба, картофелю, или чего другаго, и я остаюсь въ училищѣ цѣлый день. Учился я хорошо. Но какъ-то одинъ разъ урокъ былъ заданъ большой, и я не могъ его вы-

учить. Учитель узналъ объ этомъ и сказалъ мнѣ: «послушай! если ты опять не выучишь урока, я спорю тебѣ всю кожу отъ шеи до пятъ». Какъ ребенокъ, я принялъ эту угрозу буквально и, возвращаясь домой, плакалъ всю дорогу. Это было зимой. Я простудился и похворалъ полгода, чуть не умеръ. Съ тѣхъ поръ и грудь и голосъ у меня стали слабы. Такъ-то учитель долженъ быть остороженъ въ словахъ!», прибавилъ послѣ этого разсказа о. Макарій. И дѣйствительно, всегда у о. Макарія былъ слабый голосъ и онъ жаловался на слабость и боль въ груди.

За отличные успѣхи Михаилъ Глухаревъ былъ переведенъ изъ Вяземскаго духовнаго училища въ «поэзію» смоленской семинаріи, гдѣ въ 1813 г. онъ съ успѣхомъ окончилъ семинарскій курсъ, съ званіемъ студента. Вскорѣ же по окончаніи курса, въ томъ же году, Михаилъ Яковлевичъ былъ опредѣленъ учителемъ смоленскаго духовнаго училища въ «инфиму». Но учителемъ онъ пробылъ только одинъ годъ. Въ 1814 году въ С.-Петербургскую академію, только что основанную и открытую, набирались воспитанники для состава втораго курса. Между прочимъ, изъ академіи было прислано и къ смоленскому семинарскому начальству требованіе «прислать въ академію лучшихъ воспитанниковъ семинаріи, если таковые найдутся». Были назначены изъ смоленской семинаріи начальствомъ въ академію двое: учитель «инфимы» Михаилъ Яковлевичъ Глухаревъ и Захаръ Сермигинъ, бывший впоследствии ректоромъ въ псковской семинаріи, въ санѣ архимандрита, съ именемъ Зосима. Ректоромъ въ С.-Петербургской академіи въ это время былъ въ Бозѣ почившій архипастырь митрополитъ московскій Филаретъ. Этотъ великій святитель былъ руководителемъ и наставникомъ Михаила Яковлевича въ полномъ смыслѣ. О. ректоръ изъ всѣхъ студентовъ преимущественно полюбилъ Глухарева за его трудолюбіе, отличные успѣхи, и въ особенности за его любовь къ изученію исторіи и языковъ, а больше всего за его благочестіе и добрую нравственность, которыми онъ отличался предъ другими. Мудрый и опытный наставникъ какъ бы предвидѣлъ будущее высокое назначеніе своего воспитанника, и, не смотря на свою любовь къ нему, велъ его, какъ выражался впоследствии самъ о. Макарій, «стропотными путями». Различными способами онъ испытывалъ его терпѣніе, училъ его кротости и смиренію. Онъ даже поставилъ Михаила Яковлевича, по окончаніи имъ академическаго курса, десятымъ магистромъ, не смотря на то, что другіе наставники единогласно признавали его достойнымъ перваго мѣста и лучшимъ изъ окончившихъ съ нимъ вмѣстѣ магистровъ. Съ своей стороны Михаилъ Яковлевичъ любилъ искренно своего руководителя и наставника, безпредѣльно уважалъ его и довѣрялся ему вполне. Онъ самъ говорилъ впоследствии: «я отдалъ свою волю вполне преосвященнѣйшему Филарету, ничего не дѣлалъ и не начиналъ безъ его совѣта и благословенія и почти ежедневно исповѣдывалъ ему свои помыслы». Такое рѣдкое довѣріе конечно было благодѣтельно для воспитанника съ доброю и впечатлительною душею, каковъ былъ М. Глухаревъ. Первое желаніе поступить въ монашество, вполне отдать себя на служеніе Богу,

несомненно явилось въ Михаилѣ Яковлевичѣ, подѣ вліяніемъ великаго святителя, въ академіи, и съ этихъ поръ оно постоянно крѣпло и возрастало. Это желаніе было не простымъ временнымъ мимолетнымъ увлеченіемъ юноши, но желаніемъ искреннимъ, а потому Михаилъ Яковлевичъ и не привелъ его въ исполненіе въ бытность свою въ академіи. Будучи уже монахомъ, онъ такъ выражался: «я еще въ Петербургѣ, въ академіи, думалъ поступить въ монашество, но захотѣлъ поиспытать себя».

Впрочемъ, не смотря на полное довѣріе и подчиненіе своей воли волѣ преосвященнаго Филарета, съ Михаиломъ Яковлевичемъ въ академіи былъ одинъ случай, когда онъ поступилъ противъ воли своего наставника, хотя послѣ и глубоко раскаивался въ своемъ опрометчивомъ рѣшеніи и поступкѣ. Этотъ характеристическій случай, какъ мы увидимъ впоследствии, послужилъ, однако, ко благу, сдѣлавшись нѣкоторымъ образомъ побужденіемъ для о. Макарія начать драгоцѣнный трудъ—переводъ св. Библии съ еврейскаго языка на русскій. Сообщимъ этотъ случай словами самаго о. Макарія: «Въ послѣдній годъ, при выходѣ изъ академіи», говорилъ о. Макарій, «со мною случилось слѣдующее: была у меня драгоцѣнная изданія, рѣдкостная въ то время еврейская Библия съ нѣмецкимъ переводомъ; глядя на эту драгоцѣнность, я часто думалъ: для чего мнѣ имѣть такую дорогую книгу? Для меня довольно имѣть недорогое изданіе. Я разъ спросилъ преосвященнаго: не благословитъ ли онъ продать это дорогое изданіе, а купить подешевле; онъ не благословилъ. Но послѣ случилась большая нужда въ деньгахъ, а взять было негдѣ. При этомъ искусительная мысль получила какъ бы нѣкоторое законное основаніе и новую силу, тѣмъ болѣе, что приближалось время къ выходу изъ академіи, и всякая лишняя книга представлялась лишнимъ бременемъ при перемѣщеніи. По сему уже, не спросясь преосвященнаго, пошелъ я на базаръ и продалъ Библию. Но когда мысль освѣжилась, я началъ жалѣть, что это сдѣлалъ, упалъ духомъ и мучился, совѣсть не давала мнѣ покою ни днемъ, ни ночью; тогда, улучивъ свободное время, я почти бѣгомъ побѣжалъ на то мѣсто, гдѣ продалъ Библию, чтобы отыскать ее и снова купить, но все поиски были тщетны, и я радъ былъ, что наконецъ нашелъ другую, подобную прежней, довольно хорошаго и рѣдкостнаго изданія и купилъ ее. Съ тѣхъ поръ, говорилъ о. Макарій, я ничего важнаго не рѣшался предпринимать безъ совѣта и благословенія преосвященнаго Филарета».

Едва лишь Михаилъ Яковлевичъ окончилъ академическое образованіе, какъ ему уже предстояло быть не только наставникомъ, но и начальникомъ въ семинаріи. 18 іюня 1817 года, академическою конференціею, съ утвержденіемъ комиссіи духовныхъ училищъ, назначены были въ открывшуюся тогда по новому образцу Екатеринославскую семинарію, преподавателями лучшіе воспитанники С.-Петербургской академіи, магистры: Михаилъ Яковлевичъ Глухаревъ, Романъ Николаевичъ Кутузовъ, Степанъ Михайловичъ Наумовъ и Василій Карповичъ Цвѣтаевъ. Сверхъ того, Мих. Яковлевичъ былъ назначенъ инспекторомъ семинаріи; а 22 сентября того-же года и ректоромъ приходскаго и

уѣзднаго Екатеринославскаго училища. Такъ, съ самаго начала своей учебной дѣятельности, Мих. Яковлевичъ былъ обремененъ многими обязанностями и заботами. И самое первое время ему пришлось терпѣть неудобства: онъ сначала помѣстился въ квартирѣ, отведенной ему въ семинарскомъ корпусѣ, но корпусъ такъ былъ ветхъ, что съ наступленіемъ осени квартира оказалась до того сыра и холодна, что не было никакой возможности жить въ ней. Мих. Яковлевичъ перебрался въ домъ священника, а впоследствии соборнаго о. протоіерея Іоанна Герболинскаго и жилъ у него всю осень и зиму. Онъ велъ жизнь самую скромную и уединенную, жилъ какъ строгій монахъ, и не только днемъ, въ свободное отъ учебныхъ и служебныхъ занятій время, постоянно занимался учеными трудами, чтеніемъ, но и просиживалъ ночи. Вслѣдствіе своего строгаго образа жизни, онъ не сошелся съ своими сослуживцами и держался вдали отъ нихъ, но съ о. Іоанномъ Герболинскимъ онъ скоро коротко познакомился и это знакомство впоследствии даже перешло въ искреннюю дружбу. Отъ І. Герболинскій занялъ должность учителя въ Екатеринославскомъ духовномъ училищѣ, что и послужило началомъ его сношеній съ о. ректоромъ. «Тогдашнее время, говорилъ о. Іоаннъ, для меня незабвенное, а знакомство съ этимъ необыкновеннымъ человекомъ было величайшимъ Божиимъ благодѣяніемъ. Михаилъ Яковлевичъ былъ мой благодѣтель; ему я обязанъ образованіемъ моего ума и воли и нравственнымъ направленіемъ моей жизни». Отъ Іоаннъ нерѣдко просиживалъ цѣлые вечера съ о. ректоромъ, бесѣдовалъ съ нимъ о разныхъ богословскихъ вопросахъ, просилъ разрѣшить недоумѣнія, особенно изъ книги Бытія, и молодой о. ректоръ всегда терпѣливо выслушивалъ возраженія и охотно рѣшалъ ихъ. «Иногда, бывало, я, говорить о. Іоаннъ Герболинскій, какъ молодой человекъ, заговорю о какихъ нибудь пустякахъ, тогда онъ безъ церемоніи скажетъ мнѣ: «ну, что болтаешь?»—Да что-жъ тутъ худаго?—спрошу я. Мих. Яковлевичъ какъ станетъ разбирать сказанное, такъ и откроются умные глаза, и невольно согласишься съ нимъ, что говорилъ глупость, а потому эти и другія безцеремонныя слова пріятнѣе были для меня всякой похвалы и все болѣе привязывали меня къ нему»*).

Любимымъ чтеніемъ Михаила Яковлевича было чтеніе твореній Св. Отца, особенно онъ любилъ читать и дѣлать выписки изъ сочиненій блаженнаго Августина. Впрочемъ, въ первое время пребыванія въ Екатеринославѣ, съ Мих. Яковлевичемъ многіе пытались завести знакомство, приглашали его на вечера, ему даже, какъ онъ самъ говорилъ, «предстояла женитьба и даже имѣлась въ виду невѣста», но эти знакомства оставлены имъ скоро, потому, что онъ чувствовалъ скуку въ гостяхъ, не правилсь ему увеселенія, удовольствія, и, возвращаясь домой, онъ чувствовалъ неудовлетворенность и пустоту въ душѣ.

Будучи строгъ къ самому себѣ, Мих. Яковлевичъ былъ строгъ и въ отношеніи къ воспитанникамъ, какъ начальникъ и наставникъ. Онъ съ

*) Страницы, 1881 г., май, стр. 238.

любовію и усердіемъ преподавалъ любимые свои предметы: церковную исторію и нѣмецкій языкъ, и требовалъ отъ учениковъ всегда строгаго вниманія и отчетливаго знанія, умѣлъ узнавать способности воспитанниковъ, лучшихъ и болѣе усердныхъ отличалъ и поощрялъ, нерѣдко призывалъ ихъ къ себѣ, охотно съ ними бесѣдовалъ, поилъ ихъ чаемъ съ хлѣбомъ, давалъ читать хорошія книги изъ собственной библіотеки. Воспитанники, несмотря на его строгость, очень любили и уважали его, и нѣкоторые изъ нихъ, будучи впоследствии хорошими священниками, съ любовью вспоминали о своемъ любимомъ наставникѣ. Какъ начальникъ, Михаилъ Яковлевичъ строго слѣдилъ за нравственностью воспитанниковъ, что было ему особенно трудно, потому что они по большей части были разсѣяны по квартирамъ въ разныхъ мѣстахъ города, а онъ желалъ вникать не только въ ихъ школьную, но и въ домашнюю жизнь въ школы; особенное вліяніе на нихъ имѣли—его собственный строгій образъ жизни, безукоризненное поведеніе и добросовѣстное отношеніе къ своему дѣлу. Несмотря на довольно скудное въ то время жалованье, Михаилъ Яковлевичъ никогда не бралъ подарковъ отъ родителей учениковъ. «Разъ одинъ отецъ-священникъ, рассказывалъ онъ самъ, дарилъ мнѣ 10 рублей, но я не взялъ. Къ чему брать? Развѣ мнѣ недостаточно моего жалованья?» Послеъ вакацій, по заведенному обычаю, родители приносили Мих. Яковлевичу, какъ ректору училища, въ гостинецъ, чаю, яблоковъ, хлѣбовъ и т. п., но онъ никогда ничего не оставлялъ себѣ, а всегда, бывало, все отсылалъ дѣтямъ въ буреу. И такое время, когда, бывало, о. ректоръ пришлетъ гостинцевъ, было настоящимъ праздникомъ для дѣтей, содержаніе которыхъ вообще довольно бѣдно. Михаилъ Яковлевичъ любилъ дѣтей и относился къ нимъ какъ отецъ родной.

На первомъ-же году учебной службы, Мих. Яковлевичу пришлось переносить непріятности и огорченія, вслѣдствіе его неподкупной честности и строгаго отношенія къ своимъ обязанностямъ. Не полюбилъ его прежде всего ректоръ семинаріи и не особенно дружелюбно относились къ нему его сослуживцы. Первую-же непріятность ему пришлось перенести отъ преосвященнаго Екатеринославскаго Іова. Преосвящ. Іовъ былъ изъ дворянскаго рода Потемкиныхъ, поступилъ въ монахи изъ военнаго званія. Онъ былъ строгій монахъ, требовательный къ своимъ подчиненнымъ, особенно любилъ точность и исправность въ богослуженіи. Обыкновенно, четыре дня въ недѣлю онъ служилъ самъ и при немъ всегда служеніе было не спѣшное, пѣніе продолжительное, такъ что даже литургія шла около четырехъ часовъ. Но при многихъ своихъ достоинствахъ, преосв. Іовъ имѣлъ и значительные недостатки. Въ обращеніи онъ былъ очень суровъ, характеръ имѣлъ весьма горничій и вспыльчивый и въ раздраженіи могъ наговорить много обиднаго. Да и рѣдко кто осмѣливался ему противорѣчить. Не только духовные, но и свѣтскіе чиновники его боялись и всегда спѣшили исполнять его распоряженія, такъ какъ онъ былъ въ дружбѣ съ тогдашнимъ министромъ народнаго просвѣщенія, княземъ Александромъ Николаевичемъ Голицынымъ. Впро-

чемъ, преосвящ. Іовъ щедро награждалъ за исправность и усердіе по службѣ подчиненныхъ изъ духовенства. Самый видъ преосвященнаго былъ суровый. Глаза его съ густыми и черными бровями, смотрѣли строго и пронизательно, голосъ его былъ сильный, грубый и рѣзкій. Такого-то человѣка, и при томъ высшаго начальника, по своей строгой честности, долженъ былъ затронуть и раздражить Михаилъ Яковлевичъ. Поводомъ послужило слѣдующее обстоятельство: Къ новому году нужно было составить отчеты за первый учебный годъ преобразованной семинаріи. Отчеты были составлены, но оказалось, что отъ прежнихъ годовъ должна была остаться сумма въ 15 тысячъ рублю ассигнаціями; суммы не нашлось въ семинарскомъ правленіи, не нашлось даже и документа, который-бы доказывалъ ея цѣлость. По прежнему порядку, семинарскія деньги хранились у епархіальнаго преосвященнаго въ домовой ризницѣ, вмѣстѣ съ штатною архіерейскою суммою, и архіерей распоряжался семинарскими деньгами по своему усмотрѣнію. Нужно было справиться объ остаточныхъ деньгахъ у преосвященнаго, но ректоръ, экономъ и секретарь подписали отчеты безъ справки, а Мих. Яковлевичъ отказался подписывать, онъ требовалъ или суммы на лицо, или по крайней мѣрѣ документа на нее. Преосвященному Іову донесено было, что инспекторъ не подписываетъ отчетовъ и объяснена причина. Онъ позвалъ къ себѣ Мих. Яковлевича, началъ на него кричать, шумѣлъ, сердился. «Какъ! ты не вѣришь мнѣ?» грубо говорилъ онъ. Но Мих. Яковлевичъ кротко выслушалъ все и скромно отвѣчалъ: «Ваше Высокопреосвященство! какъ архипастырю, я вамъ вѣрю, какъ человѣку—не вѣрю; вы можете умереть». Преосвященный какъ ни сердился, но долженъ былъ уступить справедливому требованію. Онъ внесъ должную сумму въ семинарское правленіе и Мих. Яковлевичъ подписалъ отчеты. Впрочемъ, самъ Мих. Яковлевичъ не смотрѣлъ на поступокъ преосв. Іова съ дурной стороны. Онъ видѣлъ въ немъ для себя испытаніе въ терпѣніи, урокъ смиренія и крѣпости. Его добрая душа склонна была во всемъ видѣть добрую сторону и находить для себя нравственные уроки.

Наконецъ, Мих. Яковлевичъ рѣшился привести въ исполненіе давно таившееся и развивавшееся въ его душѣ желаніе принять монашество,— всецѣло посвятить себя Богу. Еще зимою, вѣроятно до случая съ преосвященнымъ Іовомъ, онъ подалъ прошеніе о желаніи постричься въ монашество. Предъ самымъ полученіемъ разрѣшенія случилось съ нимъ необыкновенное обстоятельство, которое ясно показывало, что Господь принимаетъ благочестивый его обѣтъ. Вотъ какъ объ этомъ рассказывалъ о. І. Герболинскій. «Однажды по утру теща моя приходитъ къ Мих. Яковлевичу въ комнату и говоритъ ему; «что это у васъ въ комнатѣ ночью было такое прекрасное пѣніе—будто ангельское?», и Мих. Яковлевичъ по своему обыкновенному смиренію сказалъ: «ну, что! можетъ быть другіе пѣли?», но она съ клятвою увѣряла, что пѣніе было необыкновенно пріятное. Послеъ открылось, что это было предъ полученіемъ разрѣшенія на его прошеніе. Конечно, прибавляетъ о. Іоаннъ, теперь можно утверди-

тельно сказать, что Ангелы радовались и воспѣвали славу Божию, видя новаго избранника, вступающаго на путь великихъ дѣлъ во славу Божию»^{*)}.

И такъ, іюня 24 дня 1818 г., на 27 году своей жизни, Млх. Яковлевичъ принялъ монашество съ именемъ Макарія, былъ постриженъ о. духовнымъ іеромонахомъ Ливеріемъ въ домовоі архіерейской церкви, 25 іюня былъ рукоположенъ преосв. Іовомъ во іеродіакона; а 28 же іюня того же года въ іеромонаха, и указомъ Святѣйшаго Синода отъ 17 іюля того же года причисленъ къ разряду соборныхъ іеромонаховъ Кіево-Печерской лавры.

Наставникомъ и руководителемъ о. Макарія, по принятіи имъ монашества, былъ его духовникъ—ученикъ знаменитаго подвижника Молдавскаго архимандрита Пансіа Величковскаго, опытный въ духовной жизни, благочестивый старецъ, іеромонахъ Ливерій, который былъ духовникомъ преосвящ. Іова и жилъ при архіерейскомъ домѣ. Онъ былъ человекъ не ученый, не получившій образованія, но глубоко религіозный и святой жизни,—имѣлъ даже даръ прозорливости. Не смотря на свои преклонныя лѣта, о. Ливерій любилъ Божественную службу и совершалъ ее всегда съ охотою и усердіемъ. Разъ какъ-то преосв. Іовъ, послѣ литургіи, назначая себѣ сослужащихъ на другой день, хотѣлъ было уволить о. Ливерія отъ службы, изъ уваженія къ его старости и слабости, но ревностный старецъ сказалъ: «Преосвященнѣйшій владыко! позвольте мнѣ завтра съ вами служить. Пою Богу моему дондеже есмь». Когда же ему исполнилось 90 лѣтъ, силы отказывались ему служить, тогда преосвященный уволить его на покой,—на жительство въ Самарскомъ архіерейскомъ загородномъ домѣ, гдѣ онъ и принялъ схиму. Онъ уже былъ до того слабъ силами, что не могъ совершать Божественную службу. Господь утѣшилъ его въ скорби чудеснымъ видѣніемъ: Однажды въ такія скорбныя минуты явился къ нему какой-то старецъ и говорить: «что ты скорбишь? Не скорби, въ тебѣ обитаетъ Христосъ, черезъ три года я приду къ тебѣ». Сказавши это, старецъ сталъ невидимъ. О. Ливерій тотчасъ же почувствовалъ въ себѣ крѣпость силъ, всталъ съ постели и записалъ это видѣніе такою твердою рркою, что нельзя было повѣрить его слабости и дряхлости. Свою рукопись онъ послалъ преосв. Іову, который показывалъ ее многимъ и, между прочимъ, о. Макарію. Пророчество неизвѣстнаго старца сбылось: ровно черезъ три года послѣ видѣнія, схимонахъ Ливерій радостно отошелъ ко Господу, на 94 году жизни.

Такой-то святой человекъ имѣлъ вліяніе на о. Макарія, который всегда съ любовью и уваженіемъ воспоминалъ о немъ, какъ о своемъ благодѣтелѣ. Между прочимъ, вотъ что писалъ о. Макарій о. Іоанну Герболинскому изъ Костромы, получивши извѣстіе о кончинѣ о. Ливерія: «Благодѣтеля и наставника моего о. Ливерія боголюбивѣйшаго нѣтъ уже въ семъ земномъ мірѣ; извѣщеніе о времени кончины, за три года передъ симъ полученное и съ такою точностію исполненное, какъ вы думаете—его ли ради токмо или и всѣхъ насъ ради отъ Господа бысть?»

^{*)} Странникъ, 1861 г., май, стр. 231.

Мнѣ кажется, что и для всѣхъ насъ, дабы полюбѣ мы могли прилагать сіи слова Апостола къ о. Ливерію: «Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вамъ слово Божіе, ихъ же взирающе на скончаніе жителства, подражайте вѣрѣ ихъ». Все, что онъ ни сдѣлалъ со мною въ руководствѣ духовномъ, мудро, благодѣтельно, свято, отъ Господа бысть» (Пис. 1860 г. ч. 1 стр. 225—226). Такой опытный въ духовной жизни старецъ, какъ о. Ливерій, былъ дорогъ для о. Макарія по принятіи имъ монашества, онъ утѣшалъ и укрѣплялъ его въ тѣхъ искушеніяхъ и непріятностяхъ, которыхъ не мало ему пришлось перенести во время службы въ Екатеринославской семинаріи.

Вскорѣ же по принятіи монашества, начались испытанія для о. Макарія.

Одинъ помѣщикъ предложилъ преосвященному Іову купить у него домъ для семинаріи, который, по своей ветхости, требовалъ затраты большой суммы. Преосвященный Іовъ предложилъ семинарскому начальству купить этотъ домъ и заплатить за него 10 т. ассигнаціями. Ректоръ, экономъ и секретарь безъ всякаго противорѣчія подписали составленный докладъ о покупке дома, но о. Макарій не подписалъ, а составилъ бумагу къ преосвященному, въ которой изложилъ свое мнѣніе, выставляя невыгоду, неудобство и даже прямой убытокъ казнѣ отъ покупки ветхаго дома. Докладъ вмѣстѣ съ мнѣніемъ инспектора былъ представленъ преосвященному. Несогласіе подписать докладъ и мнѣніе о. Макарія въ высшей степени раздражили преосв. Іова. Онъ тотчасъ же вызвалъ къ себѣ всѣхъ членовъ семинарскаго правленія, сердился, шумѣлъ, кричалъ, требовалъ, чтобы о. Макарій взялъ свое мнѣніе назадъ, но о. Макарій рѣшительно отказался это сдѣлать. Тогда преосв. Іовъ перемѣнилъ тонъ, началъ ласково уговаривать и просить о. Макарія дать свое согласіе на покупку дома. О. Макарій смиренно отвѣчалъ: «Преосвященнѣйшій владыко! извольте дѣлать, что вамъ благоугодно, я не препятствую; я только по совѣсти изложилъ свои мысли, какъ думаю объ этомъ». Такъ и отпустилъ преосвященный членовъ правленія, не получивъ согласія о. Макарія. Черезъ нѣсколько времени преосв. Іовъ призвалъ о. Макарія уже одного и, обошедшись съ нимъ на этотъ разъ очень ласково, подарилъ ему полукафтаны на бѣлицемъ мѣху, покрытое атласомъ. Между прочимъ, снова начались убѣжденія согласиться на покупку дома. О. Макарій съ подаркомъ въ рукахъ стоялъ на своемъ и повторялъ кротко тѣ же слова, что и въ первый разъ. Преосвященный съ веселымъ видомъ сказалъ ему: «Ну, Бога ради (это была поговорка преосвященнаго когда онъ бывалъ въ хорошемъ расположеніи духа), надѣньте шубку, надѣньте. Поѣдемте со мною въ Самарскій монастырь». О. Макарій повиновался, надѣлъ полукафтаны, и не смотря на то, что оно ему было очень длинно, вышелъ съ преосвященнымъ, сѣлъ съ нимъ въ карету, и они отправились въ загородный архіерейскій монастырь, отстоявшій отъ Екатеринославля на 30 верстѣ. Тамъ ожидало о. Макарія тяжелое испытаніе. Это было въ іюль, день былъ жаркій, а о. Макарій болѣе часу въ тепломъ длинномъ полукафтаны ходилъ съ преосвященнымъ по монастырю, саду, роцѣ и долженъ былъ слушать, какъ преосв. Іовъ рассказывалъ ему

объ устройствѣ монастыря, его принадлежностяхъ и владѣніяхъ. Потъ въ три ручья катился по всему тѣлу и по лицу изнемогавшаго отъ усталости о. Макарія, но онъ выдержалъ испытаніе до конца, не выразивъ ни малѣйшаго неудовольствія. Наконецъ, воротились домой. Новое испытаніе: Преосвященный приказалъ о. Макарію снять подарокъ и сказалъ: «тебѣ мой подрясникъ не много длиненъ, негодится», и отпустилъ его домой безъ подарка. Впрочемъ, преосвященный послѣ возвратилъ подарокъ о. Макарію и тотъ дорожилъ этимъ подаркомъ, носилъ его по праздникамъ и окончательно износилъ его уже будучи на Алтаѣ миссіонеромъ. Преосвященный Іовъ добился—таки разрѣшенія комиссіи духовныхъ училищъ и купилъ домъ. Миѣніе о. Макарія вполне оправдалось: домъ оказался чрезвычайно вѣтхимъ, на него затрачена была большая сумма денегъ, но для семинаріи онъ все-же оказался неудобнымъ и былъ проданъ за безцѣнокъ.

И неоднократно преосв. Іовъ испытывалъ терпѣніе и ангельскую кротость о. Макарія. Такъ случалось, что наканунѣ какого-нибудь праздника или высокаторжественнаго дня преосвященный призывалъ о. Макарія часу въ 22-мъ ночи и просилъ написать проповѣдь. «Напишите, скажетъ онъ, на завтра, Бога ради, проповѣдь», и послушный о. Макарій никогда не отказывался. Онъ тотчасъ приходилъ въ свою келлію, садился и писалъ всю ночь. Для скорости онъ писалъ на клочкахъ бумаги и въ то же время ученикъ переписывалъ ему на бѣло. И къ утру готова была довольно большая и умная проповѣдь, за что преосвященный обыкновенно благодарилъ о. Макарія и отзывался о его проповѣди съ похвалою.

Въ 1820 году лѣтомъ, передъ самыми экзаменами, о. Макарію пришлось испытать новую неприятность и даже выслушать выговоръ и угрозы отъ преосв. Іова. Въ это время въ Екатеринославль прибыли изъ Петербурга два путешественника-квакера и привезли о. Макарію отъ преосв. Филарета, впоследствии митрополита Московскаго, письмо. Въ письмѣ, между прочимъ, Филаретъ писалъ: «Съ удовольствіемъ прерываю молчаніе мое, не знаю прерву ли тѣмъ ваше;» и говорилъ о. Макарію о путешественникахъ-квакерахъ, объяснялъ, что они за люди, что они называютъ себя братьями, ни передъ кѣмъ, даже и передъ Государемъ, не снимаютъ шляпъ, что одинъ изъ нихъ американецъ, а другой англичанинъ. О. Макарій принялъ путешественниковъ очень привѣтливо, водилъ ихъ по семинарскому и училищному корпусу, показывалъ имъ всѣ классы и объяснялся съ ними по французски. Осмотрѣвъ семинарію и училище, квакеры вошли въ келлію о. Макарія. Въ это время насталъ часъ ихъ молитвы, и такъ какъ по своему обычаю они не могли опустить молитвы ни въ какомъ случаѣ, то они въ келліи о. Макарія стали на колѣни и начали молиться. О. Макарій не утерпѣлъ и тоже сталъ молиться. Но съ самаго прибытія путешественниковъ за ними уже слѣдили. Ректоръ подослалъ письмоводителя незамѣтно подсмотрѣть, что дѣлается въ квартирѣ инспектора. Письмоводитель въ замочную скважину увидѣлъ, что квакеры стоятъ на колѣняхъ и молятся, и что съ ними молится о. Макарій.

Онъ поспѣшилъ тотчасъ донести видѣнное ректору. Ректоръ всегда не любилъ о. Макарія и, воспользовавшись случаемъ сдѣлать ему неприятность, поспѣшилъ донести объ этомъ поступкѣ, какъ неприличномъ преосв. Іову. Когда путешественники простились съ о. Макаріемъ и уѣхали, преосвященный вызвалъ его, сдѣлалъ строжайшій выговоръ, угрожалъ даже отлученіемъ отъ церкви. Но о. Макарій такъ объяснялъ свой поступокъ: «что же мнѣ сдѣлать? говорилъ онъ, совѣстно было такъ смотрѣть на нихъ во время молитвы, я и самъ сталъ на колѣни и молился по своему». Выговоръ и угрозы преосв. Іова остались, Впрочемъ, безъ всякихъ послѣдствій.

Замѣчательно, что кроткій и смиренный о. Макарій, не смотря на всѣ неприятности, которыя ему приходилось переносить отъ преосв. Іова, искренно уважалъ его и находилъ въ его поступкахъ добрую цѣль. «Такъ преосвященный, говорилъ онъ, вспоминая свои отношенія къ нему, выжималъ изъ меня всякую сырь—все, что казалось ему недовольно чистымъ». О. Макарій написалъ даже впоследствии біографію преосв. Іова, которая и была издана отъ имени Дм. Т. Мизко. (Ис. 1860 г. ч. 1 стр. 201). Вотъ, между прочимъ, что писалъ о. Макарій къ кн. Е. П. Т. вскорѣ послѣ кончины преосвященнаго: «Завтра день ангела преосвященнѣйшаго Іова, святителя и отца моего. Если душа его, по несповѣдимымъ судьбамъ Божиимъ, подчинена обыкновенному ходу и порядку въ духовномъ мірѣ для новопреставшихся установленному, то, по преданію церковному, она близка уже къ совершенію пути своего. Помолитесь о ней, ради Христа прошу, сегодня, завтра въ особенности, да упокоитъ ея Господь въ селеніяхъ праведныхъ, и ангелъ ея, думаю, молится о ней (Ис. т. 1 стр. 160).

Лѣтомъ 1820 г., когда о. Макарію пришлось перенести неприятности, по случаю посѣщенія его квакерами, случилось слѣдующее обстоятельство: Воспитанникамъ семинаріи и училища дана была рекреція. Ректоръ, о Макарій, наставники семинаріи и училища отправились въ рощу верстъ за пять отъ города, участіе въ прогулкѣ приняли также нѣкоторые другіе жители города,—такъ что собралось довольно значительное общество. Въ рощѣ всѣ развеселились. Ректоръ и профессоръ философіи велѣли ученикамъ пѣть свѣтскія пѣсни. Но о. Макарій, по своему строго-правственному взгляду, счелъ это неприличнымъ, не утерпѣлъ и сказалъ рѣшительно: «не пойте! пойте пѣсни духовныя». Его слова, сказанныя отъ души, были масломъ, подлитымъ въ огонь. Со всѣхъ сторонъ на него послышались насмѣшки, оскорбленія, разныя названія. О. Макарій долженъ былъ замолчать, потому, что онъ одинъ не могъ остановить цѣлое общество. Онъ счелъ за лучшее удалиться съѣлъ въ свой экипажъ съ однимъ изъ учениковъ и уѣхалъ. «Никто не можетъ сдѣлать намъ зла, если мы сами того не захотимъ», говорилъ онъ впоследствии о. І. Герболинскому, вспоминая этотъ случай. «На что намъ, говорилъ онъ, пѣть свѣтскія пѣсни? Развѣ мало у насъ прекрасныхъ пѣсней духовныхъ? Молодымъ людямъ и безъ того много искушеній, зачѣмъ разгорячать ихъ умъ и воображеніе свѣтскими пѣснями». Случай

во время рекреации для о. Макария не прошел даромъ. Не взлюбили его больше прежняго. Ректоръ пользовался всякимъ случаемъ, чтобы оскорбить его; онъ даже позволялъ себѣ дѣлать оскорбленія при воспитанникахъ. О. Макарій все великодушно сносилъ, даже никогда не жаловался о. І. Герболинскому въ дружескихъ бесѣдахъ, только, бывало, иногда говаривалъ: «Ахъ, какой это черствый хлѣбъ — любить враговъ своихъ!» Впрочемъ, постоянныя непріятности довели его, наконецъ, до того, что онъ подалъ въ академическое правленіе прошеніе объ увольненіи его отъ должности инспектора, выставяя причиною слабость здоровья; но академическое правленіе не совѣмъ уволило его отъ должности, а только до времени поправленія здоровья. «Когда о. Макарій сказалъ мнѣ, говоритъ о. І. Герболинскій, что подалъ прошеніе объ увольненіи его отъ инспекторской должности, я истинно поскорбѣлъ и сквозь слезы сказалъ: «еще отъ міра бысть были, міръ убо свое любилъ бы, якоже отъ міра иѣсте, сего ради ненавидитъ васъ міръ»; эти слова, какъ послѣ сказалъ мнѣ о. Макарій, много утѣшили его. Видно, святая душа его въ то время сильно боролась съ плотію и кровію». Впрочемъ, въ концѣ августа, когда воспитанники стали возвращаться изъ домовъ родителей, о. Макарій, изъ желанія имъ добра, снова принялъ должность инспектора.

Единственными друзьями о. Макарія, неоставлявшими его даже въ самое тяжелое для него послѣднее время службы въ Екатеринославской семинаріи, были: о. Герболинскій, наставникъ семинаріи А. С. Понятовскій и одинъ приходскій священникъ въ г. Екатеринославѣ о. Калининъ, котораго о. Макарій очень любилъ и уважалъ, и который послѣ о. Ливерія, уволеннаго на покой, былъ его духовникомъ. Объ этомъ достойномъ священникѣ о. Макарій вспоминалъ, будучи уже въ миссіи въ Уралѣ. Въ 1840 г. онъ писалъ: «Мнѣ представляется въ воспоминаніи духовный отецъ мой въ Господѣ, нелицемѣрный рабъ Христовъ, священникъ, служившій въ Екатеринославѣ, о. Калининъ, мужъ апостольскаго достоинства и исполненнаго смиренія, любви и терпѣнія, крестоносецъ, котораго жизнь была Христова благоуханіе, и который среди всѣхъ искушеній, пребылъ вѣрнымъ до смерти, получилъ, какъ и вѣрую и надѣюсь, вѣнецъ побѣды и славы и вошелъ въ радость Господа своего. Онъ, бывало, нерѣдко приходилъ ко мнѣ бесѣдовать о Спасителѣ, заставлялъ, бывало, читать пророчество І. Христа о разрушеніи Иерусалима и міра, изреченное на горѣ Елеонской; я читаю, а онъ проливаетъ молитву къ Господу и слезы отъ умиленія: о, Господи Исусе Христе! даруй и намъ духа молитвы, да подкрѣпляетъ насъ въ немощахъ и да ходатайствуетъ за насъ воздыханіями неизглаголаннѣми!» *)

Екатеринославскіе друзья о. Макарія нерѣдко посѣщали его, и ихъ бесѣды утѣшали и успокоивали его. Но о. Макарій не желалъ, чтобы любившіе его потерпѣли изъ-за него непріятности. Однажды, когда о. І. Герболинскій пришелъ къ нему вечеромъ, онъ встрѣтилъ его такими словами: «зачѣмъ вы, о. Іоаннъ, ходите ко мнѣ? вѣдь не получите ни

*) Странникъ, апрѣль 1861 г. стр. 214.

скуфейки и ничего». Смущенный было сначала такими словами о. Іоаннъ отвѣчалъ: «О. Макарій! если только по этому мнѣ не ходить къ вамъ, то я стану ходить еще съ большею охотою и радостію. При томъ, что же мы съ вами дѣлаемъ? Не совѣщаемъ никакого злаго совѣта и никому не желаемъ зла».

И не даромъ о. Іоаннъ любилъ о. Макарія, любилъ проводить съ нимъ время и бесѣдовать. Это время, по его словамъ, было самымъ лучшимъ и благодѣтельнымъ временемъ въ его жизни, оно имѣло на всю остальную его жизнь большое нравственное вліяніе. — Вотъ что говоритъ о. Іоаннъ Герболинскій о своихъ отношеніяхъ къ о. Макарію. «Этотъ человекъ Божій имѣлъ на меня необыкновенное вліяніе, при немъ я чувствовалъ себя совѣмъ другимъ, какъ бы жителемъ духовнаго міра, свидѣтельствуюсь именемъ Божиимъ. И не только я чувствовалъ себя такъ, но и всякій сблизившійся съ нимъ. Обитавшій въ немъ духъ Христовъ изливалъ благодать свою, какъ бы иѣкій небесный ароматъ, на всѣхъ окружавшихъ его. Что это за святая душа! Какъ часто я, бывало, во время каникулъ, гулялъ съ о. Макаріемъ надъ Дибпромъ, въ Потемкинскомъ саду, въ уединеніи, въ дружеской бесѣдѣ! Иногда случалось, что онъ своимъ слабымъ голосомъ запоетъ составленную когда-то Сквородою духовную пѣсенку: «Ахъ ты, птичка, желтобока! Не клади гнѣзда высоко, клади гнѣздо доли въ ямцы, ховай дѣтки въ зеленой травцы; вотъ! вотъ! ястребъ надъ головою виситъ, хочетъ ухватить; Онъ живетъ твоею кровью»... и проч. Потомъ объясняетъ эту пѣсенку, научающую духовному смиренію и бдительности надъ собою. Или вдругъ вздохнетъ и скажетъ: «ахъ! о. Іоаннъ, какъ бы мнѣ мѣстечко такое, чтобы я зналъ только самого себя!» Напрасно я, бывало, стану говорить ему, чтобъ онъ не скучалъ своимъ положеніемъ, что Божій промыслъ поставилъ его на великое дѣло руководить юношествомъ и просвѣщать его свѣтомъ истины Евангельской... А иногда опять, будто возбуждаемый духомъ пророческимъ, скажетъ: «Ну что? я—монахъ, хоть въ Сибирь посылай меня, я и туда пойду». Эта ангельская душа, какъ въ безплодной пустынѣ, непрестанно тосковала по Небесной Отчизнѣ и туда устремляла всѣ свои мысли и желанія *)».

Наконецъ, непріятности и огорченія отъ ректора семинаріи и другихъ наставниковъ, сослуживцевъ, а также и неурядицъ относительно семинарскаго порядка, побудили о. Макарія обратиться къ его бывшему наставнику и благодѣтелю, въ Бозѣ почившему архимандриту Филарету, бывшему тогда ректоромъ С.-Петербургской академіи, съ просьбою о переводѣ его въ другую семинарію. Но какъ было просить о переводѣ? Какія указать причины? Написать всю правду о. Макарій не хотѣлъ. Его кроткій, добрый и высоко—нравственный характеръ не позволялъ ему дурно отзываться о начальникѣ и о семинаріи, хотя бы такой отзывъ и былъ совершенно правдивъ; а не указать главной причины—обидъ и оскорбленій отъ ректора—тоже было неудобно: можно было опасаться

*) Странникъ, 1861 г., май, стр. 238—239.

быть переведеннымъ подъ начальство другаго ректора, еще худшаго и, избѣжавъ однихъ неприятностей, встрѣтитъ еще большія. Въ такой нерѣшимости о. Макарій не разъ принимался писать письмо къ преосвященному Филарету и нѣсколько разъ переправлялъ и перемарывалъ написанное, и только шестое письмо оказалось, по его мнѣнію, удобнымъ. Въ немъ о. Макарій писалъ, что преобразованная Екатеринославская семинарія еще не совсѣмъ устроена, ученики живутъ въ разныхъ частяхъ города, по квартирамъ, надзоръ за ними не очень удобенъ и труденъ для него, и просилъ перевести его въ другую семинарію, болѣе устроеную, къ такому ректору, «который былъ бы извѣстенъ преосвященному Филарету по духу Христову». Послѣдній намекъ на главную причину просьбы такъ былъ уменъ и кротокъ, что хотя преосвященный Филаретъ и могъ понять положеніе о. Макарія, но не могъ вывести никакого положительнаго дурнаго мнѣнія ни о ректорѣ, ни о семинаріи. «Ну, что-жъ, говорилъ о. Макарій, прочитавши свое письмо о. І. Герболинскому, вѣдь я не говорю, что здѣсь нѣтъ духа Христова! А если это не написать, то меня пошлютъ къ ректору еще худшему.» Очевидно, что неприятности и оскорбленія отъ ректора были невыносимы, когда такой кроткій человекъ, какъ о. Макарій, который прежде никогда не жаловался даже близкимъ къ нему (о.о. І. Герболинскому и А. С. Понятовскому), теперь вынужденъ крайностію такъ отзываться о ректорѣ. О. Макарій, можетъ быть, самъ и не показалъ бы письма о. Іоанну, но послѣдній именно пришелъ къ нему въ то время, когда онъ оканчивалъ послѣднее письмо. Преосвященный Филаретъ хорошо зналъ доброту и кротость о. Макарія и не только исполнилъ его просьбу, но и сдѣлалъ для него даже и болѣе. По его, конечно, ходатайству академическое правленіе назначило о. Макарія ректоромъ въ Костромскую семинарію. Предписаніе о переводѣ его въ Кострому получено было имъ въ началѣ марта 1821 года. Просьба его была такъ скоро уважена, что и мѣсяца не прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ писалъ письмо преосвященному Филарету.

9 марта 1821 года о. Макарій оставилъ Екатеринославль. Грустно было о. Іоанну разставаться съ добрымъ и умнымъ другомъ, съ которымъ онъ въ душевной бесѣдѣ часто дѣлилъ время. «Какъ мнѣ изобразить тѣ чувства, которыми тогда была преисполнена душа моя, говоритъ о. Іоаннъ по поводу разлуки съ о. Макаріемъ, — какъ, изобразить ту скорбь, которая изливалась въ слезахъ? Скажу только, что лишь тотъ, кто терялъ милыхъ сердцу, у кого смерть похищала родит. лей, дѣтей, друга, лишь тотъ пойметъ тогдашнее состояніе моей души. Весь въ слезахъ, отрываясь отъ груди возлюбленнаго, я сказалъ: «Прощайте, о. Макарій! Развѣ на страшномъ судѣ Христовѣ увижусь я съ вами.» Такъ улетѣлъ мой ангелъ, но духъ остался въ моей душѣ. Не было дня, въ который я нѣсколько разъ не вспоминалъ бы его; все подавало къ тому поводъ, все напоминало его; — я живо чувствую, что духъ его слылъ съ моимъ и руководилъ меня во вся мою жизнь. Прошло сорокъ лѣтъ, и я все люблю его съ тою же горячностію, какъ и въ

первые годы, все также живо представляю его видъ, слышу его голосъ, его слова, словомъ — я соединился съ нимъ во единъ духъ и опытомъ понимаю слова Спасителя: «да будетъ едино *»)....

Вскорѣ по прибытіи въ Кострому и вступленіи въ должность ректора семинаріи и вмѣстѣ профессора богословскихъ наукъ, о. Макарій былъ произведенъ игуменомъ, но пока ему не было дано въ управленіе никакого монастыря; а 24 декабря того же 1821 г. онъ былъ произведенъ преосвященнымъ Самуиломъ въ санъ архимандрита второкласнаго Костромскаго Богоявленскаго монастыря, а прежній архимандритъ былъ переведенъ въ другой монастырь. «Я не былъ тому причиной, Богъ помиловалъ меня, какъ гвоздемъ старались приковать меня къ здѣшнему мѣсту», писалъ о. Макарій о. І. Герболинскому. Очевидно, съ самаго опредѣленія ректоромъ онъ пользовался особеннымъ расположеніемъ духовнаго начальства. Но при этихъ повышеніяхъ по службѣ, не уменьшались скорби и неприятности о. Макарія... Промыслъ Божій велъ его крестнымъ путемъ къ высокому званію Апостола. Здоровье его было разстроено еще во время службы въ Екатеринославль, а въ Кострому онъ прибылъ уже совершенно больнымъ. Болѣзнь глазъ, которою онъ и прежде страдалъ, болѣе и болѣе усиливалась, а къ ней присоединилась еще изнурительная лихорадка, которая мучила его все лѣто до самой осени. Болѣзнь его, по временамъ, такъ усиливалась, что онъ опасался даже за свою жизнь. Къ болѣзни о. Макарія присоединилось еще безпокойство объ участи ученика духовнаго училища Ивана Вахнина, котораго онъ полюбилъ еще въ Екатеринославѣ. Мальчикъ Иванъ жилъ въ Екатеринославѣ подъ его особеннымъ попеченіемъ и руководствомъ, а потомъ взятъ былъ имъ и въ Кострому, гдѣ учился въ духовномъ училищѣ и жилъ при о. Макаріѣ, вмѣсто келейника. «Послѣ экзаменскихъ трудовъ, писалъ о. Макарій о. І. Г—му, настали каникулы, а меня лихорадка схватила и мучила жестоко. Въ одинъ день лежу я и думаю: что будетъ съ Иваномъ, если я умру? отошлю его въ Екатеринославль; но какъ мнѣ сказать ему о томъ, не опечаливъ его? Подожду пока онъ попросится самъ. Только что я объ этомъ подумалъ, какъ приходитъ Иванъ, кланяется и говоритъ: «Отпустите меня въ Екатеринославль, сдѣлайте милость». Скажите, не явное ли это указаніе промысла Божія?» О. Макарій умѣлъ узнавать дѣтей и предвидѣть въ нихъ добрые задатки будущаго. Не даромъ онъ полюбилъ мальчика Ивана, и особенно заботился о немъ, Иванъ отличался примѣрнымъ благоправіемъ и благочестіемъ. Отпуская его въ Екатеринославль, о. Макарій послалъ съ нимъ письмо къ о. Іоанну Г—му, въ которомъ писалъ: «Прими Ивана въ свой домъ, пока онъ будетъ принятъ въ бурсу на прежнее мѣсто. Посади Ивана на горнее у тебя мѣсто подъ образами, потомъ возри на него, какъ на ангела хранителя моего, по тѣлу и душѣ, и благослови его, да возраститъ доброе сѣмя, посѣянное въ душѣ его Создателемъ, потомъ угости его, какъ бы ты угощалъ меня. Любезный

*) Странникъ, май, 1861 г., стр. 241.

Иванъ Ильичъ! Ты не отъ меня разстался со мною; поминай меня, другъ мой, въ молитвахъ своихъ *).

Предвѣдѣніе добра въ мальчикѣ не обмануло о. Макарія, не даромъ онъ такъ любилъ его. Изъ него впоследствии вышелъ добрый пастырь. Іоаннъ Вахнинъ былъ протоіереемъ и благочиннымъ въ городѣ Бахмутѣ. Матеріальное положеніе о. Макарія съ начала его пребыванія въ Костромѣ было очень затруднительное: почти все жалованье у него вышло частію на уплату долговъ, которые онъ сдѣлалъ, собираясь въ дорогу изъ Екатеринослава, частію на леченіе, частію и на отправленіе мальчика Ивана, о которомъ онъ заботился, какъ отецъ родной. По своей добротѣ и по чувству благодарности, о. Макарій желалъ бы отблагодарить своихъ друзей въ Екатеринославѣ и тамошнихъ знакомыхъ, любившихъ его, какими-нибудь подарками; но онъ не могъ этого сдѣлать. Онъ послалъ съ Иваномъ только о. І. Г.—му книгу: «Руководство къ благочестивой жизни—Франциска-де-Саль», и между прочимъ въ письмѣ извинялся, что, при этомъ удобномъ случаѣ, не можетъ, какъ бы онъ хотѣлъ, изъяснить своимъ близкимъ и знакомымъ свою любовь и признательность, и писалъ: «Я—нищая и убогая тварь, Господь вамъ воздастъ за меня, по прїѣздѣ въ Кострому надобно было выслать значительную сумму денегъ для уплаты долговъ, на угощеніе лихорадки много вышло, а тутъ подоспѣло и отправленіе Ивана, о чемъ, по милости Божіей, я не скорблю» **).

Что же касается до служебной дѣятельности о. Макарія, какъ ректора семинаріи, то, по словамъ А. Стурдзы, «онъ хотѣлъ поселить Духъ Христовъ въ заведеніи для сего устроенномъ, желалъ чтобы духовный расадникъ боговѣдѣнія былъ вмѣстѣ и расадникомъ богоподобія. Желая служить подъ начальствомъ такого о. ректора, который бы, по его собственному выраженію, имѣлъ въ себѣ Духъ Христовъ, о. Макарій именно въ своей личности старался осуществить такого высоко-религіознаго и нравственнаго начальника. Онъ не только усердно слѣдилъ за нравственностію воспитанниковъ, и тѣхъ, въ которыхъ замѣчалъ особенную религіозность и благоправіе, отличалъ своимъ расположеніемъ, но требовалъ и отъ наставниковъ исполнительности и исправности. Онъ строго взыскивалъ за дурные поступки съ воспитанниковъ, преслѣдовалъ все то, что замѣчалъ въ нихъ дурное, несвойственное ихъ будущему высокому назначенію. Понятно, что такое строгое исполненіе своей обязанности было сопряжено для него съ большими непріятностями. Онъ скорбѣлъ духомъ, когда видѣлъ, что его добрыя желанія не осуществляются, когда замѣчалъ холодность и неудовольствіе противъ него подчиненныхъ—сослуживцевъ-наставниковъ. Строгий до крайности къ самому себѣ, снѣдался онъ ревностію о благѣ той среды, въ которой былъ первымъ дѣятеlemъ, и, не находя полнаго сочувствія благороднымъ своимъ стремленіямъ, сильно скорбѣлъ и, преогорченный, взволнованный, прибѣгалъ

*) *Странникъ*, 1861 г., май. стр. 241—242.

**) *Ibidem*, стр. 242.

иногда къ довольно крутымъ мѣрамъ, вызывавшимъ нерѣдко открытое сопротивленіе со стороны воспитанниковъ» *). Слѣдующій случай до глубины души оскорбилъ его. Однажды о. Макарій проходилъ по двору семинаріи и вдругъ изъ ученическаго корпуса, изъ окна верхняго этажа, былъ брошенъ въ него кирпичъ, который попалъ ему въ плечо. Такой безобразно-злой поступокъ не раздражилъ кроткаго о. Макарія. Онъ не сталъ доискиваться виновнаго; не жестокимъ наказаніемъ, а трогательнымъ увѣщаніемъ онъ хотѣлъ исправить дурной поступокъ и повліять на злонаправныхъ юношей. Онъ собралъ всѣхъ воспитанниковъ и такъ душевно и отечески усовѣщевалъ ихъ, что всѣхъ расстрогалъ. Неизвѣстно, открылся ли виновный, признался ли хотя наединѣ, но, какъ говоритъ А. Стурдза, «сказаніе очевидца, до насъ дошедшее, свидѣтельствуешь, что съ тѣхъ поръ сдѣлался переломъ въ нравахъ и обычаяхъ духовнаго юношества». Во всякомъ случаѣ, навѣрное можно сказать, что всегда великодушный о. Макарій не наказалъ бы виновнаго такъ строго, какъ онъ того заслуживалъ, но простилъ бы его за чистосердечное признаніе.

Впрочемъ, звѣрскій поступокъ, который, можетъ быть, былъ дѣломъ исключительно одного воспитанника, нисколько не доказываетъ того, что воспитанники не любили о. Макарія за его строгія требованія относительно поведенія; напротивъ можно сказать, что вообще онъ былъ начальникомъ любимымъ и уважаемымъ. Вотъ съ какою любовью и благодарностію вспоминалъ о немъ одинъ изъ его учениковъ: «Моей душѣ онъ (о. Макарій) всегда присулъ, какъ наставникъ, изъ устъ котораго лились сладчайшія рѣчи и въ семинаріи, и въ его келліи, куда онъ, бывало, нерѣдко призывалъ меня, юнаго богослова, для наученія, обличенія и усовершенія во истинѣ и правдѣ и для принятія повелѣнія произносить его собственныя проповѣди въ церкви вмѣсто его самаго, по причинѣ крайней слабости его голоса. Но вѣчное мѣсто въ душѣ моей онъ имѣетъ наипаче потому, что духовная жизнь его при ученіи удерживала меня ¹⁹/₂₀ лѣтняго на путяхъ Господнихъ. Истину говорю—полный благодаренія Господу, даровавшему мнѣ такого наставника въ юности моей. Когда онъ послалъ меня на подвигъ учительства въ городѣ Макарьевѣ (Костромской губерніи), тогда я любилъ только молиться, читать его проповѣди и богословскіе уроки и быть его эхомъ. Это было въ 1824¹/₂ г. согрѣтый его духовнымъ свѣтомъ и теплотою, я поступилъ въ С.-Петербургскую академію въ августѣ 1825 г. По прошествіи двухъ лѣтъ въ прилежномъ ученіи, Господь сподобилъ меня опять узрѣть свѣтлое лицо незабвеннаго о. Макарія въ домѣ митрополита Филарета (1827 г.) и насладиться его поученіемъ и вліяніемъ благодати Божіей отъ его души лучезарной. Съ тѣхъ поръ я не видѣлъ его, и только слышалъ съ радостію сына церкви православной объ апостольскихъ подвигахъ его въ хладныхъ предѣлахъ возлюбленнаго отечества моего. Славлю и величаю благодать Божію, которая осязательно для меня проявилась въ скудельномъ сосудѣ его, лобызаю жезлъ и палицу

*) *Странникъ*, апрѣль, 1861 г., стр. 210.

моего наставника: ибо «та мя настависта», чту благовѣстнической посохъ его; пою пѣснь упованія и безсмертія на могилѣ челоуѣка Божія. Онъ не умеръ; онъ живъ въ Господѣ, во мнѣ и во многихъ, которыхъ просвѣтилъ св. крещеніемъ, богоглаголивимъ ученіемъ и житіемъ добродѣтельнымъ» *).

Въ Костромѣ у о. Макарія, между прочимъ, учился богословію и былъ отправленъ въ С.-Петербургскую академію Андрей Григорьевичъ Соколовъ, въ монашествѣ Аѳанасій, впоследствии Епископъ Томскій, а потомъ архіепископъ Казанскій.

Не даромъ имѣлъ такое благотворное вліяніе на своихъ воспитанниковъ о. Макарій. По своему строго-правственному образу жизни онъ былъ свѣтильникомъ горящимъ и свѣтящимъ, а извѣстно, что какъ дурной примѣръ, такъ и добрый, оставляетъ глубокое впечатлѣніе на сердцахъ дѣтей и юношей. Будучи ректоромъ, о. Макарій велъ истинно подвижническую жизнь. Въ употребленіи нищи онъ соблюдалъ строгое воздержаніе, нерѣдко по цѣлому дню ничего не ѣлъ, ложился онъ поздно всѣхъ, а вставалъ въ самое раннее утро. Въ свободное время постоянно былъ занятъ чтеніемъ; особенно любилъ читать книги подвижническаго, мистическаго содержанія, на примѣръ творенія Макарія Египетскаго, Максима Исповѣдника, Добротолюбіе и т. п. Въ одеждѣ онъ соблюдалъ умѣренность и скромность. Ряска лѣтняя у него всегда была одна, изъ простой шерстяной матеріи, а когда, бывало, сошьетъ себѣ новую, что онъ обыкновенно дѣлывалъ передъ Пасхою, то прежнюю отдастъ нуждающемуся; зимняя же ряса у него одна носилась нѣсколько лѣтъ. Но будучи вообще въ жизни строгимъ монахомъ, о. Макарій не чуждался общества и тѣмъ удобнѣе свѣтъ его благочестія и добродѣтели разливался на окружавшихъ его; въ Костромѣ у него было довольно большое знакомство. «Что сказать вамъ о пребываніи моемъ здѣсь? писалъ о. Макарій о. І. Г—му. Съ преосвященнымъ я доселѣ ничего непріятнаго не имѣлъ, въ консисторіи (о. Макарій былъ членомъ консисторіи) бываю рѣдко, много имѣю знакомыхъ, нѣсколько пріятелей и одного друга; чего бы кажется еще? Но (говоритъ Августинъ) «сотворилъ Ты насъ, Господи, для Тебя и безпокойно сердце наше, пока не успокоится въ Тебѣ». При томъ извѣстенъ вамъ темпераментъ мой. Мракъ души моей часто покрываетъ тѣнію печальною все меня окружающее» *). Сочувствіе и отраду своей душѣ, тяготившейся служебными обязанностями и людскими отношеніями и искавшей успокоенія въ Богѣ, о. Макарій находилъ въ тѣсной дружбѣ съ инспекторомъ семинаріи о. Иліодоромъ. Впрочемъ, недолго онъ утѣшался этою дружбою: о. Иліодоръ только одинъ годъ былъ инспекторомъ въ Костромѣ при о. Макаріѣ, въ 1822 г. онъ былъ переведенъ въ Московскую академію бакалавромъ, а впоследствии былъ преосвященнымъ Курскимъ. Въ томъ же 1822 г. о. Макарія посѣтилъ его родитель о. Іаковъ; это свиданіе было и утѣ-

*) Страникъ, апрѣль 1860 г. стр. 121.

**) Пис. 1 т., стр. 223. Страникъ, май, 1861 г. стр. 243.

пительно и вмѣстѣ соединено со скорбію для него. «Въ нынѣшнемъ году (1822), въ іюлѣ, непосредственно по окончаніи семинарскихъ трудовъ, писалъ о. Макарій о. І. Г—му, лихорадка посѣтила меня; и опять я лишился друга-отца инспектора Иліодора, сладцѣ мы пожили съ нимъ, и другъ другу оставили о себѣ пріятную память помилости Божіей. Теперь я вамъ сообщу новость, которая, знаю я, будетъ занимательна для сердца вашего. Я собираюсь проститься съ о. Иліодоромъ, а ко мнѣ гость на дворѣ, кто, вы думаете? Старець—отецъ мой. Посѣщеніе его было для меня благотворнымъ посѣщеніемъ милости Божіей, котораго я не ожидалъ и не просилъ и не достоинъ былъ. Въ бесѣдахъ о прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ мы проводили цѣлыя ночи. Труднымъ путемъ промыслъ Божій ведетъ его; но бодрость и веселіе духа его дивны! Помолитесь объ немъ, да совершитъ его Господь, да сохранитъ его до конца въ вѣрности, и да сподобитъ его получить вѣнецъ славы и жизни вѣчной, уготованной побѣдителямъ! Чѣмъ ближе къ концу подходитъ, тѣмъ болѣе увеличиваются кресты его. Терпѣніе, братъ мой, терпѣніе! Не у до крове стоимъ противъ грѣха подвизающагося. Погостилъ у меня родитель одну недѣлю и уѣхалъ вмѣстѣ съ о. Иліодоромъ» *).

Вообще нужно замѣтить, что труды по семинарской службѣ, по управленію монастыремъ бѣднымъ, имѣвшимъ ветхія зданія и требовавшимъ большихъ хлопотъ и заботъ, а также и начальство надъ братіей (о которой о. Макарій замѣчалъ, что разнообразіе характеровъ монашествующихъ удивительно), тяготила о. Макарія въ особенности при его слабости и болѣзненности, и его душа желала покоя во внутренней духовной жизни, гдѣ-либо вдали, въ тиши мирной обители.

«Промыслъ Божій, говоритъ А. Стурдза, привелъ о. Макарія въ столицу (въ Петербургъ, около 1825 г.), гдѣ онъ, временно проживая, проповѣдывалъ неоднократно въ домовоі церкви незабвеннаго князя А. Н. Голицына. Склонность о. Макарія къ таинственному образу воззрѣнія на вѣру и жизнь обнаруживалась въ бесѣдахъ его и подавала не рѣдко поводъ къ противоположнымъ сужденіямъ о немъ самомъ. Однако замѣтимъ, что при первомъ взглядѣ на строгую жизнь, на глубокое смиреніе о. Макарія и на совершенное отреченіе его отъ благъ и почестей земныхъ, всякое различіе мнѣній должно было исчезнуть. И въ самомъ дѣлѣ, этотъ отшельникъ посреди міра, этотъ горящій духомъ, но послушливый монахъ вовсе не походилъ на тогдашнихъ (ложныхъ) мистиковъ высшаго круга, которыми гостинныя были наполнены, которыхъ заносчивая созерцательность отнюдь не чуждалась ни выгодъ, ни наслажденій свѣтской жизни. Макарій не долго оставался въ кругу дѣйствій ему несродномъ: любовь ко Христу и меньшей братіи Его, любовь крѣпкая, яко смерть, скоро увлекла его въ сумрачную даль; онъ, по благословенію іерарховъ, отправился въ Сибирь благовѣстителемъ слова Божія» **). Эти немногія свѣдѣнія А. Стурдзы о пребываніи о. Макарія

*) Пис. 1860 г. 1 т., стр. 224.

**) Страникъ, апрѣль, 1860 г., стр. 121—122.

въ Петербургѣ довольно ясно говорятъ о томъ, что въ концѣ 1824 г. о. Макарій былъ изъ Костромы вызванъ въ Сѣверную столицу, какъ кандидатъ на епископство. Очевидно, что тамъ онъ вращался въ высшемъ кругу, имѣлъ близкія отношенія къ А. Н. Голицыну, бывшему тогда оберъ-прокуроромъ Св. Синода. Но о. Макарію была не по характеру широко-общественная, хотя и религіозно-нравственная, дѣятельность, которая ожидала его въ епископскомъ санѣ; по его въ высшей степени строгимъ религіозно-нравственнымъ убѣжденіямъ, прямотѣ, строгой честности и глубокой впечатлительности его натуры, официальные отношенія къ начальствующимъ лицамъ и подчиненнымъ могли приносить ему частыя душевныя тревоги, что онъ уже и испыталъ на духовно-учебной службѣ; общественныя отношенія при томъ были тяжелы для него и вслѣдствіе разстроеннаго его здоровья. Какъ истинный христіанинъ, какъ строгій монахъ, «человѣкъ духовный», какъ выразился о немъ Стурдза, о. Макарій тяготился людскими отношеніями, если они не приносили ему душевной, нравственной пользы, искалъ душевнаго мира, стремился къ жизни уединенной, созерцательной, гдѣ онъ могъ бы безпрепятственно заниматься любимымъ религіозно-нравственнымъ чтеніемъ, жить жизнью духовною, воспитывать въ себѣ внутренняго, духовнаго человѣка. Искренно желая принести духовную пользу каждому, онъ прежде желалъ нравственно воспитать себя самаго *). Его глубокое смиреніе не позволяло не только неспать, но даже желать такого высокаго сана, какъ епископскій. Чувствуя постоянно свою слабость и болѣзненность, онъ, будучи въ Петербургѣ, подалъ въ Святѣйшій Синодъ прошеніе объ увольненіи его на покой въ одинъ изъ монастырей, назначая, вѣроятно, самъ для себя Кіевскую Лавру, куда его влекло желаніе помолитися почивающимъ тамъ угодникамъ Божиимъ. Вотъ что писалъ онъ изъ Кіева о. І. Г-му: «Для меня нужно было и Лавру видѣть, сіе святое мѣсто и все, что есть и бываетъ на немъ. Слава Господу, сподобившему меня поклониться святымъ угодникамъ, почивающимъ въ пещерахъ, руками ихъ ископанныхъ и потоми ихъ напоенныхъ и освященныхъ; а что впередъ будетъ со мною, о томъ не безпокойтесь, друзья мои, только бы все впередъ, а не назадъ подвигаться, впередъ съ благословеніемъ Божиимъ, впередъ въ бѣгствѣ изъ міра, впередъ по тропинкѣ узкой креста Господня **).

И такъ, желаніе о. Макарія жизни уединенной наконецъ осуществилось. Въ началѣ 1825 г. указомъ Святѣйшаго Синода онъ былъ уволенъ отъ духовно-учебной службы на покой въ Кіевскую лавру съ магистерскимъ окладомъ. Получивши увольненіе, онъ какъ бы ожилъ и духомъ и тѣломъ; и Самъ Господь видимо благословлялъ его желаніе уединенія. Слабый здоровьемъ, постоянно страдая до сего времени лихорадкою и глазами, онъ почувствовалъ себя свѣжѣе, и бодро совершилъ далекій зимній путь. Зима въ 1825 г. была чрезвычайно суровая; въ

*) Ср. *Странникъ*, май, 1861 г., стр. 239.

***) Пис. 1860 г., 1 часть, стр. 226.

январѣ и февралѣ стояли сильные морозы, а о. Макарій изъ Петербурга, побывавъ въ Костромѣ, отправился въ Екатеринославъ, мѣсто своей первой учебной службы, куда онъ и прибылъ въ открытыхъ саняхъ, запряженныхъ въ одну лошадь въ сопровожденіи одного молодого человѣка, своего послушника Ивана (Алексѣй Савельевъ Зубовъ, Смоленской губерніи, дворовый человѣкъ г. Пашкова), который служилъ у о. Макарія и въ Костромѣ, въ бытность его тамъ ректоромъ, келейникомъ. О. Макарій полюбилъ Ивана за его религіозность и строгую нравственность и, какъ увидимъ впоследствии, считалъ его самымъ дорогимъ своимъ другомъ. Прибывши въ Екатеринославъ 13 февраля, о. Макарій остановился въ домѣ дѣйств. статск. совѣтн. Дмитрія Тимоѣевича Мизько; съ нимъ и съ его семействомъ онъ познакомился во время службы въ Екатеринославѣ инспекторомъ. Семейство Мизько отличалось особеннымъ расположеніемъ къ духовенству и религіозностію, за что и заслужило особенную любовь о. Макарія, который велъ съ нимъ переписку будучи миссіонеромъ. «Если бы я забылъ вашу любовь, писалъ о. Макарій изъ Війска въ 1834 г. къ Д. Т. М., и толикія благодѣянія вашего усердія ко мнѣ, услаждавшаго горести пришествія моего въ Екатеринославѣ, въ Костромѣ, въ Кіевѣ, въ Глинской пустынѣ, то и передъ Богомъ содѣлался бы человѣкомъ самымъ неблагодарнымъ. Но совѣсть моя свидѣтельствуется, что я всегда питалъ въ душѣ моей память о васъ искренними желаніями, которыя предавалъ Господу, и хотя долго молчалъ предъ вами, иногда по обстоятельствамъ внѣшнимъ, иногда по состоянію душевному, однако учился и говорить о васъ присутствующему со всеми нами всеобщему Благодѣтелю человѣковъ, особенно же въ приношеніи жертвы искупленія нашего» (Пис. ч. 1, стр. 189). О. І. Герболинскій, другъ о. Макарія, узнавъ о его прибытіи, поспѣшилъ повидаться съ нимъ. «Я пришелъ къ о. Макарію, рассказываетъ о. І. Г., со слезами обнялъ его; онъ сказалъ: «Ну! вотъ, ты говорилъ, что увидимся развѣ на страшномъ судѣ; вотъ увидѣлись и прежде». Тутъ показалъ онъ книгу о Небесной Иерархіи—Діонисія Ареопагита и сказалъ, что ни за что на свѣтѣ не разстанется съ нею. Когда я спросилъ: «какая причина заставила его оставить службу»? онъ отвѣтилъ: «Я вамъ писалъ, что часто бываю боленъ; послѣ увольненіе было бы невозможно». Почему—я уже не спрашивалъ, но думаю, что, такъ какъ онъ всячески избѣгалъ почестей и желалъ знать только себя самаго, то ему не хотѣлось быть епископомъ *).

О. Макарій только три дня пробылъ въ Екатеринославѣ, и, распростившись съ своими знакомыми, отправился въ Кіевъ съ послушникомъ Иваномъ.

Въ Кіевѣ о. Макарій жилъ недолгое время въ самой Лаврѣ у Кіевского викарія преосвященнаго Аеоносія, человѣка очень добраго, съ которымъ онъ близко сошелся; но жизнь въ Лаврѣ показалась ему очень тяжелою, его безпокойло постоянное посѣщеніе Лавры богомольцами, самый звонъ кіевскихъ лаврскихъ большихъ колоколовъ былъ невыносимъ

*) *Странникъ*, май 1861 г. стр. 244.

для его слабого организма, болѣзни его снова стали тревожить, и онъ перепросился на жительство въ Китаевскую пустынь, находящуюся неподалеку отъ Кіева. Не долго пробылъ и здѣсь о. Макарій. Благочестивая душа его, стремившаяся къ духовному совершенству, искала себѣ опытнаго руководителя и наставника въ духовной жизни. Господь послалъ ему такого человѣка въ лицѣ благочестиваго старца Филарета, настоятеля Глинской Оптиной—Богородицкой пустыни. Этотъ старецъ былъ извѣстенъ святостію жизни, особенною духовною опытностію, и о. Макарій, узнавши о немъ, пожелалъ ввѣрить ему свое духовное усовершенствованіе. Въ концѣ 1825 года онъ подалъ прошеніе въ Святѣйшій Синодъ о переводѣ его въ Оптину пустынь (въ Курской губерніи). Эта пустынь была послѣднимъ мѣстомъ, гдѣ было dokonчено приготовленіе о. Макарія къ высокому и трудному званію миссіонера, гдѣ dokonчилось его усовершенствованіе въ подвижничествѣ, о которомъ онъ самъ выражался такъ: «я хотѣлъ среди глинскихъ братій знакомиться съ искушеніями свойственными монашескому общежитію». По прибытіи въ Глинскую обитель, о. Макарій былъ огорченъ разлукою съ любимымъ другомъ Иваномъ, который изъ Екатеринослава сопровождалъ его въ Кіевъ и прибылъ съ нимъ и въ Глинскую пустынь. Иванъ не пожелалъ остаться съ о. Макаріемъ въ пустыни, но отправился проходить подвиги послушанія въ Намецкомъ монастырѣ, что въ Молдавіи. Тяжела была съ нимъ разлука для о. Макарія; вотъ какъ онъ говоритъ о ней въ своемъ письмѣ, и потомъ въ дневныхъ запискахъ, за 1833 годъ, веденныхъ въ миссіи: «Мы прибыли въ Глинскую пустынь 29 декабря, по милости Божіей, благополучно. Промыслъ Всевышняго, изрекшій волю свою въ совѣтѣ о. настоятеля, разлучилъ меня съ добрымъ другомъ моимъ; мы разстались въ любви и ненарушимомъ мирѣ». (Пис. 1861 г. ч. 1, стр. 153). Прощаясь со мною, Иванъ плакалъ, а я? Я провожалъ его съ сухими глазами; но прошло часа три потомъ, звонъ колоколовъ позвалъ меня на вечернее богослуженіе въ церковь; тамъ наввернулось у меня воспоминаніе объ Иванѣ, скорбь неожиданная стѣснила сердце, слезы лились изобильно сами собою, и грусть усилилась до того, что я въ тотъ же вечеръ униженно просилъ настоятеля послать нарочнаго, который бы возвратилъ Ивана въ Глинскую пустынь. О. Филаретъ удивился, видя меня въ такомъ волненіи чувствованій, и посовѣтовалъ мнѣ предать волѣ Божіей путь Ивана. Я уступилъ невозможности; но чувство души какъ бы вѣщало, что я не на всегда въ Глинской пустыни; и съ того времени часто возникало желаніе, если не видѣться съ Иваномъ, то по крайней мѣрѣ узнать, въ какомъ онъ состояніи». Впослѣдствіи, какъ мы увидимъ, предчувствіе видѣться съ Иваномъ не обмануло о. Макарія. Ихъ свиданіе было неожиданное въ Тобольскѣ. И такъ, въ Глинской пустыни о. Макарій въ монашескихъ подвигахъ пробылъ съ 1826 по 1829 г. Его душа нашла здѣсь тотъ душевный покой, котораго она искала. «Я всегда сохраняю утѣшительную память моего пребыванія въ обители о. Филарета, говоритъ о. Макарій, его опытныхъ наставленій и отеческихъ благотвореній. Его обитель—это

школа Христова, это одна изъ свѣтлыхъ точекъ на земномъ мірѣ, въ которую, дабы войти, надлежитъ умалиться до Христова младенчества». (Пис. 1860 г. ч. 2, стр. 153, ч. 1, стр. 200).

Промыслу Божію угодно было указать о. Макарію изъ Глинской обители путь къ его высокому назначенію—быть просвѣтителемъ Алтайскихъ язычниковъ. Мысль быть миссіонеромъ родилась у о. Макарія еще гораздо раньше. Есть даже мнѣніе, что эту мысль подалъ ему преосвященный Филаретъ, въ Бозѣ почившій митрополитъ Московскій, но когда именно,—неизвѣстно; во всякомъ случаѣ эта мысль была у о. Макарія во время пребыванія его въ Кіевѣ, откуда онъ писалъ о. І. Г—му о своемъ желаніи принять на себя миссіонерскій подвигъ. Мысль, таившаяся въ глубинѣ души о. Макарія, осуществилась по слѣдующему обстоятельству, въ которомъ нельзя не видѣть призванія Божія: Всегда слабый здоровьемъ, о. Макарій былъ всегда необыкновенно чутокъ къ сквозному вѣтру. Его келія въ Глинскомъ монастырѣ, какъ видно, была не особенно тепла, а при его слабости, ему казалось, что въ ней вездѣ дуетъ сквозъ стѣны. И вотъ, онъ выбралъ въ своей келліи единственный покойный уголокъ между стѣной и печкой и тамъ постоянно занимался. Однажды (это было въ 1828 г.) когда о. Макарій, по порученію архіепископа Воронежскаго Антонія, сидя въ своемъ уголкѣ, занимался переводомъ огласительныхъ словъ Θεодора Студійскаго, пришелъ къ нему его знакомый странникъ Мартинъ Андреевичъ Атласъ, котораго о. Макарій очень любилъ и уважалъ, и который имѣлъ большое вліяніе на него. Мартинъ Андреевичъ былъ человѣкъ образованный и глубоко религіозный, онъ сначала былъ католикомъ, но потомъ по убѣжденію принялъ православіе и вмѣстѣ подвигъ странствованія по святымъ мѣстамъ. Мартинъ Андреевичъ, увидѣвъ въ такомъ положеніи о. Макарія, сказалъ: «что ты, о. Макарій, забился и сидишь тутъ въ темнотѣ? Тотъ отвѣчалъ: «что мнѣ дѣлать, когда я такъ слабъ и чувствую, что вездѣ дуетъ». Мартинъ Андреевичъ сказалъ на это: «ты человѣкъ просвѣщенный, тебѣ надобно другихъ просвѣщать, а ты засѣлъ здѣсь въ темноту. Иди, проповѣдуй Евангеліе Сибирскимъ язычникамъ,—вотъ Святѣйшій Синодъ ищетъ такого человѣка». Эти слова произвели глубокое впечатлѣніе на о. Макарія. Долго не думая, онъ пошелъ къ настоятелю о. Филарету и просилъ его благословенія подать въ Святѣйшій Синодъ прошеніе о дозволеніи отправиться въ Сибирь на проповѣдь Евангелія кочующимъ бурятамъ-язычникамъ. О. Филаретъ благословилъ его, и прошеніе было подано. Очевидно, что доброе желаніе въ то время уже созрѣло въ душѣ о. Макарія, и рассказанное обстоятельство только содѣйствовало быстрому его осуществленію.

Заявленіе о. Макарія о желаніи быть миссіонеромъ поступило въ Святѣйшій Синодъ во-время. Тогда именно нуженъ былъ человѣкъ способный принять должность начальника миссіи. Какъ получившій высшее богословское образованіе, извѣстный своею строгою жизнью, о. Макарій былъ находкою для Святѣйшаго Синода, и заявленіе его тотчасъ было принято и немедленно послѣдовало о немъ распоряженіе къ преосвящен-

ному Евгенію. Отъ 27 мая 1829 года Святѣйшій Синодъ предписалъ ему: «Отправленнаго изъ Курской епархіи архим. Макарія обратить по усмотрѣнію его преосвященства на дѣло проповѣди, гдѣ сіе представится нужнымъ, въ видѣ на первый случай опыта, дабы по первымъ дѣйствіямъ его можно было судить: способенъ ли онъ къ приему на себя дѣлу и въ состояніи ли будетъ отправлять оное съ желаемою пользою»? Получивши увѣдомленіе отъ Курскаго преосвященнаго объ опредѣленіи Святѣйшаго Синода, о. Макарій лѣтомъ 1829 года отправился изъ Глинской пустыни въ Москву. О. Филаретъ, настоятель обители, проводилъ его съ благожеланіями и подарилъ ему на память требникъ, сдѣлавши на немъ собственноручно надпись: «1829 года іюня 5 дня. Усерствуешь въ любви о Господѣ требникъ сей о. архимандриту Макарію, въ память его любви къ обители нашей.—Глинской Богородской пустыни строитель о. Филаретъ». Въ Москвѣ о. Макарій получилъ благословеніе на предстоявшій ему подвигъ отъ митрополита Филарета, котораго онъ всегда уважалъ и считалъ своимъ благодѣтелемъ. Сначала онъ думалъ здѣсь дожидаться зимняго пути, чтобы удобнѣе было ему ѣхать въ Tobольскъ, но его сердце, порывавшееся къ избранному имъ дѣлу, не утерпѣло, и онъ 1 сентября уже отправился въ путь. Ровно черезъ мѣсяцъ, именно 30 сентября, о. Макарій прибылъ въ Tobольскъ. Здѣсь Господь послалъ ему неожиданную радость, какъ бы въ знакъ своего благословенія на избранный имъ апостольскій трудъ. О. Макарій въ Tobольскѣ неожиданно свидѣлся съ своимъ любимымъ другомъ, послушникомъ Иваномъ. Еще прежде своего отправления изъ Глинской пустыни, о. Макарій узналъ, что спутникъ Ивана отправленъ изъ Молдавіи въ оковахъ въ Орель. Внутреннее чувство говорило о. Макарію, что онъ увидитъ своего друга въ Tobольскѣ. О. Макарій такъ сильно желалъ увидѣть Ивана, что даже отказался отъ своего перваго рѣшенія отправиться на проповѣдь къ бурятамъ въ Иркутскую епархію и рѣшился основать свое мѣстопребываніе въ Tobольскѣ. «Искренно скажу вамъ, писалъ о. Макарій въ одномъ изъ своихъ писемъ, однимъ изъ самыхъ сильныхъ побужденій, удерживавшихъ меня въ порывахъ къ Иркутску, было повелительное чувство душевное, не позволявшее разлучаться съ Иваномъ по своей волѣ; я уважалъ и это чувство вмѣстѣ съ другими, и признаюсь вамъ, тотъ крикъ восторга, который вырвался изъ груди моей при первомъ моемъ въ Tobольскѣ свиданіи съ нимъ, и теперь еще раздается въ моемъ воспоминаніи, и веселитъ меня; а если бы я въ Иркутскъ убѣжалъ, то не имѣлъ бы сего радостнаго воспоминанія. Боже мой! думалъ я, не передъ Тобою ли я проливалъ слезы грѣшныя въ Глинской пустыни, умоляя Тебя дать мнѣ увидѣться съ другомъ моимъ, благодѣтелемъ, или по крайней мѣрѣ узнать, что онъ еще благополученъ, подъ покровомъ Твоимъ святымъ? Дивными путями промысленія Твоего Ты привелъ меня къ утѣшенію этому, мною уже нечаянному» (Пис. 1851 г. стр. 52). Въ дневникѣ же о. Макарія за 1833 г. посланномъ преосв. Евгенію, встрѣча его съ Иваномъ воспоминается такъ: «Что касается поселенца, о которомъ упоминаю, то онъ былъ извѣстенъ

Вашему Высок.преосвященству во время служенія Вашего въ Кіевской митрополіи, и когда вы, воспріявъ меня, страннаго и больнаго, въ отеческое попеченіе, упокоили и уврачевали въ Михайловскомъ, онъ былъ со мною, служа при мнѣ съ незабвеннымъ усердіемъ и честностію. Словомъ это—Иванъ, который сопутствовалъ мнѣ отъ Костромы до Кіева, до пустынной обители Глинскихъ иноковъ. Отсюда онъ пожелалъ идти въ Намецкій монастырь, что въ Молдавіи, но со времени разлуки у меня часто возникало желаніе, если не видѣться съ Иваномъ, то по крайней мѣрѣ узнать, въ какомъ онъ состояніи, особенно, когда я получилъ вѣрный слухъ, что спутника его провели черезъ Орель въ оковахъ; и даже когда открылся для меня путь сюда, сіе желаніе въ слабости мерцанія чаянія, сопутствовало тѣмъ побужденіемъ, которыя облегчали для меня многое, что представлялось труднымъ. Наконецъ, я въ Сибири; переправляюсь черезъ Иртышъ и не вижу, что Иванъ мой на берегу стоитъ; онъ не столько повѣрилъ глазамъ своимъ, сколько внутреннему чувству послѣдуя, гонится за моею повозкою и уже на другой день находитъ меня въ архіерейскомъ домѣ.—И ты здѣсь, Иванъ!... На границахъ Россіи и Молдавіи онъ показалъ карантинному приставу бумагу; но онъ здѣсь не были такъ уважены, какъ въ другихъ мѣстахъ. При послѣдовавшихъ допросахъ принялъ онъ именованіе «непомнящаго» и отосланъ въ Сибирь на поселеніе. Сей непомнящій не забылъ Бога, не забылъ Богомъ и никогда не былъ злодѣемъ». Такимъ образомъ, очевидно встрѣча съ Иваномъ въ Tobольскѣ имѣла рѣшительное вліяніе на выборъ о. Макаріемъ Tobольской епархіи мѣстомъ его дѣятельности.

Съ согласія и благословенія преосвященнаго Евгенія, о. архимандритъ Макарій выбралъ себѣ въ сотрудники въ миссіонерской службѣ двухъ хорошаго поведенія воспитанниковъ Tobольской семинаріи, изъявившихъ на то свое согласіе и желаніе, именно: сына дьячка Успенскаго завода Василія Степановича Попова 22 л., окончившаго курсъ 2 разряда, и сына священника Туринскаго округа, Ворсинскаго села, Алексѣя Терентьевича Волкова, 18 л., который въ первомъ разрядѣ переходилъ изъ нисшаго въ среднее отдѣленіе семинаріи.—Преосвященный Евгеній на прошеніи этихъ воспитанниковъ объ увольненіи ихъ изъ семинаріи на миссіонерскую службу положилъ резолюцію: «Такъ какъ миссія учреждена по Высочайшему повѣленію, то учениковъ Попова и Волкова уволить, по прошенію, въ епархіальное вѣдомство и снабдить аттестатами послѣ испытаній, съ тѣмъ, чтобы явились съ оными ко мнѣ, при чемъ увѣрить, что если будутъ проходить сіе званіе съ усердіемъ и рекомендаціею отъ начальника миссіи, и прослужать не менѣе четырехъ лѣтъ, то, въ случаѣ желанія ихъ поступить на мѣсто, не только будутъ пользоваться равными, но и преимущественными правами предъ ихъ товарищами, остающимися при семинаріи, или поступающими на мѣста; о чемъ сообщить и въ консисторію, для исполненія въ свое время обѣщанныхъ имъ и будущимъ по нимъ преимуществъ».

Такъ какъ о. Макарій желалъ вести дѣло Евангельской проповѣди среди язычниковъ въ истинно-апостольскомъ духѣ и съ апостольскою

ревностію, то онъ отказался отъ жалованья, которое Тобольская консисторія предположила выдать ему, какъ начальнику формируемой миссіи. Консисторіею же относительно жалованья миссіонерамъ положено: «Всѣмъ тѣмъ, кои будутъ командированы въ ближайшія къ епархіальному городу мѣста не далѣе 500 верстъ, семейнымъ 1000 р. асс., а безсемейнымъ 600 р., тѣмъ, кои отъ 500 до 1000 в.—семейнымъ 1500 р. а безсемейнымъ 1000 р., а тѣмъ, кои отъ 1000 до 2000 в. и далѣе семейнымъ 2000 р., а безсемейнымъ 1500 р., а имѣющимъ архимандритскія и игуменскія степени выдавать жалованье назначенное семейнымъ, съ тѣмъ, чтобъ они изъ сей суммы употребляли и на прогоны и на кресты новокрещеннымъ и на другія издержки». О. архимандритъ Макарій заявилъ преосвященному Евгенію, что желаетъ вести дѣло проповѣди безмездно, на собственные средства, и именно воспользуется на это святое дѣло своимъ магистерскимъ окладомъ, и тогда только будетъ просить пособія и на столько, на сколько его собственные средства окажутся недостаточными. Кромѣ того, кроткій и смиренный о. Макарій желалъ, чтобъ его отношенія къ сотрудникамъ были въ христіанско-братскомъ духѣ, по этому онъ озаботился составленіемъ правилъ, которыми бы руководствоваться ему и его помощникамъ въ проповѣднической дѣятельности. Эти правила весьма замѣчательны и вполнѣ характеризуютъ высокую и святую душу о. Макарія. Вотъ они:

а) «Желаемъ, да будетъ у насъ все общее: деньги, пища, одѣяніе, книги и прочія вещи, и сія мѣра да будетъ для насъ удобностію въ стремленіи къ единому душію.

б) «Желаемъ тому изъ насъ, которому опредѣленіемъ начальства будетъ поручено особенное попеченіе о дѣлѣ проповѣданія, повиноваться по правиламъ иноческаго общежитія какъ въ порученіяхъ, относящихся къ проповѣданію такъ и въ другихъ отношеніяхъ и случаяхъ; онъ же долженъ во всѣхъ своихъ распоряженіяхъ руководствоваться также правилами общежитія иноческаго, и тѣми постановленіями, какія мы отъ начальства принимаемъ за руководство въ служеніи проповѣданія.

в) «Желаемъ принимать отъ него наставленія со вниманіемъ, смиреніемъ и любовью, а его наставленія должны проистекать изъ Слова Божія, и быть согласными съ ученіемъ церкви Восточной и Греко-Россійской.

г) «Желаемъ быть предъ нимъ искренними и откровенными въ частомъ исповѣданіи помысловъ и искушеній нашихъ, и вмѣстѣ съ нимъ учиться у Господа уклоняться отъ зла и творить благое; онъ же обязуется всякое исповѣданіе погружать въ бездну милосердія Божія, отнюдь не обличать явно того, что ему будетъ открываемо за тайну. Какъ въ исправительныхъ, такъ и во всякихъ другихъ мѣрахъ своихъ дѣйствовать въ смиренной памяти о собственной немощи, по долгу любви и снисхожденія къ братіямъ, и безпристрастно принимая отъ нихъ благонамѣренныя совѣты, полезныя замѣчанія, кроткія напоминанія; въ случаяхъ погрѣшительности поступковъ своихъ, искренно виниться предъ ними и просить у нихъ прощенія и пособія къ исправленію своему».

Эти правила утвердили своими подписями, какъ самъ о. архимандритъ Макарій, такъ и оба его сотрудника, въ знакъ того, что они желаютъ вести дѣло проповѣди и жить согласно съ ними. Правила были представлены на разсмотрѣніе преосвященному Евгенію. Преосвященный съ своей стороны нашелъ эти правила удобными для руководства не только о. Макарію и его помощникамъ, но и другимъ будущимъ миссіонерамъ. Донося Св. Синоду объ избраніи о. Макаріемъ себѣ сотрудниковъ и о составленіи ими съ общаго согласія правилъ для руководства, преосвященный Евгеній просилъ позволенія «приступить къ выполненію ихъ въ видѣ опыта съ тѣмъ, чтобы распространить ихъ дѣйствіе въ послѣдствіи и на прочихъ, изъявившихъ и впредь могущихъ изъявлять желаніе быть миссіонерами, учениковъ, если первый опытъ будетъ успешенъ»; главное же руководство сего братства преосвященный предлагалъ поручить о. архимандриту Макарію, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ епархіальнаго архіерея. Св. Синодъ утвердилъ назначеніе о. архимандрита Макарія начальникомъ новой миссіи и прислалъ преосвященному Евгенію, для выдачи о. Макарію и его сотрудникамъ, на путевыя издержки 1000 р., взятые изъ имѣющейся при Св. Синодѣ типографской суммы на счетъ возвращенія оныхъ изъ государственнаго казначейства; при чемъ дано было преосвященному Евгенію право, въ случаѣ недостаточности присланной суммы, выдать еще столько, сколько окажется нужнымъ, изъ собственныхъ епархіальныхъ средствъ, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи получить выданное изъ суммъ Св. Синода.

Между прочимъ, Тобольская духовная консисторія, по предписанію преосвященнаго Евгенія, собрала возможно подробныя свѣдѣнія о находящихся въ Тобольской епархіи народахъ, еще не обратившихся въ христіанство, и сообщила ихъ о. Макарію съ тѣмъ, чтобы онъ далъ отвѣтъ: «куда именно онъ съ обоими сотрудниками желаетъ отправиться на проповѣдь Евангелія?» Сначала о. Макарій, съ общаго согласія съ своими сотрудниками, желалъ было отправиться на проповѣдь къ остякамъ и самоѣдамъ-идолопоклонникамъ, но потомъ это намѣреніе имъ было оставлено, потому что оказалось, что эти народы кочуютъ въ болотистой странѣ, отличающейся суровымъ и холоднымъ климатомъ, а о. Макарій и старшій его сотрудникъ были слабаго здоровья. Соображаясь съ свѣдѣніями объ инородцахъ обширной Тобольской епархіи, о. Макарій избралъ мѣстомъ своей дѣятельности народъ киргизскій, кочующій за Петропавловской линіей, въ Кокчетавскомъ военномъ округѣ. Самый климатъ этой страны, заселенной киргизами, благопріятствовалъ ихъ выбору. Здѣсь климатъ самый умѣренный въ Сибири, сравнительно съ другими мѣстностями. При томъ киргизскій языкъ близокъ къ татарскому, который изучали о. Макарій и его сотрудники, слѣдовательно имъ было легче съ нимъ познакомиться; кромѣ того, въ Кокчетавскомъ военномъ поселеніи удобно было расположить миссіонерскій станъ: здѣсь былъ военный гарнизонъ, слѣдовательно были православные, нуждавшіеся въ священникѣ; съ этимъ поселеніемъ имѣли сношеніе и киргизы, и здѣсь удобно было начать проповѣдь. Всѣ эти причины побудили о.

Макарія выбрать народъ киргизскій для перваго опыта своей проповѣди. Но Господь не благословилъ этотъ выборъ: о. Макарію суждено было быть просвѣтителемъ племенъ Алтайскихъ. Генераль-губернаторъ Западной Сибири Иванъ Александровичъ Вельяминовъ 1-й, получивши увѣдомленіе отъ преосвященнаго Евгенія объ отправленіи о. Макарія на проповѣдь къ киргизамъ, послалъ ему отзывъ слѣдующаго содержания: «Сколь ни благое и богоугодное намѣреніе Св. Синода, въ указѣ къ вамъ изложенное, равно какъ и распоряженіе Вашего Высокопреосвященства, но за силою Высочайшаго повелѣнія, объявленнаго мнѣ Сибирскимъ комитетомъ, отъ 24 февраля 1828 года о приостановленіи всякаго дѣйствія въ киргизской степи, а также, чтобы въ открытыхъ округахъ никакія новыя предпріятія и устройства, штатами и предписаніями высшаго начальства не опредѣленныя, впредь до Высочайшаго разрѣшенія, не были производимы, но оставить устройство ихъ въ томъ положеніи, въ какомъ оно нынѣ находится,—я не могу осмѣлиться дать согласія на отбытіе о. Макарія въ Кокчетавскій округъ, не испросивъ на то, чрезъ Сибирскій комитетъ, Высочайшаго соизволенія, а въ особенности при полученномъ мною въ исходѣ минувшаго мѣсяца отъ директора Азіатскаго департамента тайнаго совѣтника Родофиникина свѣдѣній о содержаніи просьбъ, вступившихъ отъ находившихся въ С.-Петербургѣ киргизскихъ депутацій Каркаралинскаго и Кокчетавскаго виѣшнихъ округовъ на Высочайшее имя, въ коихъ они, между многими домогательствами, просятъ, и именно въ Кокчетавскомъ округѣ укрѣпленій и деревянныхъ домовъ не строить, пашень не пахать, мечетей и школъ не заводить; ахуновъ и указныхъ муллъ не опредѣлять и позволить дѣтей своихъ не отдавать учиться въ школы. При такихъ домогательствахъ киргизъ было бы съ моей стороны весьма не осторожно, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ допустить пребываніе о. архимандрита Макарія въ Кокчетавскомъ округѣ, гдѣ одно появленіе его произвело бы уже въ подозрительныхъ киргизахъ весьма непріятное впечатлѣніе; и сколько бы поведеніе его не было осторожно, но увѣрить ихъ, что онъ прибылъ сюда для одного только богослуженія между христіанами, весьма было бы трудно».

Вслѣдствіе такого отвѣта ген. Вельяминова, преосвященный Евгеній предложилъ о. архимандриту Макарію перемѣнить выборъ, и вниманіе его остановилось на Бійскомъ округѣ, населенномъ тюркскими племенами. И такъ, на вопросъ преосвященнаго—какое же мѣсто онъ избираетъ для проповѣди Евангелія—о. Макарій отвѣтилъ, что онъ желаетъ отправиться въ Бійскій округъ, Томской губерніи, «дабы приступить къ первымъ дѣйствіямъ миссіонерской службы среди калмыцкаго народа (такъ назывались тогда теленгуты), который, за исключеніемъ киргизъ, остяковъ и самоѣдовъ, остался ближайшимъ къ Тобольску».

Вслѣдствіе вышеописанныхъ обстоятельствъ, Тобольская консисторія подала мнѣніе, а его преосвященство утвердилъ: «Согласно желанію о. архимандрита Макарія и двухъ семинаристовъ Попова и Волкова, отправить ихъ въ Бійскій округъ, для обращенія обитающихъ тамъ инород-

цевъ въ христіанство, и выдать имъ походную церковь, снабдивъ оную необходимыми принадлежностями, при чемъ велѣть о. архимандриту: 1) изъ близъ лежащихъ къ кочевьямъ инородцевъ русскихъ селеній, выѣзжать въ кочевья ихъ, и согласно инструкціи, изданной Святѣйшимъ Правительствующимъ Синодомъ въ 1769 году, распространять постепенно между ними Слово Божіе, соображаясь съ §§ 287, 288, 290, и 292 Устава объ управленіи инородцевъ, не разглашая однакоже, по силѣ помянутой инструкціи, что посланъ онъ для обращенія ихъ въ христіанство отъ правительства; 2) обращаясь между инородцами, рекомендовать ему, о. архимандриту, и будущимъ съ нимъ семинаристамъ, учиться языку ихъ и узнавать обычаи и вѣру ихъ; и коль скоро достигнуть достаточнаго познанія языка ихъ, переводить имъ на оный книги Священнаго Писанія, во первыхъ Новый Завѣтъ, Псалтирь, и кромѣ сихъ Символъ вѣры, молитву: «Отче нашъ», заповѣди, катихизисъ и нѣкоторыя, по выбору, житія Святыхъ Отцовъ; 3) ученикамъ Попову и Волкову быть въ совершенномъ повиновеніи у о. архимандрита, и въ жизни велѣть имъ руководствоваться правилами общежитія, ими самими подписанными добровольно, и съ оныхъ выдать копию, за надлежащею скрѣпою; 4) какъ по настоящему служенію въ миссіи о. архимандритъ Макарій съ его сослужителями должны состоять подъ непосредственною моею зависимою, то рекомендовать имъ: а) вести сколько возможно постоянный журналъ о дѣйствіяхъ своихъ и представлять оный ко мнѣ чрезъ три мѣсяца; б) не выѣзжать изъ Бійскаго округа, безъ моего позволенія (въ 1831 г., когда начали обращаться въ православіе инородцы не Бійскаго только округа, а, по совмѣстному съ ними жительству, принадлежащія къ Кузнецкому округу, и явилась потребность въѣзжать для миссіонерскихъ дѣйствій и въ этотъ округъ, то дозволено Алтайской миссіи распространить свои дѣйствія и на Кузнецкій округъ); в) о всѣхъ нужныхъ обстоятельствахъ, въ случаѣ потребности новыхъ наставленій, или ограниченія вышеписанныхъ постановленій, относиться прямо ко мнѣ съ рапортами и донесеніями; 5) выдать ему, архим. Макарію, кромѣ копій съ документовъ, въ постановленіи консисторіи упоминаемыхъ, и съ самаго постановленія, и съ инструкціи миссіонерамъ, изданной въ 1769 году, также и шнуровую книгу изъ консисторіи, для постояннаго записыванія расходовъ выданной ему суммы, которую и долженъ онъ представлять ко мнѣ въ началѣ каждаго года». И такъ, архим. Макарію были выданы копіи съ консисторскихъ документовъ, а также и копія съ отношенія генераль-губернатора о сдѣланномъ имъ распоряженіи на счетъ оказыванія ему отъ гражданскаго правительства защиты и покровительства. Наконецъ, 3 августа 1830 года, преосвященный Евгеній отслужилъ соборно божественную литургію, и послѣ того молебное пѣніе, при отпускѣ проповѣдниковъ, изданное отъ Святѣйшаго Синода въ 1769 году и съ приличнымъ наставленіемъ отправилъ о. архимандр. Макарію съ двумя семинаристами Поповымъ и Волковымъ въ Бійскій уѣздъ, Томской губерніи. Донося о семъ Святѣйшему Синоду, отъ 16 августа,

преосвящ. Евгений присовокупилъ, «что на первый случай, выданныхъ о. архимандр. Макарію 990 р. на проѣздъ и содержаніе его съ двумя семинаристами, достаточно; а когда онъ получитъ отъ о. Макарія заявленіе о недостаточности этой суммы, то онъ сдѣлаетъ свое распоряженіе, согласно указу Синода отъ 22 мая сего года, и о томъ, а равно и о успѣхахъ въ настоящемъ дѣлѣ архим. Макарія, донесетъ Святѣйшему Синоду».

Выборъ о. архим. Макаріемъ Бійскаго округа мѣстомъ своей апостольской дѣятельности, послужившей къ основанію нынѣ, можно сказать, цвѣтущей Алтайской миссіи, былъ окончательный. Нельзя не видѣть въ этомъ избраніи и особеннаго указанія Промысла Божія. Господь явно предпочелъ посѣтить Своею милостію бѣдный, невѣжественный, косившій во тьмѣ самыхъ грубыхъ языческихъ суевѣрій и заблужденій, но кроткій и простодушный народъ, живущій на Алтай и въ его окрестностяхъ, народъ, принадлежащій къ теленгутскому и татарскому племенамъ. Господь предпочелъ алтайцевъ киргизамъ, которые, хотя отличаются большею способностію къ принятію ученія Евангельскаго, по своей даровитости, но за то—народъ хитрый, гордый, недвѣрчивый и подозрительный. Впоследствии, проповѣдуя на Алтай, о. Макарій однажды ясно выразилъ ту мысль, что Самъ Господь привелъ его сюда и избралъ просвѣтителемъ здѣшнихъ языческихъ племенъ. Приводимъ здѣсь рассказъ объ этомъ о. протоіерея Стефана Ландышева, бывшаго сотрудника о. Макарія, рассказъ тѣмъ болѣе замѣчательный, что онъ еще свидѣтельствуетъ о дарѣ прозорливости, которымъ Господь наградилъ своего ревностнаго служителя и проповѣдника. «Это было зимою 1836 г., говоритъ о. прот. Ландышевъ, на первомъ году моего служенія; я жилъ тогда въ Улалѣ, при о. Макаріи, вмѣстѣ съ послушникомъ Мих. Петр. Негрицкимъ и старцемъ о. Петромъ. Однажды вечеромъ я долго занимался по приказанію о. Макарія, сперва съ новокрещенными и готовящимися къ крещенію алтайскими инородцами, а потомъ съ однимъ киргизомъ. Алтайскіе инородцы утомили меня своею тупостью до того, что я раздосадовалъ на нихъ: въ цѣлый вечеръ я не могъ приучить ихъ правильно изображать на себѣ крестное знаменіе, вѣрно произносить имя Спасителя «Исусъ Христосъ» и прямо, не кривляясь, стоять на молитвѣ; но за то, уча киргиза, я былъ въ восторгѣ: быстрыя способности его, понятливость, переимчивость и разсудительность удивили меня; едва я успѣвалъ высказать свою мысль, какъ онъ не только вполне понималъ, но и развивалъ ее самъ. Отпустивъ всѣхъ учившихся инородцевъ, я сталъ разговаривать тихо съ Негрицкимъ и старцемъ Петромъ о неспособности инородцевъ и о томъ, какъ неудачно избранъ для дѣйствій миссіи здѣшній глупый народъ; при этомъ я восхищался понятливостію киргизовъ. Изба, въ которой мы разговаривали, была отдѣлена сѣнями отъ той горницы, гдѣ о. Макарій занимался одинъ, и тамъ не было никакой возможности слышать нашъ разговоръ, скрипучая же дверь горницы, въ которой занимался о. Макарій, во время разговора не отворялась. И что же? Вскорѣ, послѣ

окончанія разговора, закрипѣла дверь и о. Макарій скорыми шагами входитъ къ намъ въ избу и, обращаясь ко мнѣ, спрашиваетъ: «А о чемъ вы тутъ говорили?» Обличаемый совѣстію, я не вдругъ-то собрался отвѣчать и другіе молчали; а о. Макарій, взглянувъ на всѣхъ, сказалъ: «Вѣдь я, по началу, просился къ киргизамъ, въ Кокчетавскій округъ, но меня не пустили; вѣрно, Богу такъ угодно, чтобы я сюда пріѣхалъ; если бы не такъ, то я служилъ бы за Петропавловскою линіей, у казаковъ и киргизскаго народа». Сказавъ это, о. Макарій велѣлъ собирать ужинать и ушелъ. Тогда я не зналъ обстоятельствъ учрежденія миссіи, не слыхалъ дотолѣ и названій: Кокчетавскій округъ, Петропавловская линія и, не зная свойствъ народа, не могъ судить правильно; но меня паразило только столь нечаянное обличеніе. Такъ, заключаетъ о. прот. Ст. Ландышевъ свой рассказъ, гордые и сами противятся Богу и Богу противны, а смиренныя, и при многихъ недостаткахъ и слабостяхъ, скорѣе привлекаютъ спасающую благодать Его». (Мисс. 1877 г. стр. 68). Впрочемъ, это не единственный случай прозорливости о. Макарія.—Одна улалинская инородка сдѣлала незначительный проступокъ, но, по незрѣлости разсудка, впала въ отчаяніе и рѣшилась лишить себя жизни, уже приготовила и веревку для самоубійства. Отъ Макарія приказалъ своему послушнику какъ можно скорѣе бѣжать за этой женщиной и сей-часъ-же привести ее къ нему, а самъ отправился въ церковь. Женщина явилась къ нему въ храмѣ и онъ началъ прямо обличать ее въ покушеніи на самоубійство, какъ очевидецъ. Виновная смутилась, зарыдала, пала на колѣна и стала просить у него прощенія. «Ну, Марья, я тебя прощаю, да смотри Богъ-то проститъ ли?» Потомъ о. Макарій успокоилъ несчастную женщину, объяснилъ ей, что проступокъ ея вовсе не важный, и обѣщавшись предъ земскимъ начальствомъ походатайствовать. Неразумная женщина помирилась съ жизнію и, по запрещенію о. Макарія, не сказывала объ этомъ случаѣ, до выѣзда его изъ Сибири.—Сотрудники о. Макарія, Ландышевъ и Негрицкій, въ какой-то малый праздничный день читали часы. Народу было весьма мало, служба безъ священника шла вяло и одинъ изъ чтецовъ не много вздремнулъ. Часы кончились, дремота тоже прошла, не оставивъ и малѣйшаго слѣда на лицѣ подавшагося ей. По возвращеніи чтецовъ изъ церкви въ келлію, о. Макарій замѣтилъ: «А что С., на междучасіи не приснилось ли чего?»—Улала окружена горами. О. Макарій любилъ иногда взбираться на горы съ своими сотрудниками. Въ одно путешествіе на гору, лежащую отъ Улалы къ югу (Ту-гай), одинъ изъ сотрудниковъ усталъ, проголодался и потому, по скорѣе всѣхъ возвратившись домой, приступилъ къ кружкѣ, въ которой обыкновенно настаивалась на ржаныхъ сухаряхъ вода для питья. Выпивъ настой, сотрудникъ уничтожилъ и основаніе его, но, удовлетворивъ требованію желудка, опомнился и подумалъ въ себѣ: ну, что если о. Макарій скоро возвратится, что онъ будетъ пить? Къ счастью, о. Макарія занимали болѣе красоты Алтайскихъ горъ, нежели кружка съ сухарями, и потому сотрудникъ успѣлъ приготовить такой же су-

харный настой, какой и уничтожилъ. Возвращается о. Макарій и, не видя еще кружки, говоритъ: «То-то, С., такъ надобно быть жаднымъ къ нашимъ занятіямъ». — Приходитъ новый годъ—время отчетности. О. Макарій съ Стеф. Васильевичемъ Ландышевымъ отправляются въ г. Бійскъ, для составленія отчета, отобранія росписокъ и проч. Отчетъ вчернѣ былъ готовъ, оставалось только къ слѣдующей почтѣ переписать на бѣло. О. Макарій, зная аккуратность Ст. Вас., никогда не напоминалъ объ извѣстномъ дѣлѣ, а всегда довольствовался однимъ только приказаніемъ. А теперь, противъ своего правила, два раза напомнилъ, чтобы къ слѣдующей почтѣ отчетъ непременно былъ готовъ. Подходить почтовый день, Ст. Вас. ищетъ вчернѣ составленный отчетъ, но, къ величайшему своему прискорбію, не находитъ. Что дѣлать? Къ кому обратиться? Къ кому, если не къ Всевѣдущему и Всеблагому? Ст. Вас. уединяется въ кухню и простирается предъ Богомъ съ самыми теплыми молитвами. Молитва услышана: онъ находитъ оброненную имъ и кѣмъ-то поднятую на одной изъ улицъ г. Бійска черную свою тетрадь. О. Макарій, не зная или, точнѣе, немогши знать о душевной тайной тревогѣ своего сотрудника, не преминулъ замѣтить: «То-то, С., кто на морѣ не бывалъ и волнъ не видалъ, тотъ досыта Богу не моливался». — О. Макарій, бывая въ Бійскѣ, останавливался въ домѣ причетника Ксенофонта. Однажды Ксенофонтъ, покуная для себя вино въ питейной конторѣ, пошутилъ тамъ на счетъ о. Макарія. При входѣ въ свой домъ причетникъ былъ встрѣченъ словами о. Макарія: «что ты тамъ мелешь»? и, обличивъ еще худую мысль Ксенофонта, поставилъ его на поклонны. Иеромонахъ П. совершалъ проскомидію въ алтарѣ, а о. Макарій училъ въ церкви новокрещенныхъ. Но вдругъ, отвернувшись отъ послѣднихъ, поспѣшно входитъ въ алтарь и говоритъ: «о. П., брось гнилой помысль, брось!» Тотъ зналъ о чемъ шла рѣчь. — Однажды упоминаемый выше Иванъ, неся воду въ алтарь, былъ схваченъ о. Макаріемъ и остановленъ въ сѣверныхъ дверяхъ со словами: «Куда ты лезешь, вѣдь ты»... и сказалъ причину, извѣстную только Ивану, почему ему нельзя входить въ алтарь.

Въ разговорѣ съ Ст. Вас. о миссіи, о. Макарій, между прочимъ, сказалъ: «У тебя будутъ проситься о. І. М. и извѣстный N; я совѣтую ихъ не принимать». Для Ст. Вас. слова о. Макарія были загадкой, которая разгадалась уже тогда, когда онъ опредѣленъ былъ начальникомъ миссіи и, дѣйствительно, упомянутыя лица просились въ миссію. — «Мы встрѣтились въ Ирбитской ярмаркѣ, рассказываетъ Бійскій мѣщанинъ Д. М. М. съ игуменьей Екатеринбургскаго женскаго монастыря, купившею у насъ воска 800 п. Какъ только она узнала, что мы изъ Бійска, тотчасъ же спросила насъ: «а звали ли вы тамъ миссіонера о. архимандрита Макарія?» — Какъ не знать этого отца духовнаго? мы еще съ нимъ хлѣбъ-соль водили, отвѣтили мы. — Ахъ, онъ рабъ Божій! прозорливый былъ! — А сама такъ и залилась слезами. «Разъ, когда онъ ѣхалъ въ Россію, начала игуменья, онъ заѣхалъ къ намъ въ монастырь. Я была чѣмъ-то занята. Вдругъ бѣгутъ ко мнѣ сестры и зовутъ: ма-

тушка, матушка! идите скорѣй! васъ кто-то зоветъ за воротами! Я побѣжала за ворота. Гляжу, въ повозкѣ сидитъ какой-то старецъ-монахъ; я поклонилась и взяла у него благословеніе. — Что у васъ все благополучно въ монастырѣ? вдругъ онъ спросилъ меня. — Все благополучно, отецъ духовный сказала я; только одна сестра очень больна. — «А вы напутствовали-ли ее?» спросилъ онъ. — Вчера напутствовали, отвѣтила я. Онъ, не говоря болѣе, какъ птица выскочилъ изъ повозки и побѣжалъ въ монастырь. Никого не спросилъ, гдѣ дверь, или куда идти, а прямо самъ вбѣжалъ къ больной. Потомъ, обратясь къ сестрамъ сказалъ: Пойте стихъ (тропарь): «Се женихъ грядетъ въ полночи».... Сестры сей-часъ собрались и начали пѣть тихо и умирительно: «Се женихъ грядетъ».... и когда стали кончать этотъ стихъ, сестра наша упокоилась. Ахъ, Боже мой! Всѣ сестры не могли надивиться, какъ онъ, этотъ духовный отецъ, могъ узнать кончину сестры нашей, что заѣхалъ къ намъ какъ будто нарочито; и какъ онъ могъ безъ проводника узнать тогда, гдѣ лежитъ больная? По истинѣ, онъ былъ Божій человекъ! Потомъ онъ и похоронилъ ее; и только черезъ три дня уѣхалъ отъ насъ. Ахъ, Боже мой! какого мы раба Божія удостоились видѣть въ нашемъ монастырѣ! Слава Богу!» Рассказывая объ этомъ, мать игуменья сама такъ и заливалась слезами. (Миссіон. 1879 г. стр. 185).

Мы сказали выше, что пресвященный Евгеній, отправляя на Алтай о. архимандрита Макарія, послѣ молебна, съ отеческою любовію преподавалъ путникамъ наставленіе. Въ этомъ наставленіи, сказавши имъ о предстоявшихъ имъ апостольскихъ трудахъ, лишеніяхъ и опасностяхъ, онъ утѣшалъ ихъ и ободрялъ обѣтованіями Спасителя: «въ мірѣ скорбни будете, но держайте, яко Азъ побѣдихъ міръ. Не бойся малое стадо, яко благоизволи Отецъ мой дати вамъ царство», предостерегалъ ихъ отъ унынія, представлялъ имъ высочайшій образецъ единодушія въ таинствѣ единосущной и нераздѣльной Троицы. «Вы, говорилъ онъ двумъ младшимъ сотрудникамъ, ничего и маловажнаго не предпринимайте безъ совѣта вашего старшаго брата». Наконецъ, преосвященный, показавъ имъ въ обществѣ Иисуса Христа и его Апостоловъ, а по вознесеніи Господа на небо, въ дѣятельности Апостоловъ, образецъ и руководство и для ихъ жизни и проповѣднической дѣятельности, заключилъ свое прощальное наставленіе такими словами: «Предаю васъ Богу и славу благодати Его, могущему назидати васъ и дати вамъ наслѣдіе во языцѣхъ. Воспоминайте меня въ молитвахъ вашихъ; а моя о васъ молитва будетъ выну крѣпка и прилежна. — Грядите съ миромъ». При этихъ словахъ о. Макарій и оба его собрата пали къ ногамъ святителя и благовѣйно получили отъ него напутственное благословеніе. Въ тотъ же день послѣ вечерни они выѣхали изъ Тобольска.

Вечеромъ миссіонеры прибыли въ Абалацкій монастырь, гдѣ три дня пользовались гостепріимствомъ настоятеля монастыря о. Владиміра. Здѣсь, въ день Преображенія Господня, сотрудники о. Макарія—Василій и Алексѣй причастились Св. Таинъ. Сюда прибыли мать и сестра старшаго сотрудника Василия, чтобы проститься съ нимъ и проводить его.

Мать Василия Марѳа со слезами благословила своего сына и поручила его покровительству Богоматери, какъ бы предчувствуя, что въ послѣдній разъ прощается съ нимъ. Здѣсь были окончательно уложены въ дальнюю дорогу вещи, нужныя для миссіи, въ повозку, которую и не перемѣняли до самаго Бійска. Далекъ былъ путь миссіонеровъ до Бійска. Впечатлительная, благочестивая душа о. Макарія во время пути во всемъ искала себѣ утѣшенія и назиданія: радовалъ его деревянный крестъ, поставленный при дорогѣ, въ срединѣ обширной, пустынной Барабинской степи, почти повсюду покрытой болотами. «Нѣкто благо-разумный земледѣлецъ, пишетъ въ своемъ дневникѣ о. Макарій, среди первыхъ двухъ становъ Барабинскихъ, близъ дороги, водрузилъ крестъ съ изображеніемъ Господа Иисуса Христа и при ономъ ископалъ кладезь. Мы съ удивленіемъ радостнымъ узрѣли издали знаменіе Сына Человѣскаго. И какое дѣйствіе въ христіанскихъ душахъ имѣетъ поклоненіе кресту Господню среди Св. Четырнадцатницы, подобное утѣшеніе, подобную ободрительную прохладу въ сердца вѣрующихъ вливаетъ видѣніе сего креста въ Барабинской степи и особенно благотворнымъ быть можетъ для проходящихъ путемъ симъ узниковъ». Утѣшалъ и даже восхищалъ о. Макарія видъ и внутренность небогатаго сельскаго храма въ селѣ Спасскомъ, гдѣ онъ провелъ праздникъ Успенія Богоматери. На его душу произвели глубокое впечатлѣніе и простое, но благоговѣйное чтеніе и пѣніе, и благоговѣйная усердная молитва простыхъ земледѣльцевъ. «Мнѣ хорошо было съ вами, простыя души,—говоритъ онъ. Воды соборной молитвы вашей подмывали и поднимали тяжесть мою. Хлѣбъ нашъ насущный, даждь намъ днесь... нѣтъ, такъ никогда сіи слова не повторялись въ душѣ моей, какъ среди васъ, земледѣльцы, и притомъ въ августѣ и въ году, ознаменованномъ долговременною засухою». Во время пути о. Макарій пользовался каждымъ случаемъ, чтобы принести душевную пользу тѣмъ, съ которыми ему приходилось встрѣчаться; съ этою цѣлію онъ самъ начиналъ разговоры о предметахъ вѣры и жизни христіанской. Такъ, на одной станціи ямщикомъ у миссіонеровъ былъ еврей; о. Макарій началъ съ нимъ бесѣду о вѣрѣ и разъяснилъ ему ветхозавѣтныя пророчества о Мессіи. Еврей сначала возражалъ, но потомъ сталъ слушать, молча, со вниманіемъ, и наконецъ сказалъ, что онъ давно желаетъ быть христіаниномъ и уже посылалъ прошеніе въ Томскъ, прося о наставленіи въ вѣрѣ и крещеніи, но думаетъ, что его прошеніе не дошло. О. Макарій охотно взялъ на себя трудъ изъ Барнаула, или изъ Бійска послать отъ имени еврея прошеніе къ преосвященному Евгенію, за что еврей благодарилъ его и, казалось, былъ обрадованъ. Другой случай. Въ одномъ селеніи, гдѣ миссіонеры остановились ночевать, изъ разговора съ хозяйкою дома, старухою, вдовою, о. Макарій узналъ, что она очень скорбитъ о своемъ умершемъ сынѣ и преимущественно о томъ, что онъ умеръ безъ напутствія Св. Тайнами. Онъ началъ утѣшать ее, но узнавши, что она и сама и дѣти ея уже давно не говѣли и не пріобщались, началъ убѣждать ее ежегодно приступать къ Св. Тайнамъ. «Мы боимся, что

не снесемъ», говорила старуха. Смыслъ словъ ея, очевидно былъ тотъ, что она сознавала, что послѣ пріобщенія нельзя жить по прежнему. О. Макарій говорилъ ей, что нужно въ этомъ дѣлѣ ей слушаться отца духовнаго. «Если ты, говорилъ онъ, послѣ разрѣшенія отъ грѣховъ, причастишься Тѣла и Крови Христовой то соединишься съ Самимъ Иисусомъ Христомъ и Онъ Самъ уже будетъ сохранять тебя отъ грѣховъ и наставлять на все богоугодное; а безъ Него мы не можемъ ни уклоняться отъ злыхъ дѣлъ, ни творить добрыхъ дѣла». Говорилъ ей также о. Макарій о грѣхахъ тяжкихъ и легкихъ и о томъ, что душа отъ послѣднихъ при всеневномъ исповѣданіи предъ Отцемъ Небеснымъ, Который съ нами вездѣ, очищается благодатію Иисуса Христа и не лишается милости Божіей, если усердно упражняется въ соблюденіи Его заповѣдей. Нужно, говорилъ онъ, постоянно помнить о Богѣ, часто призывать Его имя, наблюдать за своими поступками, мыслями и словами, а при нечаянномъ паденіи обращаться съ сокрушеніемъ сердца къ Отцу Небесному и просить у Него прощенія ради Иисуса Христа. Многое и другое говорилъ ей о. Макарій и наконецъ увѣрялъ ее, что если она и ея дѣти будутъ ежегодно исполнять свой христіанскій долгъ, то и молитва ея о покойномъ будетъ услышана. Тронутая убѣжденіями о. Макарія, старуха обѣщалась послѣдовать его совѣтамъ, а дѣти ея въ особенности обрадовались, когда услышали согласіе матери исповѣдываться и причаститься св. Тайнъ.— Остановившаяся во время пути у священниковъ, о. Макарій любилъ бесѣдовать съ ними о духовныхъ ихъ дѣтяхъ и слушать назидательные случаи; вотъ одинъ изъ такихъ случаевъ, рассказанный о. Алексѣемъ, благочиннымъ села Тюкалинска: «Нынѣшнимъ лѣтомъ, говорилъ онъ, одна раскольничья деревня, почувствовавъ гнѣвъ Божій въ засухѣ, согласилась поднять изъ соборной Тюкалинской церкви икону Божіей Матери и помолиться на полѣ о ниспосланіи дождя. Но когда происходило объ этомъ совѣщаніе у земледѣльцевъ, тогда одинъ изъ нихъ, самый закоренѣлый изъ всѣхъ раскольниковъ, отпрыгнулъ отъ нечистаго сердца хулу на святую икону, сказавъ: «развѣ мало у насъ лопать по домамъ»? А другой хотѣлъ усовѣстить его и сказалъ: «Что ты говоришь, братецъ? Надъ святынею не ругайся». Вскорѣ потомъ икону подняли, молебное пѣніе совершили, Господь послалъ желаемый дождь, а хульникъ былъ пораженъ смертоносною язвой, которая въ теченіе немногихъ дней свела его въ гробъ и изморила всѣхъ его лошадей. Другой священникъ, села Енисейскаго, о. Стефанъ рассказывалъ слѣдующій случай: «Я былъ, говоритъ о. Стефанъ, прежде священникомъ въ селѣ Бѣлоярскомъ. Однажды меня позвали въ деревню, бывшую на довольно далекомъ разстояніи отъ села, причастить Св. Тайнъ больнаго при смерти. Между тѣмъ, какъ я посиѣшалъ къ больному съ сильнымъ въ душѣ желаніемъ найти его въ живыхъ и въ памяти, не помню, какъ напалъ на меня въ дорогѣ крѣпкій сонъ; мнѣ во-снѣ представилось, будто я вхожу къ больному, нахожу его мертвымъ и говорю ему: «что ты такъ долго спишь»? и будто въ отвѣтъ на этотъ вопросъ умершій всталъ; а я такъ испугался, что тотчасъ же

проснулся. Приѣзжаю въ деревню и узнаю, что больной былъ мертвъ и потому ожилъ; самъ больной сказывалъ мнѣ, что ему видѣлись различные образы мукъ, что злые духи силились увлечь его душу въ какое-то ужасное мѣсто, и что Ангелъ, защищавшій ее отъ нихъ, возвратилъ ее по Божію повелѣнію, въ жизнь земную на покаяніе. Больной исповѣдался съ великимъ сокрушеніемъ сердца и разказалъ подробно все свои грѣхи. Жизнь его, когда онъ выздоравливалъ, была примѣрная и строгая, хотя, впрочемъ, и прежде онъ отличался воздержаніемъ и дѣлами милосердія». Эти разказы заимствованы изъ дневника о. Макарія и записаны имъ самимъ.

23 августа миссіонеры благополучно прибыли въ г. Барнауль и остановились у тамошняго соборнаго протоіерея о. Созонта, который принялъ ихъ очень радушно и гостепріимно. Онъ снабдилъ о. Макарія нужными для миссіонерскаго служенія вещами: святымъ муромъ, нѣсколькими облаченіями и всеми Богослужебными книгами, кромѣ Устава и Цвѣтной Тріоди, — послѣднія онъ обѣщался выслать вскорѣ въ Бійскъ. Въ Барнауль о. Макарій познакомился съ жившимъ тамъ, бывш. Томскимъ губернаторомъ Петромъ Кузьмичемъ Фроловымъ. Г. Фроловъ отличался особеннымъ усердіемъ къ церкви и заботился объ устройствѣ въ Барнауль новаго храма. Онъ выразилъ свое сочувствіе миссіонерскому дѣлу и обѣщалъ на собственные средства пожертвовать для походной церкви о. Макарія богослужебные сосуды. Между прочимъ, онъ показывалъ о. Макарію иконы, приготовленныя имъ для устроявшагося въ Барнауль храма; также, по его приглашенію, о. Макарій посѣтилъ музей, устроенный г. Фроловымъ въ Барнауль. О. Макарій былъ очень заинтересованъ видѣніемъ, внимательно разсматривалъ разныя рѣдкости изъ царства природы. Чрезъ нѣсколько дней представился ему случай познакомиться и съ новымъ Томскимъ губернаторомъ, посѣтившимъ въ это время г. Барнауль. Послѣдній также обѣщался помогать о. Макарію въ его трудахъ зависящими отъ него средствами и при прощаніи сказалъ: «Господь да увѣнчаетъ трудъ вашъ добрымъ успѣхомъ».

Такимъ образомъ, утѣшенный и ободренный въ Барнауль сочувственными обѣщаніями содѣйствія и помощи въ своемъ трудномъ подвигѣ, о. Макарій съ своими сотрудниками прибылъ 28 августа благополучно въ Бійскъ, откуда и должны были начаться его миссіонерскіе путешествія и труды.

Трудный подвигъ, немалые лишенія и труды ожидали о. Макарія въ его миссіонерской дѣятельности, которая должна была начаться со времени его прибытія въ Бійскъ. Прежде всего трудная борьба ожидала его съ непроницаемымъ мракомъ нечестія и самыхъ грубыхъ заблужденій, который тяготѣлъ надъ бѣдными и несчастными инородцами Алтая. Татары, теленгуты, отчасти киргизы, населявшіе округа Бійскій и Кузнецкій въ то время, почти все были язычники. Не болѣе 300 душъ было крещено лѣтъ за 70 до прибытія о. Макарія приходскими священниками, да и тѣ не имѣли самыхъ необходимыхъ понятій объ истинѣ христіанства и нерѣдко держались своихъ прежнихъ языческихъ

обычаевъ. А приходскіе священники, по отдаленности, не могли имѣть на нихъ должнаго вліянія. И такъ, о. архимандриту Макарію предстояла почва почти совершенно неподготовленная; ему не только нужно было просвѣщать свѣтомъ Христовымъ самыхъ грубыхъ идолопоклонниковъ, но и наставлять и утверждать въ вѣрѣ крещенныхъ и даже исправлять требы за приходскихъ священниковъ.

Что касается до религіозныхъ вѣрованій Алтайцевъ-язычниковъ, то они самыя грубыя, дѣтскія и въ высшей степени нелѣпыя. Язычники Алтая, — какъ тогда, такъ и доселѣ — шаманисты. Коренной догматъ шаманства — дуализмъ, въ практическомъ приложеніи состоящей въ служеніи кровавыми жертвами злему началу съ подчиненными ему силами и доходящей до грубаго фетимизма: почитанія горъ, лѣсовъ, рѣкъ и разныхъ амулетовъ, въ родѣ, напр., сухой лапки какой либо птицы или звѣрка; у немногихъ есть идолы изъ грубо обдѣланнаго куска дерева съ мѣдными пуговицами вмѣсто глазъ, или изъ небольшихъ куколъ, искусно спитыхъ изъ клочковъ разной матеріи. Послѣдніе, впрочемъ, тщательно скрываются въ сундукахъ и сумахъ и выставляются на видъ тогда, когда нужда заставитъ помазать ихъ жертвенной кровью, масломъ или покормить кашей. При неразвитости своей и естественной невозрожденному челоуку, незаренному свѣтомъ единой Божественной истины, спутанности религіозныхъ понятій, Алтайцы болѣе или менѣе искренно признаютъ и существо Высочайшее, выше ихъ главныхъ боговъ, добраго Ульгена и злаго Эрлика, не выражая, впрочемъ, этого вѣрованія въ жизни своей никакимъ богочитаніемъ. Роль жрецовъ исполняютъ у нихъ шаманы, называемые *камы*, несоставляющіе никакого духовнаго сословія и не находящіеся между собою въ іерархической подчиненности. Занятіе это они принимаютъ на себя или по наслѣдству, или по неволѣ, вынуждаемые къ тому, какъ сами говорятъ, требованіями злаго духа, насылающаго на нихъ тоску, позвоту и конвульсіи, облегчаемая только обрядами камланья. Существенною же причиною занятія камланьемъ, конечно, большею частью служитъ необманчивая надежда — безъ труда добывать себѣ пропитаніе, пользуясь отъ принесенной для жертвы скотины лучшимъ и большимъ кускомъ мяса, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Кузнецкой черни по-юртнымъ налогомъ. Особеннымъ авторитетомъ и уваженіемъ отъ своихъ единовѣрцевъ камы не пользуются. Напротивъ, когда Алтаецъ-язычникъ здоровъ и не въ бѣдѣ, то онъ готовъ посмѣяться надъ камомъ. Если уважается, или, точнѣе, представляется страшнымъ и сильнымъ, то — не камъ, а его бубенъ, въ которомъ, по убѣжденію алтайцевъ, обитаетъ сила вражія. Сами камы боятся бубна своего, и сжечь бубенъ, въ случаѣ обращенія своего въ христіанство, бывшій камъ не всякій рѣшается, или, по крайней мѣрѣ, не вдругъ рѣшится изъ невольнаго суевѣрнаго опасенія пострадать за это отъ невидимаго хозяина своего бубна. Въ умственномъ отношеніи камы нисколько не выше простаго люда; сколько нибудь искусно и смѣло защититъ свою ложную религію не умѣютъ и не смѣютъ. Тѣмъ не менѣе, шаманство держится между алтайцами, какъ у русскихъ колдовство, ворожба, столоверченіе и дру-

гія фокусническія дѣйствія знахарей. Шаманство—рабское, подневольное служеніе злымъ силамъ, религія страха, религія задобриванія злобныхъ духовъ жертвами. Почти не относился ни съ какими жертвами къ Ульгеню, по неволѣ доброму, язычникъ алтаецъ, волей-неволей, иногда до совершеннаго раззоренія, жертвуетъ своимъ достояніемъ нелюбимому, но сильному въ злѣ, насылающему несчастія Эрлику и его многочисленному полчищу. Служитель этой безотрадной и раззорительной вѣры—камень знаетъ, чѣмъ и какъ задобрить діавола, аки разозлившуюся собаку, чѣмъ отогнать отъ человѣка насланную на него бѣду и, вотъ, бѣднякъ, хотъ въ душѣ и не уважаетъ кама, но поневолѣ обращается къ этому знахарю, а если онъ заупрямится, то, случалось, и за волосы тащить его на службу шайтану. Не помогъ одинъ камень,—несчастннй зоветъ другаго, пока бѣда или сама-собою пройдетъ, или совѣмъ сгубитъ его, или, раззоривши его до совершенной нищеты, сдѣлаетъ не въ состояніи давать какую-нибудь жертву. Знаетъ алтаецъ-язычникъ, что крещенные люди не боятся діавола, но это—ихъ привиллегія, а ему, некрещенному, на роду написано быть во власти діавола. И между ними, особенно во время дѣятельности о. архимандрита Макарія, господствовало убѣжденіе, что вѣры даются народамъ самими богами,—по этому имъ вѣру мѣнять не слѣдуетъ, что этимъ они навлекутъ на себя бѣдствія отъ разгнѣванныхъ боговъ; кромѣ того, язычникамъ казалось, что само начальство неблагопріятно смотритъ на тѣхъ, которые крестятся. Сами язычники, подъ влияніемъ о. архимандрита Макарія, нерѣдко сознавались, что ихъ вѣра худая, но креститься не соглашались.

Язычники—алтайцы имѣютъ самыя низкія понятія о нравственности, о добрѣ и злѣ. Нерѣдко свои преступленія они приписываютъ влиянію на нихъ боговъ; сдѣлавши преступленіе, они въ свое оправданіе говорятъ, что это заставилъ ихъ сдѣлать злой духъ. Народный бытъ ихъ тоже неприглядень. Крайнее рабство жены, покупаемой какъ товаръ, за дорогой калымъ, долго выплачиваемый, несущей на себѣ все тяжелья работы по хозяйству, купленной отцомъ сыну, почти дитяти, и въ молодости послѣдняго уже старухи нелюбимой, и потому, если есть средства, замѣняемой другою, покупаемой по собственному выбору сына, при чемъ первая остается тоже или прогоняется, на старости лѣтъ; отъ отцовъ и дѣдовъ наслѣдованныя: полное перяшество, крайняя лѣность и безпечность, позволяющая алтайцу ни о чемъ не думать и ничего не дѣлать, если у него на сей день есть еще горсть ячменя, накопано нѣсколько корней самороднаго кандыка или сараны (растенія); пока есть хотя мало, зерноваго хлѣба или водется молоко, изъ чего бы добыть араки и чегень—непрерывное опьяненіе; когда вовсе ѣсть нечего, или требуются подати—готовность брать въ долгъ съ уплатою тысячныхъ процентовъ, отсюда—неоплатные долги, и какой случится трудъ (звѣроловство, собираніе орѣховъ кедровыхъ и т. п.)—то исключительно въ пользу кредиторовъ; распри по взыску другъ съ друга калымныхъ и всякихъ долговъ; по условіямъ брачной жизни—непрочность семейныхъ узъ; недостатокъ заботливости дѣтей о престарѣлыхъ родителяхъ; при

отсутствіи настоящаго земледѣлія—незнаніе никакихъ ремеслъ, кромѣ грубой выдѣлки кожъ и овчинъ, умѣнія сложить изъ колець и березовой кори холодную юрту, набрать для топлива самосушнхъ дровъ; заразительныя болѣзни, переходяція по наслѣдству и поддерживаемыя нѣкоторыми обычаями: подчивать всякаго встрѣчнаго трубкою и самому принимать отъ него такое же угощеніе, передавать грязными руками въ ротъ другаго кусокъ мяса, глодать кости поочередно и т. п., безстыдность и самоуправство знатныхъ и богатыхъ; беззащитность бѣдныхъ, умственная неразвитость тѣхъ и друхихъ, отсутствіе высшихъ, духовныхъ интересовъ и въ крайнихъ случаяхъ забота только о хлѣбѣ, но никогда о небѣ; вотъ нѣкоторыя черты нравовъ и быта большинства алтайскихъ язычниковъ; вотъ почва, на воздѣлываніе которой прибылъ о. архимандритъ Макарій! И самая мѣстность Бійскаго и Кузнецкаго округовъ, гдѣ долженъ былъ проповѣдывать о. архимандритъ Макарій, дикая и суровая природа служила ему, можно сказать, неодолимымъ препятствіемъ, въ особенности при слабости его здоровья. Эта мѣстность, на протяженіи до 1000 верстъ въ длину и до 700 въ ширину, состоитъ изъ высокихъ горъ, самыхъ разнообразныхъ формъ. Одна часть ея, въ Бійскомъ округѣ состоитъ изъ горъ, нерѣдко покрытыхъ вѣчными снѣгами, каменистыхъ и утесистыхъ, прорытыхъ горными быстрыми рѣчками, текущими въ ущельяхъ, переходящихъ въ небольшія глубокія долины. Въ другой половинѣ (большую частію Кузнецкаго округа) горы не столь высоки и обрывисты, за то мѣстность эта покрыта непроходимымъ хвойнымъ лѣсомъ, изобилуетъ тонями и болотами, преизобилуетъ мошками и комарами и составляетъ такъ называемую *чернь*. Для любителя—путешественника Алтай представляетъ много рѣдкихъ красотъ природы. Но то самое, что служитъ къ украшенію Алтая, для мѣстнаго жителя и для человѣка, обязаннаго по своей должности странствовать по Алтаю, представляетъ большія неудобства, а иногда и серьезныя опасности.—То первобытннй густой лѣсъ, то безплодныя скалы, то громадная высота самыхъ долинъ надъ поверхностью моря, то сырая и болотистая почва служатъ причиною того, что немногія мѣстности на Алтай способны и въ далекомъ будущемъ имѣть густо—силоченное населеніе. Какую же инородческую населенность мы видимъ во время открытія миссіи, напримѣръ, въ Бійскомъ округѣ? Изъ свѣдѣній, присланныхъ тогда отъ Томскаго гражданскаго губернатора, видно, что Алтайскіе Теленгуты (ойроты назывались калмыками, раздѣлялись на 7 дучинъ, волостей) и жили:

1) по рр. Маймѣ, Вилюлѣ и Катунѣ	664 д.
2) Урсуну и Кенгѣ	290 »
3) Аную, Кану и Абагану	1576 »
Итого	2530 »

Эти Теленгуты (ойроты) назывались тогда *бродячими*, а остальные инородцы *кочевыми*. Кочевыхъ инородцевъ считалось:

1) волость Верхне-Кумандинская, по р. Бии	141 д.
---	--------

2)	волость Нижне-Кумандинская, по р. Біи	435 д.
3)	» Комляжская, по рр. Сарыканшѣ и Умену . . .	329 »
4)	» Кергежская въ вершинѣ р. Біи, около Телецкаго озера	173 »
5)	» Кузенская { смѣшанно съ другими воло-	135 »
6)	» Ашкшитимская { стями	12 »
7)	» Южская, по р. Сарыканшѣ	95 »
8)	» Тогульская, по р. Бардѣ	95 »
9)	» Телеутская, по р. Сарасѣ	39 »
Итого		1454 »

Всѣхъ инородцевъ въ Бійскомъ округѣ было 3984 д., но—обоего ли пола—изъ свѣдѣній не видно. На такомъ значительномъ пространствѣ обитающее, такое незначительное количество людей, кромѣ условій мѣстности, по самымъ своимъ обычаямъ любящее жить въ разбросѣ, составляетъ новое затрудненіе для дѣлателей духовной жатвы. Не смотря на очень значительное количество жителей Алтая, для духовнаго попеченія оныхъ требуется сравнительно большее число миссіонеровъ, нежели въ другихъ миссіяхъ, гдѣ инородцы живутъ кучами, такъ что пространство, населенное нѣсколькими тысячами душъ, миссіонеръ можетъ не только въ короткое время объѣхать удобно, но, пожалуй, обойти пѣшкомъ, съ посохомъ въ рукѣ. Здѣсь же, на Алтайѣ, съ трудомъ пробираясь верхомъ на конѣ, ища заблудшихъ овецъ стада Божія, миссіонеръ въ теченіе цѣлыхъ сутокъ, и то не всегда, можетъ встрѣтить едва нѣсколько душъ, со своими одиночными юртами, запрятавшихся то въ глубинѣ лѣсной, то на удаленномъ отъ проѣзжей тропы нагорномъ скатѣ. По самому свойству мѣстности, колесные пути на Алтайѣ существуютъ только по его окраинамъ, а за тѣмъ повсюду надобно путешествовать не иначе, какъ верхомъ, нерѣдко съ приключеніями. Такъ, однажды о. архимандритъ Макарій проѣзжалъ по черни, зацѣпился ремнемъ бывшей при немъ сумочки со Св. Дарами; конь на бѣгу вышелъ изъ-подъ него, и онъ повисъ на сучкѣ и висѣлъ до толѣ, пока воротился и снялъ его вѣхавшій провожатый, уже соскучившійся ждать его, оставшагося позади.

Мы остановились нѣсколько на очеркѣ характера мѣстности, гдѣ дѣйствовалъ о. Макарій, религиозныхъ вѣрованій и образа жизни алтайцевъ съ тою цѣлю, чтобы яснѣе было самоотверженіе его при его истиннѣ апостольскихъ подвигахъ. Теперь мы перейдемъ къ изложенію миссіонерскихъ трудовъ о. Макарія, начавшихся съ самаго прибытія его въ Бійскъ.

Прибывши въ Бійскъ, о. Макарій съ Василиемъ Степановичемъ и Алексѣемъ Терентьевичемъ остановились въ домѣ Бійскаго священника о. Петра Сникина, котораго о. Макарій называлъ постояннымъ своимъ благодѣтелемъ, и нашли здѣсь гостепріимный и ласковый пріемъ. На третій уже день послѣ своего пріѣзда, о. Макарій имѣлъ случай бесѣдовать съ двумя некрещеными алтайцами, изъ которыхъ одинъ былъ

зайсанъ (родовой старшина). Оба они посѣтили домъ о. Петра по его приглашенію. Бесѣда была удобна съ ними, потому что они хорошо говорили по русски. Конечно, съ грубыми идолопоклонниками всего приличнѣе было прежде говорить о Единомъ Истинномъ Богѣ—Творцѣ міра. Съ этого и началъ о. Макарій свою бесѣду; онъ рассказывалъ исторію сотворенія міра и человѣка. Но къ его огорченію бесѣда постоянно прерывалась. Одинъ инородецъ слушалъ спокойно и внимательно, но зайсанъ постоянно противорѣчилъ, горячился, не могъ даже сидѣть спокойно, постоянно вскакивалъ со стула, ходилъ по комнатѣ. «Нѣтъ, говорилъ онъ, не такъ созданъ человѣкъ: тѣло взято изъ земли—это правда, но глаза отъ озеръ, а душу Богъ создалъ изъ воздуха». Постоянное противорѣчіе и раздражительность зайсана заставила о. Макарія прекратить бесѣду.

Грустное впечатленіе первой бесѣды нѣсколько было разсѣяно вечеромъ. Въ домѣ толмача Давыдова, служившаго при земскомъ судѣ, котораго посѣтилъ о. Макарій съ цѣлю отъ него познакомиться съ татарскимъ языкомъ, случилась два некрещенные инородца—отецъ съ сыномъ. Оба они охотно слушали о. Макарія. Замѣтивъ ихъ расположеніе къ принятію христіанства, о. Макарій предложилъ имъ креститься, но они на этотъ разъ не дали рѣшительнаго согласія, а желали подумать объ этомъ. Впрочемъ, кроткая бесѣда о. Макарія, его спокойный тонъ и терпѣливость произвели, какъ видно, глубокое впечатленіе на строптиваго зайсана. Дня черезъ два онъ уже самъ пришелъ къ о. Макарію въ его новую квартиру, въ которую онъ переехалъ съ своими сотрудниками изъ дома священника, просилъ у него прощенія въ своей прежней грубости и самъ выразилъ желаніе слушать о. Макарія. «На этотъ разъ онъ столь безмолвно и кротко выслушивалъ слово о христіанской вѣрѣ, замѣчаетъ о. Макарій въ своемъ дневникѣ, что говорить было весьма пріятно».

О. архимандриту Макарію сначала хотѣлось хотя нѣсколько ознакомиться съ языкомъ инородцевъ, и онъ думалъ сначала нѣсколько пожить въ Бійскѣ, гдѣ онъ могъ имѣть случаи бесѣдовать съ инородцами, знавшими русскій языкъ, и позаимствоваться свѣдѣніями у толмача Давыдова, чтобы нѣкоторыя главныя истины христіанскія переложить на языкъ алтайскихъ инородцевъ, но скоро представился ему случай отправиться въ самыя поселенія инородцевъ—язычниковъ и тамъ проповѣдывать и вмѣстѣ съ тѣмъ учиться языку инородцевъ.

Однажды о. Макарій шелъ къ исправнику, жившему въ Бійскѣ, и на дорогѣ встрѣтился съ старцемъ инородцемъ-христіаниномъ Іереміемъ, по родословной фамиліи, Параевымъ, а по восприемнику его отца, сенатору, Шишковымъ, который жилъ въ селеніи Улалѣ, отстоящемъ отъ Бійска къ ю.-з. верстъ на 90, и пріѣхалъ въ Бійскъ по своимъ дѣламъ. Іеремія, какъ видно, былъ истинный христіанинъ и желалъ, чтобы и его единоплеменники удостоились счастія креститься, какъ и онъ самъ, съ своимъ семействомъ. У него въ домѣ жилъ одинъ молодой татаринъ Елеска, 17 лѣтъ, который познакомился отъ него съ истинами христіан-

ства и, не смотря на гнѣвъ своего отца, желалъ креститься. Іеремія объ этомъ молодомъ татаринѣ разсказалъ о. Макарію и приглашалъ его посѣтить Улалу. О. Макарій съ радостію и охотно принялъ приглашеніе и общалъ отправиться на другой же день. Но воротившись къ себѣ на квартиру, онъ сталъ раздумывать, и мѣсто первой радости заступили сомнѣнія и нерѣшительность. Къ тому же на другой день утромъ пришелъ къ нему и Іеремія Шишковъ и сталъ говорить совершенно противное вчерашнему. Онъ не желалъ напрасно беспокоить о. Макарію, выражалъ опасеніе, что на этотъ разъ поѣздка можетъ быть безуспѣшна, что молодой татаринъ по своей молодости окажется нерѣшительнымъ и откажется отъ своего добраго намѣренія. Раздумье глубокое напало на о. Макарію. Онъ сталъ совѣтоваться со своими помощниками Василиемъ Степановичемъ и Алексѣемъ Терентьевичемъ. Но они оба единодушно сказали, «что они усматриваютъ въ семъ запинаніи хитрость древняго змія», который всегда готовъ помѣшать святому дѣлу, и совѣтовали о. Макарію никакъ не отлагать поѣздку. Добрый совѣтъ оказалъ рѣшительное вліяніе, всѣ сомнѣнія вдругъ разсѣялись, и о. Макарій рѣшился вечеромъ же этого дня отправиться въ Улалу, не смотря на то, что пора была рабочая и было очень затруднительно мѣнять лошадей по деревнямъ. Конечно, о. Макарію удобнѣе было взять съ собою хоть одного изъ своихъ помощниковъ, но Василій Степановичъ чувствовалъ себя нехорошо и не могъ ѣхать, а одного его не хотѣлось оставить. О. Макарій рѣшился ѣхать одинъ.

Не напрасна была поѣздка о. Макарію въ Улалу. Татаринъ Комляжской волости Елеска, послѣ бесѣды съ нимъ о. Макарію, изъявилъ рѣшительное желаніе креститься и просилъ, чтобы надъ нимъ было совершено св. крещеніе немедленно, такъ какъ онъ имѣлъ причины опасаться, что отецъ, когда узнаетъ о его рѣшительномъ намѣреніи, непременно воспрепятствуетъ. Хотя о. Макарій и желалъ еще на день оставить его оглашеннымъ и поучить главнымъ истинамъ вѣры, но, принимая во вниманіе горячее желаніе Елески и гнѣвъ его отца, рѣшился тотчасъ же приступить къ совершенію Таинства. Радуюсь въ душѣ обращенію молодого татарина, о. Макарій ничего не относилъ къ себѣ, къ силѣ своего убѣжденія, но все приписывалъ дѣйствию Божественной благодати и, какъ первенца благодати, онъ нарекъ его именемъ—*Іоаннъ*. И крестился рабъ Божій Іоаннъ въ рѣчкѣ Улалѣ, отъ которой получило имя и самое селеніе. Это было 7 сентября. Воспріемникомъ Іоанна былъ сынъ Іереміи—Каршъ. Жители Улалы, узнавши о крещеніи татарина, собрались къ о. Макарію. Изъ нихъ оказалось четыре семейства крещенныхъ инородцевъ и около 15 семействъ некрещенныхъ теленгутовъ. Всѣ охотно слушали наставленіе въ вѣрѣ и жизни христіанской о. Макарію, но на его приглашеніе вступить въ св. церковь Христову на этотъ разъ отказались. Изъ жителей Улалы старшина (демича) Егоръ, хорошо умѣвшій говорить и по татарски и по русски, помогъ о. Макарію составить на татарскомъ языкѣ краткое исповѣданіе вѣры христіанской, такъ необходимое для первоначальнаго оглашенія желавшихъ креститься ино-

родцевъ. Пробывши въ Улалѣ только одинъ день, о. Макарій отправился въ Бійскъ, взялъ съ собою, по просьбѣ крестнаго отца, и новокрещенаго Іоанна, чтобы поучить его истинамъ вѣры и жизни христіанской и чтобы избавить его отъ неприятностей, какія предстояли ему отъ гнѣва отца. Какъ видно, Іоаннъ боялся отца, потому что, когда на пути въ Бійскъ проѣзжали неподалеку отъ юрты его отца, то онъ спрятался въ повозкѣ за кожаную занавѣску.

Проѣзжая мимо селенія Маймы, отстоящаго въ 8 верст. отъ Улалы, о. Макарій пожелалъ здѣсь остановиться и ночевать, такъ какъ уже былъ вечеръ. Здѣсь далъ имъ пріютъ въ своемъ домѣ крещенный инородецъ—Андрей Чиндековъ. Небольшое селеніе Майма состояло почти изъ однихъ крещенныхъ инородцевъ, поэтому лишь только они узнали о пріѣздѣ о. Макарію, какъ собрались къ нему съ женами и дѣтьми. «Усердіе ихъ къ слышанію Божественнаго, замѣчаетъ о. Макарій, содержало меня часа два въ пріятнѣйшей бесѣдѣ, которую дѣти кончили пѣніемъ: Господи помилуй,—аллилуя!» На другой день о. Макарій оставилъ Майму и продолжалъ путь въ Бійскъ.

Новопросвѣщенный Іоаннъ скорбѣлъ о разлукѣ съ семьею и о непріязненномъ отношеніи къ нему отца, но Господь утѣшилъ его. Онъ видѣлъ во-снѣ, какъ самъ разсказывалъ о. Макарію, что будто-бы какой-то старецъ, украшенный сѣдинами, котораго лице и одежда сіяли, подошелъ къ нему, благословилъ его и похвалилъ за то, что онъ принялъ св. крещеніе. Еще когда они были въ дорогѣ, на пути въ Бійскъ, онъ по утру и вечеромъ самъ становился съ новопросвѣщеннымъ Іоанномъ предъ святыми иконами, училъ его изображать на себѣ крестное знаменіе и повторять краткія молитвы, во время произношенія которыхъ новокрещенный долженъ былъ неоднократно изображать на себѣ крестное знаменіе и дѣлать поклоны. Молитвы, чтобы остались въ памяти, были повторяемы по нѣскольку разъ.

Во время пути ни одна минута у о. Макарію не пропадала даромъ. Сидя въ повозкѣ вмѣстѣ съ Іоанномъ, онъ бесѣдовалъ съ нимъ какъ отецъ родной съ любимымъ сыномъ: то разсказывалъ ему о жизни Іисуса Христа, о св. таинствахъ—крещеніи, миропомазаніи, покаяніи и причащеніи, то училъ христіанскимъ добродѣтелямъ, разъяснялъ дѣла противныя закону Божію, то говорилъ ему о послѣднемъ судѣ Христовомъ, о вѣчной жизни и блаженствѣ праведныхъ и о мученіи грѣшныхъ. Также дорогою, или если случалось дожидаться по деревнямъ лошадей, въ это свободное время о. Макарій заставлялъ Іоанна повторять молитву къ Сыну Божію, иногда переводилъ съ нимъ на алтайскій языкъ и заставлялъ его часто повторять и запоминать краткія молитвенныя воззванія по алтайски....

Съ такою любовію и терпѣніемъ о. Макарій училъ перваго возрожденнаго таинствомъ Св. Крещенія всю дорогу до самаго Бійска и заботился о томъ, чтобы новопросвѣщенный не только запоминалъ молитвы, но и произносилъ отъ сердца, всею душою чувствомъ то, что говорилъ предъ Богомъ.

Лишь только о. Макарій прибылъ съ Иоанномъ въ Бійскъ, онъ озабочился продолженіемъ начатаго на пути наставленія новопросвѣщеннаго въ главныххъ истинахъ вѣры и жизни христіанской. Василій Степановичъ и Алексѣй Терентьевичъ охотно помогали ему въ этомъ дѣлѣ. Прежде всего новопросвѣщенный выучилъ молитву Господню, которая была объяснена ему приспособительно къ его пониманію, а также—и краткое исповѣданіе вѣры, которое было составлено о. Макаріемъ на алтайскомъ нарѣчій въ Улалѣ. Въ этомъ исповѣданіи были кратко изложены: понятіе о совершенствахъ Божіихъ, о сотвореніи міра, Ангеловъ и человѣка, о паденіи сатаны о грѣхѣ первыхъ людей и о таинствѣ искупленія. Такимъ образомъ, изучивши объясненное ему краткое исповѣданіе вѣры, новопросвѣщенный зналъ главныя истины христіанства. Затѣмъ читаны были для него, по выбору, евангельскія повѣствованія о рожденіи, чудесахъ, страданіи, смерти, воскресеніи и вознесеніи Иисуса Христа. И такъ какъ онъ готовился приступить къ таинству Св. причащенія, то было ему прочитано съ объясненіемъ мѣсто изъ 2 главы посланія къ Коринѳянамъ Ап. Павла объ установленіи сего таинства и о томъ, что нужно, чтобы достойно приступить къ сему таинству. Съ особенною заботливостію были разъяснены новопросвѣщенному величіе и сила таинства и неоднократно внушено, что кровь Иисуса Христа, Сына Божія, очищаетъ насъ отъ всякаго грѣха. Наконецъ, приготовленіе было окончено краткими молитвами, которыя были прочитаны Иоанномъ.

На 14 сентября о. архимандритъ Макарій въ первый разъ служилъ въ Бійскомъ соборѣ всенощное бдѣніе, а въ самое Воздвиженіе Честнаго Креста Господня и Божественную литургію. За литургію, новопросвѣщенный, въ первый разъ послѣ крещенія, причастился Святыхъ Таинъ. «Когда онъ приступилъ къ чашѣ благословенія, говорилъ о. Макарій, я спросилъ его на татарскомъ нарѣчій: «братъ Иоаннъ! скажи мнѣ вѣру твою». Онъ отвѣчалъ по татарски: «Поклоняюсь Отцу и Сыну и Святому Духу. Аминь». И еще уже по русски: «Отецъ въ Сынѣ и Сынъ въ Отцѣ и Святой Духъ въ Отцѣ и Сынѣ. Отецъ рождаетъ Сына и Духъ Святой отъ отца исходитъ, и сіи Три одно. Не три Бога, а Единъ Богъ». Потомъ я спрашивалъ: «Какъ Богъ-Отецъ рождаетъ Сына и какъ Духъ Святой отъ Отца исходитъ»? Онъ отвѣчалъ по татарски: «Не вопрошай объ этомъ; Онъ одинъ это знаетъ». Затѣмъ новопросвѣщенный повторилъ за о. Макаріемъ, выговаривая по одному слову молитвы по славянски: «Вѣрую Господи, и исповѣдую.... Вечери Твоя тайныя... Да не въ судъ или во осужденіе... а потомъ уже произнесъ на своемъ природномъ нарѣчій слѣдующее исповѣданіе: «Сыне Божій, Иисусе Христе, Ты истинный Богъ мой. Ты пришелъ спасти грѣшниковъ; я первый грѣшникъ. Помилуй меня. И еще: Иисусе Христе, Сыне Божій! Сіе есть Тѣло Твое, сія есть Кровь Твоя. Тѣломъ Твоимъ напитай меня! Кровію Твоею отъ грѣха очисти меня. Тѣломъ Твоимъ, Кровію Твоею укрѣпи меня на всѣ благія дѣла. Аминь». Послѣ произнесенія этихъ молитвенныхъ словъ, Иоаннъ съ благоговѣніемъ причастился Св. Тѣла и Св.

Крови Христовой во оставленіе грѣховъ и въ жизнь вѣчную». Не оставлялъ о. Макарій новопросвѣщеннаго Иоанна и послѣ того какъ онъ былъ приготовленъ на путь христіанской жизни Св. таинствами; онъ выучилъ его читать молитву къ Богородице— «Богородице, Дѣво, радуйся».... Опасаясь, чтобы Иоаннъ не позабылъ чего—нибудь изъ тѣхъ молитвъ, которымъ онъ былъ наученъ, о. Макарій написалъ ему молитвы на бумагѣ въ томъ порядкѣ, въ какомъ онъ долженъ былъ читать ихъ утромъ и вечеромъ и эту бумагу отдалъ ему съ наставленіемъ, что если онъ что-нибудь забудетъ, то показалъ бы ее, кому-либо изъ грамотныхъ, кто могъ бы прочесть ему и напомнить.

Такъ какъ Иоаннъ оказался очень смысленнымъ и понятливымъ, довольно хорошо умѣлъ говорить по русски и понималъ разговорный русскій языкъ, то о. Макарію хотѣлось оставить его въ Бійскѣ при себѣ, обучить его русской грамотѣ и потомъ сдѣлать его толмачемъ при миссіи, спросивши на это утвержденіе отъ начальства. Но когда Иоанну объ этомъ было сказано, то онъ рѣшительно отказался и сказалъ, что ему хочется оставаться въ Улалѣ и заниматься земледѣліемъ. Испытывая на сколько велика его привязанность къ родному селу или земледѣльческому труду, и думая, что успеетъ уговорить его, о. Макарій сказалъ, что начальство можетъ оставить его при миссіи и противъ воли. Тогда Иоаннъ началъ плакать и его съ трудомъ можно было успокоить и увѣрить, что его оставятъ при прежнемъ образѣ жизни. Такимъ образомъ, о. Макарій съ отеческими наставленіями отпустилъ Иоанна на родину и выпросилъ отъ исправника предписаніе, по которому ему должны были до Улалы давать лошадей даромъ.

Очевидно, новопросвѣщенный не могъ уже теперь оставаться въ семьѣ отца, гдѣ его ожидали одни непріятности, и гдѣ его могли увлекать къ прежнему нечестію. Поэтому, о. Макарій не замедлилъ начать хлопоты передъ свѣтскимъ начальствомъ о томъ, чтобы на Иоанна было распространено положеніе Государственнаго Совѣта о новокрещенныхъ, Высочайше утвержденное 17 іюля 1826 г., по которому они освобождались на три года отъ всѣхъ податей и повинностей, а также и о томъ, чтобы Иоаннъ былъ приписанъ уже къ христіанскому обществу, былъ отдѣленъ отъ язычниковъ, среди которыхъ жилъ прежде, и былъ водворенъ среди христіанскихъ семействъ. Съ просьбою объ этомъ о. Макарій обратился къ Бійскому исправнику. Послѣдній охотно обѣщавшись исполнить его просьбу и недалѣе, какъ черезъ два мѣсяца, уже извѣстивъ о. Макарія, что изъ Томской Казенной Палаты сдѣланъ запросъ о томъ—къ какому обществу желаетъ принадлежать новокрещенный татаринъ Иванъ Шишковъ. Къ этому исправникъ прибавлялъ отъ себя, что у него уже готово предписаніе, которое немедленно будетъ отправлено въ Улалу, и что, во исполненіе предписанія, Ивана Шикова привезутъ въ Бійскъ, чтобы отобрать отъ него отвѣтъ. Такое извѣстіе очень обезпокоило о. Макарія. Онъ же въ это время довольно ознакомился съ характеромъ и обычаями инородцевъ. Онъ очень хорошо понималъ, что если начальство такимъ путемъ вытребуютъ Иоанна въ Бійскъ, то не-

крещенные татары будутъ смотрѣть на такой поступокъ, какъ на притѣсненіе новокрещеннаго со стороны начальства, и это было тѣмъ болѣе вѣроятно, что между инородцами, какъ мы видѣли выше, было распространено убѣжденіе, что самому начальству не угодно, чтобы они перемѣняли вѣру. О. Макарій хорошо понималъ, что приниска къ обществу Іоанна, приведенная въ исполненіе по формѣ начальствомъ, будетъ оскорбительна для Іоанна, и повредитъ ему въ глазахъ его бывшихъ единовѣрцевъ, и, что всего важнѣе, много повредитъ успѣху евангельской проповѣди среди инородцевъ. Поэтому, о. Макарій просилъ исправника поручить исполненіе этого дѣла ему лично. Онъ самъ общался вскорѣ быть въ Улалѣ и тамъ отобрать у Іоанна отвѣтъ на бумагѣ и привезти. Исправникъ охотно далъ свое согласіе. «Уваживъ мое прошеніе, замѣчаетъ о. Макарій въ своемъ дневникѣ, Феодоръ Андреевичъ (имя исправника Серебренникова) сотворилъ полезное для служенія нашего дѣла». О. Макарій дѣйствительно побывалъ въ Улалѣ (хотя и не единственно съ этою цѣлю, но для проповѣди), отобралъ отвѣтъ отъ Іоанна, и послѣдній былъ водворенъ въ Улалѣ и причисленъ къ бывшимъ тамъ христіанскимъ семействамъ.

Съ такою заботливостью, какъ нѣжно-любящій отецъ, какъ добрый пастырь, о. Макарій обрѣлъ заблуждающаго язычника и привелъ его ко Христу Св. Таинствами. Сколько терпѣнія, сколько истинно христіанской любви въ его стараніи, чтобы истины вѣры, молитвы были усвоены имъ не на память только, но сознательно, и приняты сердцемъ. Самъ радуясь въ душѣ обращенію ко Христу Іоанна, какъ первенца, онъ спѣшилъ извѣстить о своей радости и своего непосредственнаго начальника, преосвященнаго Евгенія, выражая вмѣстѣ съ тѣмъ и благодарность за отеческое о немъ попеченіе преосвященнаго во время пребыванія его въ Тобольскѣ, гдѣ они жили въ архіерейскомъ домѣ. Преосвященный тоже раздѣлилъ радость о. Макарія. Онъ немедленно отвѣчалъ ему, между прочимъ: «Обращеніе вами татарина преисполнило меня живѣйшею радостію. Привѣтствую васъ отъ всей души съ симъ первенцемъ благодати Божіей, коей именемъ онъ запечатлѣнъ, и молю Господа, да отверзетъ и другимъ многимъ дверь своего милосердія вашимъ словомъ и молитвою. Благодарность ваша за девятимѣсячное у меня жителство справедливѣе должна обратиться отъ меня къ вамъ. Ибо раствореніе Царства Божія въ трехъ сатѣхъ освящало, а не истощало домъ мой, и вы опечалите меня, ежели отречетесь быть и именоваться моимъ семьяниномъ даже и въ отдаленіи. Аще и не сый тѣломъ, но живу съ вами духомъ» *). Такъ горяче сочувствовалъ преосвященный великому дѣлу о. Макарія.

Впрочемъ, любовь, усердіе и хлопоты о. Макарія по отношенію къ первенцу благодати Божіей на Алтаѣ не ограничивались только имъ однимъ, а изливались одинаково на всѣхъ новокрещенныхъ. О. Макарій бѣдныхъ новокрещенцевъ усаживалъ или у восприемниковъ, или у другихъ благо-

*) Страникъ, 1860 г. авг., стр. 93.

надежныхъ лицъ, пріучалъ ихъ къ труду и отечески разбиралъ ихъ жалобы на своихъ попечителей. Семейству новокрещеннаго Григорія, пишетъ о. Макарій въ дневникѣ, въ которомъ и мужъ пахалъ земли, и жена ткать не умѣютъ, предстоятъ искушенія, въ особенности со стороны весьма обыкновенной въ сихъ почти дикихъ людяхъ привычки терпѣть все, кромѣ правильнаго труда и руководства, которое представляется имъ оскорбленіемъ всего дражайшей свободы, хотя свобода сія есть плачевное рабство подъ игомъ разнообразнаго нищетою и бѣдностію наказуемаго своеволия. Кто изъ нихъ во отроческія лѣта соединившись съ христіанскою церковью вступаетъ въ домъ трудолюбиваго земледѣльца, тотъ иногда грозою, а чаще ласкою и похвалою будучи поощряемъ, легко измѣняется въ нравахъ и влеченіе къ праздности превращается въ благоохотное стремленіе къ знакомству съ полезными въ домоводствѣ искусствами. Такимъ образомъ составились въ здѣшнемъ краѣ цвѣтущія довольствомъ селенія изъ крещенныхъ татаръ, которые новокрещенныхъ братій въ свою очередь пріучаютъ къ тому же, къ чему сами въ молодыхъ лѣтахъ не безъ скорби учились. Но кто женатъ, нажилъ дѣтей и преступилъ средину вѣка своего прежде крещенія, какъ нашъ Григорій, тому трудно бороться съ навыками глубоко вкоренившимися». — «Новокрещенный Григорій и жена его съ груднымъ на рукахъ ребенкомъ, когда снѣгъ уже таялъ, а Майма поверхъ льда бѣжала, пѣше шествовали изъ деревни Верхняго-Карагужа до стана миссіи и обратно. Приходили къ намъ съ жалобою на восприемника и, дабы неудовольствіямъ своимъ дать сколько можно болѣе видъ справедливости, избрали время столь неудобное для себя, и даже небезопасное для младенца. Хотѣли избавиться отъ послушанія восприемнику своему, трудолюбивому и честному земледѣльцу, и ускользнуть въ другое мѣсто гдѣ бы могли, какъ имъ угодно лѣниться, но не имѣли успѣха въ сей хитрости, и возвратились въ домъ попечителя, съ обѣщаніемъ отъ меня — побывать у нихъ послѣ праздника, сообразить жалобу ихъ съ тѣмъ, что Арыковъ скажетъ, и усадить ихъ, по возможности, такъ чтобы имъ ловко было сидѣть».

— «Въ одинъ праздничный день іюля было въ станѣ миссіи значительное, по сравненію съ другими временами, собраніе новокрещенныхъ. Совершивъ литургію и подкрѣпившись обѣдомъ, я удалился съ ними на малое разстояніе отъ селенія, и усѣвшись подъ горою на берегу Маймы, при пособіи толмача, разглагольствовалъ съ ними, выслушивая жалобы ихъ на бѣдность и недостатки въ необходимомъ, стараясь распутывать разныя затрудненія ихъ въ расчетѣ съ восприемниками, и предлагая тому и другому совѣты и наставленія. Вся бесѣда, продолжавшаяся до склоненія солнца къ западу, заключена была утѣшеніемъ сихъ скорбящихъ и одобреніемъ ихъ надеждою на благость Провидѣнія Божія, на попеченіе Отца небеснаго, который знаетъ, въ чемъ нужду претерпѣваемъ, и, когда время придетъ, поможетъ намъ, и пошлетъ довольство; а до того времени обучаетъ насъ трудолюбію и терпѣнію, горестями врачуетъ грѣховныя раны въ душѣ, помогаетъ терпѣть и раст-

воряетъ горести наши разнообразными утѣшеніями, проникающими въ самую послѣднюю глубину бѣдности человѣческой».

— «Семейство новокрещеннаго Аѳонасія получило избушку. Въ состояніи младенцевъ Θεодосіи и Анисіи произошелъ переворотъ на лучшее. Анисія была какъ скелетъ живой, когда мать привезла ее съ сестрою въ наше селеніе; но она ни мало не поправлялась и въ попеченіи Даріи, на рукахъ пятидесятилѣтней старицы Вѣры, когда я, въ концѣ іюля, собрался въ Війскъ, и все готово было къ отъѣзду, приходитъ Аѳонасій и жалуется, что корова столько молока не даетъ, сколько нужно и для Анисіи, между тѣмъ, какъ ему и своихъ дѣтей кормить нечѣмъ. Тотчасъ младенцы взяты у него, и колыбель съ Анисіею повѣшена на волю Божию въ келіи старца Петра, и такимъ образомъ оставлена какъ бы на перекресткѣ для возбужденія состраданія въ проходящихъ. Къ колыбели приставлена Θεодосія помогать старцу въ попеченіи о сестрѣ, но сіе искушеніе, которое Петръ спокойно и терпѣливо принялъ и выдержалъ, продолжалось недолго; и жена восприемника новокрещенной Елены, которая прежде никакъ не соглашалась принять обѣихъ дѣвочекъ, была тронута какъ безпріютностью младенца, такъ и сѣдинами старца. Возвратившись изъ Війска, я нашелъ дѣтей на рукахъ Анны; старецъ купилъ ей безъ меня богатую молокомъ корову, а скупая осталась у Аѳонасія. Теперь младенецъ совсѣмъ другой сталъ, здоровъ и полонъ; а Анна печется о сихъ дѣтяхъ съ усердіемъ и горячностью родной матери. Мы назначили ей годичную денежную награду изъ казны миссіи, откуда ей и одѣяніе для дѣтей получать предположено». Но еще болѣе хлопотъ и затрудненій было у о. Макарія съ новокрещенными калѣками и увѣчными, которые въ болѣзненныхъ припадкахъ обжигались у всегда разложеннаго огня въ юртахъ. Много требовалось нравственной силы, чтобы убѣдить восприемниковъ, для Бога, взять таковыхъ на свое попеченіе.

Чтобы видѣться съ некрещенными инородцами, о. Макарій не упустилъ ни одного благоприятнаго случая. Такъ, при сдачѣ ясака инородцами въ Війскъ, о. Макарій является къ нимъ и бесѣдуетъ. «Но тѣ изъ нихъ, кои въ простомъ народѣ числятся, уклоняются отъ приглашенія въ христіанскую церковь, ссылаясь и притворно въ семь дѣлѣ полагаясь на совѣтъ и рѣшимость Зайсановъ, а Зайсаны одинъ послѣ другаго являются въ Війскъ, и ни одинъ изъ нихъ не можетъ одною особою своею составить сеймъ, котораго мнѣніе могло бы для каждаго калмыка уважительнымъ показаться. При томъ, какъ простые калмыки, такъ и зайсаны ихъ, спѣшатъ отдать ясакъ свой, вкусить ближайшаго къ своему кумысу утѣшенія въ городѣ и удалиться въ родныя горы свои; по этому и вниманіе ихъ въ сіе время весьма далеко отъ горней области христіанскихъ истинъ; и состояніе ихъ въ Війскѣ столь весело и столь плачевно бываетъ, что слово о покаяніи и вѣрѣ во Евангеліе рѣдко можетъ имѣть къ нимъ доступъ въ свободѣ радостной. Впрочемъ, я имѣлъ случай говорить и трезвымъ калмыкамъ о христіанствѣ, а для зайсановъ ихъ написано, при пособіи толмача Хабарова, и читано особое

къ ихъ степени и важности въ калмыцкомъ народѣ принаровненное воззваніе. Но сколь трудно богатымъ людямъ входитъ въ Царствіе Божіе узкимъ путемъ, сіе показываютъ и калмыки въ упорствѣ своемъ, ибо они отличаются отъ здѣшнихъ татарскихъ племенъ больше богатствомъ стада своихъ, нежели языкомъ и фізіономіею.—Но невозможное для человѣка возможно для Бога». Спустя 1 годъ и 6 мѣсяцевъ послѣ крещенія перваго татарина Елески крестился и первый калмыкъ Табынъ, нарѣченный Герасимомъ (марта 8 дня 1832 г.).— «Во время пребыванія комиссіи, занимавшейся обсужденіемъ податнаго вопроса у инородцевъ, большое собраніе инородцевъ было въ Майминскомъ селеніи. Мы приглашали то тѣхъ, то другихъ въ Христову церковь, но вниманіе ихъ было оковано земными попеченіями. Хотя же старый Кучукъ и поддавался было, однако, связуемый, вѣроятно, желаніемъ получить калымъ за дѣтей своихъ, оглянувшись назадъ, и неуправленъ на стезю Царствія Божія».—Начальство Томской губерніи, обративъ попечительный взоръ на крайнюю бѣдность здѣшнихъ татаръ, увидѣло необходимость подать имъ руку помощи, и дабы ихъ поля въ настоящую весну (1832 г.) не остались незасѣянными, рѣшилось купить для нихъ разнаго хлѣба въ зернахъ и раздать имъ его разными мѣрами, съ тѣмъ, чтобы они во время свое уплатили казнѣ за сіи издержки бѣлками или другими звѣрями. По сему случаю былъ я въ началѣ марта въ деревнѣ Верхнемъ-Карагузѣ, куда стекалось весьма много татаръ, получившихъ зерна отъ исправника. Въ пользу новокрещенныхъ принялъ и я хлѣба на сто рублей слишкомъ, ознакомился съ нѣкоторыми изъ тѣхъ зайсановъ, которыхъ прежде не видывалъ, и какъ имъ, такъ и простому народу ихъ предлагалъ слово о христіанской вѣрѣ. Одни слушали молча, но, какъ примѣтно были, не къ содержанію слова, а къ нарѣчію своему въ грѣшныхъ устахъ моихъ приклоняли вниманіе любопытное, другіе, можетъ быть, и разумѣли нѣчто, ибо нерѣдко подтверждали ученіе сознаемъ справедливости, говоря: *чин, чин*, т. е. истинно, истинно; а нѣкоторые явно говорили: «мы люди бѣдные, питаемся конскимъ мясомъ, а если нѣтъ и того, то всякою всячиною, которой гнушаются русскіе. Если окреститься—гдѣ возьмемъ хлѣба въ нуждѣ? Весьма многіе между нами пахать не умѣютъ, а другіе живутъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ и пахать нельзя».—«Въ Тайнѣ мы посѣтили некрещенныхъ Кумандицевъ. Въ аялѣ ихъ было брачное празднество и веселье, и потому удалось мнѣ найти большое количество ихъ въ одномъ мѣстѣ, но какъ, повидимому, пиршество еще готовилось, то не было видно хмѣльныхъ людей, и мнѣ ничто не препятствовало говорить сему собранію о единомъ истинномъ Богѣ, о единой истинной вѣрѣ, о томъ, что всѣ мы грѣшны и о спасителѣ грѣшниковъ Исусѣ Христѣ. Въ подобныхъ случаяхъ инородцы говорятъ: «мы люди темныя», и такъ идите къ свѣту, свѣтъ Христовъ просвѣтитъ васъ, Христосъ дастъ вамъ и зрѣніе правое для пріятія свѣта. Тогда безмолвствуетъ сія бездна, покрытая тьмою, но Духъ Божій носится веру снхъ водъ, и когда Богъ речетъ: да будетъ свѣтъ, тогда свѣтъ будетъ». Одна старуха, и тѣломъ и умомъ

неможная, на вопросъ о. Макарія: «ты крещенная ли»? отвѣчала: «не помню», и движеніемъ руки давала знать, чтобъ онъ не беспокоилъ ее. Или иному говоритъ о. Макарій объ истинной Вѣрѣ, а онъ—ему о вѣрѣ своихъ дѣдовъ и прадедовъ. «Очучакъ въ разглагольствіи со мною на единѣ признавался, что видитъ суетность вѣры своего племени, но я не могъ впередъ подвинуть его: такъ это—видѣть ложь и даже смѣяться надъ ложью—еще далеко отъ того, чтобы любить истину». Иногда «слушатели мои, казалось, были бездушные камни, но Богъ можетъ и изъ сихъ камней произвести чадъ Аврааму». Встрѣчался о. Макарій и съ витіями много вѣщанными. «Въ Сарасѣ посѣтилъ зайсана Семена и прочихъ некрещенныхъ татаръ, которымъ предлагалъ христіанскую вѣру. Но между сими званными не открылось еще ни одного избраннаго.—Не видимъ ли, что на одной землѣ растутъ различныя деревья и травы? Не видимъ ли, что въ одной рѣкѣ живутъ различныя рыбы? Не видимъ ли, что въ одномъ воздухѣ летаютъ разныя птицы? Потому надобно, чтобы и вѣры на свѣтѣ были различныя».—Такъ говорилъ зайсанъ Семенъ и получилъ отвѣтъ: «Не всякій ли земледѣлецъ желаетъ, чтобы между пшеницею его не было плевеловъ? И какой рыбакъ пожелаетъ, чтобы въ неводъ его шли негодные къ употребленію гады? Кому нетопырь не противенъ и кто не любитъ голубя? Христіанство есть перерожденіе худаго дерева въ доброе, чудовища въ человѣка и человѣка въ ангела».

Если о. Макарій слышалъ отъ-кого-либо, что тамъ-то инородецъ желаетъ креститься, то немедленно отправлялся туда, хотя слухи часто и не подтверждались. Для крещенія же младенцевъ-дѣтей новокрещенныхъ родителей онъ ѣздилъ верхомъ за 70 верстъ въ весеннюю распутицу. «Пасха снова подкрѣпила меня и приготовила къ путешествію на Чапшу вмѣстѣ съ новокрещенною Еленою и ея восприемникомъ. Ей надлежало взять у деверя дочь свою еще младенческихъ лѣтъ, но она одна, можетъ быть, не имѣла бы успѣха, а мнѣ одному съ нею, еще молодою женщиною, неприлично было находиться въ дорогѣ. Въ семъ случаѣ попечитель ея показалъ также смиренное для меня великодушіе и терпѣніе. Ибо на конѣ ѣхалъ верхомъ; а онъ съ Еленою не менѣе семидесяти верстъ пѣшешествовалъ, и не однажды не возропталъ, хотя по мѣстамъ надлежало идти грязною топью, переходить босыми ногами рѣчки. Но вотъ искушеніе! Елена прежде сего изъявляла намѣреніе оставить у деверя дочь свою навсегда некрещеною въ надеждѣ получить отъ него нѣкое вспоможеніе для своей бѣдности. Восприемникъ ея или склонялся мыслями къ сему намѣренію Елены, или по крайней мѣрѣ нерѣшительно противорѣчилъ ей. Оба уступили тому мнѣнію моему, что христіанка должна ввести въ Христову церковь малолѣтнюю дочь свою, а въ рукахъ невѣрнаго не оставлять ее на жертву діаволу. Уступили, но кажется не довольно почувствовали нечистоту перваго мудрованія. Теперь мы взяли дѣвочку, и въ деревнѣ Бардѣ расположились крестить ее. Но дѣвочка, до того времени спокойная, удивительнымъ образомъ стала упрямиться, когда зажгли предъ иконами

свѣчи; садилась, ложилась на полъ, когда хотѣли поставить ее предъ образами, сжимала персты въ кулакъ, когда хотѣли сложить ихъ для крестнаго знаменія и отъ иконъ отворачивалась. Хотя всѣ находившіеся при семъ случаѣ увѣряли меня, что сіе упрямство дѣвочки, ни о чемъ не разсуждающей и едва говорить начинающей, не заслуживаетъ вниманія; однако чувство душевное не соглашалось на сіи рѣчи. Если, думаю, сіе дитя и не имѣетъ еще полнаго смысла, то почему тревожится и не такъ спокойно смотритъ на горящія свѣчи, какъ спокойно принимало изъ рукъ моихъ пищу и какъ спокойно смотрѣло на огонь въ татарской юртѣ?—Я погасилъ предъ иконами свѣчи и, все принадлежащее къ дѣйствію крещенія въ сумку вложивъ, сталъ обличать въ матери и ея восприемникѣ оное черствое и сухое въ отношеніи къ дѣвочкѣ расположеніе, въ которомъ они были готовы оставить ее внѣ церкви Христовой; говорилъ, что это грѣхъ, наказуемый нынѣ отвращеніемъ ея отъ святыни; и поставилъ ихъ обоихъ на прилежное моленіе объ отпущеніи сего грѣха и оставленіи наказанія.—Когда черствое такимъ образомъ разогрѣлось и умягчилось и сырое пропеклось сколько нибудь, какъ я думаю, тогда и дѣло получило другой ходъ: дѣвочка наша успокоилась совершенно, сдѣлалась кроткою и покорною желанію матери, когда сія начала вправду желать; не отворачивалась ни отъ иконъ святыхъ, ни отъ меня, цвѣла веселіемъ; сама подавала мнѣ руки при Св. миропомазаніи; наречена во св. крещеніи Евдокією.—Итакъ души дѣтей съ душами родителей связаны: размышляйте о семъ родители! Крестить младенцевъ и русскихъ о. Макарій не отказывался. «Въ ночи на воскресенье сыропустной недѣли пріѣхалъ ко мнѣ изъ Верхней-Камени нарочно-посланный съ письмомъ отъ г. Мейдера (управитель заводскихъ селеній), который усиленно просилъ меня немедленно къ нему пріѣхать и крестить новорожденную дочь его, извѣщая при томъ, что младенецъ весьма слабъ. Когда, подумалъ я, откажу ему и скажу, чтобъ онъ въ сей христіанской нуждѣ отнесся къ приходскимъ священникамъ, между тѣмъ, дитя умретъ; тогда какъ оправдаюсь предъ совѣстію, если и не буду въ отвѣтственности предъ начальствомъ! Сверхъ того можетъ быть онъ и посылалъ просить священниковъ приходской церкви, но не нашелъ ихъ въ селѣ Смоленскомъ.—Такимъ образомъ я рѣшился исполнить требованія г. Мейдера; ввечеру того же дня крестилъ младенца его, а въ немъ самомъ пріобрѣлъ благотворителя для своихъ новокрещенныхъ чадъ».—Напутствовать больныхъ новокрещенныхъ инородцевъ св. таинствами покаянія и причащенія, какъ въ станѣ миссіи, такъ и внѣ онаго, о. Макарій не дожидался призыва, а всегда являлся къ нимъ самъ, имѣя заботливое вѣдѣніе о душевномъ и тѣлесномъ состояніи ихъ. Пріобщалъ онъ и русскихъ людей, обращавшихся къ нему съ сею христіанскою нуждою. «Опочивъ немного по возвращеніи съ Чапши въ станѣ миссіи, получилъ я извѣстіе, что въ Верхнемъ-Карагужѣ новокрещенный Петръ весьма былъ боленъ. Разныя неприятности заставили его оставить домъ восприемника своего въ Усть-Ишинской деревнѣ и пріютиться къ старицѣ Аннѣ, которая, живя теперь

съ двумя внуками въ избѣ пространной, не могла бояться стѣсненія, принявъ Петра съ женою. Но она не предвидѣла искушенія, которое вскорѣ открылось и посѣтило ее вмѣстѣ съ болѣзнію гостя. Ибо вообще въ характерѣ здѣшнихъ инородцевъ примѣчательна та черта, что не только видъ бездыханнаго тѣла человѣческаго поражаетъ ихъ страхомъ, но и то состояніе немощи, въ которомъ больной долженъ въ постелю слечь, дѣлается для здоровыхъ предметомъ боязни и ужаса. Это естественно; но въ свойственное всей поработанной тлѣніемъ даже безмысленной твари чувство, входитъ въ душѣ человѣческой, невозрожденной, или еще несовсѣмъ проникнутой духомъ и жизнію новаго рожденія, мысль о имущемъ державу смерти, т. е. діаволѣ; тогда въ страхѣ человѣческомъ бываетъ много такого, чего нѣтъ въ ужасѣ безсловесныхъ животныхъ, приближающихся къ разрушенію. Сей страхъ находилъ и на старицу Анну; но она искренно открывалась; и когда я говорилъ, что смерть христіанина не есть смерть, а легкій и краткій сонъ, послѣ котораго душа, вѣрою и любовію держащаяся Иисуса Христа, пробуждается, — и вотъ видитъ, что она уже не на землѣ, а на небѣ, въ Божіемъ свѣтѣ, въ Божіемъ мірѣ, въ Божіей радости, въ Божіей жизни, и знаетъ, что никогда умирать не будетъ и не будетъ знать ни грѣха, ни болѣзни, ни печали какой-либо, старица ободрялась, и не только тяготы болящаго Петра не свергла съ себя, но при помощи Божіей понесла ее, когда она была и другимъ бременемъ усугублема». — «Было сырое, дождливое утро, съ Барды прискакалъ сынъ Николая Скударнова и просилъ посѣтить болящаго отца своего, говоря, что онъ при послѣднемъ дыханіи. Надлежало повиноваться. — Правда, говорилъ въ дорогѣ спутникъ мой, дорога телѣжная; могъ бы я и на телѣгѣ пріѣхать за вами; но подумалъ — козла съ дороги иногда не увижу ли, и взялъ ружье съ собой, которое, стуча въ телѣгѣ, пужало бы звѣря». — А плоть во мнѣ отвѣчала ему: лучше бы тебѣ не говорить мнѣ этого».

Въ Бійскомъ округѣ много раскольниковъ. Интересно знать: какъ они взглянули на о. архимандрита Макарія? «Въ первые дни пребыванія нашего въ Бійскѣ доходилъ, пишетъ о. Макарій въ дневникѣ, до меня слухъ, что прибытіе наше въ сей край нѣкоторые въ простомъ народѣ изъясняютъ какъ знаменіе, прости насъ Господи, антихристова пришествія. Иновѣрцы же здѣшніе, слышавшіе между русскими объ антихристѣ, боятся его, хотя не вѣруютъ во Христа. Другіе сказывали мнѣ, будто у меня руки отъ самой кости покрыты шерстью скота, или звѣря какого-то, и будто я кого крещу, того въ солдаты беру. Нѣкто утверждалъ также, будто одинъ казакъ, сидѣвшій спиною ко мнѣ въ дорогѣ, безъ намѣренія, оглянувшись назадъ, увидѣлъ звѣря сидящаго въ повозкѣ его, вскричалъ отъ ужаса; но оглянувшись вторично, увидѣлъ будто, что я опять принялъ видъ человѣка. Вообще, дѣло миссіи здѣшней есть предметъ странныхъ пререканій не только у инородцевъ здѣшнихъ, но и у русскихъ, и въ особенности у раскольниковъ. Но Господь силъ съ нами, заступникъ нашъ Богъ Іаковль!». Въ раскольниковѣйшей деревнѣ Шульгиномъ-Логу, при смѣнѣ коней, набралась къ десятнику

полная изба народу, чтобы посмотрѣть на архимандрита, по мнѣнію толпы, съ крыльями, желѣзными зубами и волшебной палочкою изъ таволги. О. Макарій принужденъ былъ выйти изъ повозки, объяснить народу, что онъ такой же человѣкъ, какъ и всѣ, а заглядывавшимъ ему въ ротъ показавъ и зубы свои, и сказалъ имъ: «Други мои! если бы у меня были крылья, сталъ-ли бы я дожидаться у васъ по два часа подводы? я сей часъ же бы перелетѣлъ въ Майму. Но какъ у меня крыльевъ, какъ вы и сами видите, нѣтъ, то поторопитесь нарядить мнѣ подводу».

Основатель миссіи, по всѣмъ соображеніямъ, видѣлъ, что указанный самимъ промысломъ Божіимъ улусъ Улала есть самое удобное мѣсто для учрежденія стана миссіи, и особенно потому, что впереди на В. и полѣвую сторону сего улуса, не въ дальнемъ разстояніи, находятся кочевья черневыхъ татаръ, а по правую — Алтайскихъ теленгутовъ, но не могъ на зиму 1830 г. переселиться сюда, хотя и желалъ, потому что не было тогда возможности пріобрѣсти тамъ квартиру.

До половины зимы о. архимандритъ Макарій прожилъ въ Бійскѣ, знакомясь, какъ мы видѣли, съ языкомъ Алтайскихъ инородцевъ и потомъ отправился, 19 февраля 1831 г., съ Алексѣемъ Водковымъ въ Сайдыпскій казачій форпостъ, на правомъ берегу рѣки Бин, въ 100 верстахъ отъ г. Бійска, гдѣ была часовня, въ которой можно было помѣстить походную церковь. Вечеромъ 21 февраля о. Макарій прибылъ въ Сайдыпъ, принять какъ гостя, котораго долго ждали, рѣшился провести здѣсь великій постъ, праздновать Пасху, и 27 февраля служилъ въ первый разъ въ походной церкви миссіи Божественную литургію. По просьбѣ жителей форпоста Сайдыпскаго и редута Сайланскаго, служилъ для нихъ во время св. четырьдесятницы, исповѣдалъ ихъ и причастилъ св. таинъ Христовыхъ и замѣчаетъ: «Теперь случилось мнѣ испытать отчасти коликихъ внутреннихъ и внѣшнихъ трудовъ исполнена должность приходскихъ священниковъ, коликой требуетъ силы духа, коликаго навыка въ трезвеніи умномъ, коликой близости къ сердцу Иисуса Христа, коликаго постоянства въ терпѣніи, коликой зрѣлости разсужденія и коликой при всемъ томъ крѣпости силъ тѣлесныхъ, и сколько неумѣренны, несправедливы многіе въ своихъ слишкомъ взыскательныхъ сужденіяхъ о немощахъ служителей церкви». На сыропустной недѣлѣ Сайдыпскія дѣвицы надоѣли о. Макарію мірскими своими пѣснями и получили отъ него VI пѣснь Лепты (покаянную): «Сестры! Богъ снасти насъ можетъ». — Въ недѣлю Св. Пасхи, «когда мы шли вокругъ церкви и пѣли: «Воскресеніе Твое Христе Спасе»; тогда Сайдыпскіе воины, ставъ по угламъ часовни, почтили процессію пальбою изъ ружей, хотя пальба сія была совсѣмъ неграмогласна. За-то у насъ вечернее освѣщеніе въ нѣкоторые дни пасхальной недѣли великолѣпіемъ своимъ едва ли не превзошло иллюминаціи Петербургскія и Московскія; у насъ палили горы ибо въ это время выжигали траву негодную, оставшуюся на горахъ отъ прошедшаго года. Но самымъ лучшимъ украшеніемъ нашей Пасхи было благодушное послушаніе сайдыпскихъ женщинъ; онѣ воздерживались

какъ чрезъ весь постъ, такъ и въ сію седмицу отъ мірскихъ пѣсенъ, и за то получили позволеніе пѣть въ самой церкви пѣсни пасхальныя, которыми и по домамъ, и въ прогулкахъ увеселялись». Сайдыпскіе жители, привыкнувъ къ о. Макарію, склоняли его къ рѣшимости избрать ихъ селеніе въ мѣсто постояннѣйшаго, по возможности, пристанища его. Но, живя въ Сайдыпѣ, о. архимандритъ Макарій стремился мыслею въ Улалу, куда и переѣхалъ въ маѣ мѣсяцѣ 1831 г., купивъ тамъ избу у русскаго пчеловода Ащалуова. Жители Сайдына провожали походную церковь миссіи съ пѣніемъ духовныхъ пѣсней. Но, вскорѣ узнавъ, что Улалинцы, опасаясь быть крещеными, хотятъ откочевать оттуда въ Кузнецкій округъ, о. Макарій удалился отъ нихъ, переселясь въ селеніе Майму, въ 8 верстахъ, гдѣ, притомъ, представлялось и болѣе удобствъ къ помѣщенію.

Изъ Маймы о. архимандритъ Макарій началъ знакомиться съ Улалинскими теленгутами и пріобрѣтать чадъ Христовой церкви изъ черневыхъ татаръ и Алтайскихъ теленгутовъ, поселяя ихъ осѣло въ Маймѣ и другихъ окрестныхъ деревняхъ. Живя въ Маймѣ у крещенаго инородца въ квартирѣ, за которую, сверхъ платы, обучилъ грамотѣ дѣтей его, претерпѣвая крайнія неудобства и трудности, о. архимандритъ Макарій началъ съ 1832 г. заботиться о построеніи дома, въ которомъ можно было бы помѣститься и съ походною церковью. Но такъ какъ послѣднія скудные средства онъ съ радостію употреблялъ на осѣлое обзаведеніе пріемлющихъ св. крещеніе и пособіе бѣднымъ изъ новокрещеныхъ, не оставляя для себя и своего магистерскаго оклада, отказывая себѣ даже въ употребленіи чая, который замѣнялъ онъ мѣстнымъ растеніемъ баданомъ (saxitraga), то постройка дома въ Маймѣ продолжалась до конца 1835 года. Между тѣмъ, Улалинцы одумались: все дѣйствіе о. архимандрита Макарія, исполненныя любви, милосердія и состраданія къ бѣднымъ инородцамъ, убѣдили ихъ въ томъ, что онъ человекъ вовсе не опасный, но достойный всякаго уваженія и любви, и большая часть ихъ, будучи проникнута многократно слышаннымъ отъ него словомъ истины, приняли св. крещеніе (1834 г.) и предалися ему, какъ дѣти отцу. Тогда о. архимандритъ Макарій обратно переселился къ нимъ въ Улалу, впрочемъ, по временамъ, онъ жилъ и въ Маймѣ. Въ это время онъ имѣлъ два снаряда походной церкви—одинъ въ Улалѣ, а другой въ Маймѣ; и, употребляя одинъ св. антиминосъ, данный для церкви Всемиловитаго Спаса, отправлялъ богослуженіе попеременно въ обоихъ станахъ, до прибытія къ нему сотрудниковъ (1836 г.) и полученія втораго св. антиминоса для церкви, въ честь Божіей Матери Одигитри (въ 1840 г.). Въ 1835 и 1836 гг. крестились и остальные Улалинцы, а потомъ возвратились и тѣ, которые сначала, убоявшись быть крещеными, откочевали отсюда, и также приняли крещеніе. Такимъ образомъ, о. архимандритъ Макарій, какъ опытный военачальникъ достигъ вполне своей цѣли и окончательно утвердилъ свой главный станъ въ улусѣ Улалѣ, по правую сторону рѣки Катуня, при впаденіи рѣки Улалы въ Майму. Въ 1835 г. по Высочайшему утвержденію о. Макарій пожалованъ за рев-

ностное служеніе и отличные подвиги въ проповѣди слова Божія наперстнымъ, золотымъ крестомъ, украшеннымъ драгоценными камнями. Для принятія сего креста и сослуженія съ преосвященнымъ онъ вызывался къ 1 августа въ Барнауль и велѣно ему взять съ собою и митру, которую онъ обыкновенно надѣвалъ только въ первый день Св. Пасхи и Рождества Христова.

Проживъ въ Сибири слишкомъ 8 лѣтъ, о. архимандритъ Макарій многотрудною службою разстроилъ свое здоровье и потому въ 1838 году обратился онъ въ Святѣйшій Синодъ съ просьбою—позволить прибыть ему въ С.-Петербургъ для совѣщанія съ искуснѣйшими врачами о болѣзненномъ его состояніи, для личнаго объясненія предъ высшимъ начальствомъ и для того, чтобы потомъ, избравъ для подкрѣпленія силъ своихъ мѣсто, которое здоровью его благоприятствовало бы болѣе, нежели климатъ Сибири, и, воспользовавшись пособіями опытнѣйшихъ врачей и лучшихъ аптекъ, отправиться, если Господь благоволитъ, или въ Сибирь, или въ какое либо другое мѣсто на службу миссіонерскую. Но какъ и въ продолженіи пребыванія о. архимандрита Макарія въ Россіи, онъ намѣренъ былъ заниматься дѣлами, сообразными званію миссіонера, какія провидѣніе Божіе указало бы, то желалъ бы и въ то время принадлежать къ Томской епархіи, сохранивъ именованіе миссіонера и числиться между дѣйствующими при миссіи братіями. Отецъ-миссіонеръ имѣлъ въ душѣ утѣшительную увѣренность, что, во время отсутствія его, могутъ, при помощи Божіей, поддерживать и продолжать дѣло служенія миссіи сотрудники его. Хотя онъ не просилъ пособія для путешествія и пребыванія въ Россіи, надѣясь, при Божіемъ благословеніи, быть довольнымъ окладомъ магистерскимъ и тѣми способами, какіе будетъ благоугодно Провидѣнію даровать ему, но Святѣйшій Синодъ, въ уваженіе того, что здоровье о. архимандрита Макарія дѣйствительно могло быть разстроено на службѣ въ Сибири, равно и по извѣстной Святѣйшему Синоду ограниченности въ способахъ содержанія его, опредѣлилъ выдать ему на издержки необходимыя въ пути и въ болѣзненномъ состояніи 1000 р. асс. изъ экстраординарныхъ суммъ.

О. архимандритъ Макарій недолго былъ въ С.-Петербургѣ, но и краткое время все употребилъ въ пользу миссіи, исходатайствовалъ изъ Святѣйшаго Синода книгу для сбора добротныхъ подаяній въ пособіе пріемлющимъ христіанство инородцамъ и на другіе предметы, входящіе въ кругъ миссіонерскихъ дѣйствій и пріобрѣлъ благотворителей миссіи изъ среды высшаго круга въ обѣихъ столицахъ. На возвратномъ пути о. Макарія изъ Россіи на Алтай, въ Свіяжскѣ, на почтовой станціи, «вошелъ въ комнату человекъ высокаго роста, съ двумя звѣздами и крестомъ Кульмской побѣды. Тотчасъ открылось, что это—попечитель казанскаго университета генералъ Пушкинъ. Я посмотрѣлъ, пишетъ о. Макарій, на черты лица его, послушалъ рѣчи его въ разговорѣ съ явившимся вскорѣ смотрителемъ народной Свіяжской школы и получилъ чувство почти-тельной свободы и откровенности для объясненія его превосходительству желанія моего слушать съ моими сотрудниками нѣкоторыя лекціи»; пос-

лѣдовало соизволеніе *): По приглашенію П. Л. Крупеникова, о. Макарій остановился въ его домѣ. «Мы въ Казани до праздника Пасхи учились книжному татарскому языку, имѣющему словарь и грамматику, надѣясь, что знакомство это поможетъ намъ въ благопотребномъ для дѣла Божія изученіи безграмотныхъ алтайскихъ языковъ, которые всѣ татарской породы. Послѣ Пасхи мы брали уроки по анатоміи, между тѣмъ слушали въ университетѣ публичныя лекціи и по другимъ наукамъ. Дважды ходили мы на тамошнюю обсерваторію и удивлялись огромной, великолѣпной, достойной звѣзднаго неба трубѣ, недавно полученной изъ Германіи, и механикѣ, помогающей сему орудію исполнять хотѣнія астронома, который такъ легко поднималъ его вверхъ, наклонялъ внизъ, обращалъ на всѣ стороны,—и устройству самой обсерваторіи, которая, не умѣю сказать вамъ какъ, при содѣйствіи одного человѣка приходитъ въ движеніе и ходитъ вокругъ васъ, представляя взорамъ красоты неба со всѣхъ сторонъ, посредствомъ оконъ, которыя отворяются только при наблюденіяхъ; они похожи на двери, хотя конечно не на *врата небесныя*, нѣкогда открывшіяся въ духѣ патріарха Іакова, въ сновидѣніи, когда онъ былъ въ Веилѣ, и показавшія ему таинственную лѣстницу, по которой Ангелы Божіи отъ земли восходили на небо, и съ неба нисходили на землю; и которая на вершинѣ своей являла Бога.—Пріятно было поглядѣть на луну, и погадать—составъ массы ея не известковый ли?, по крайней мѣрѣ такъ показалось мнѣ, и подтверждалъ профессоръ Симоновъ. Пріятно было посмотрѣть на Юпитера въ поясѣ, и на его, невидимыхъ для безоружнаго зрѣнія, спутниковъ. Пріятно было видѣть Сатурна въ кольцѣ, и слушать астронома Симонова, мужа, украшеннаго многими знаніями. Обозрѣвая сокровища анатомическаго кабинета, мы смотрѣли съ чувствомъ благоговѣнія на младенца въ утробѣ матери; какъ-бы висящаго и тамъ въ колыбели; сотканной рукою чудной художницы—премудрости Божіей; но мы видѣли только слабое, хотя при всемъ томъ достойное удивленія, раздражаніе ей въ произведеніи человѣческаго искусства, потому что и мать и младенецъ—алебастровыя, если не мраморныя. Впрочемъ, когда профессоръ (Аристовъ) изъяснялъ намъ организмъ человѣческой, тогда все, о чемъ онъ ни говорилъ, надлежало видѣть въ самой натурѣ; и тѣло мужское передъ нами лежало, постепенно разсѣкаемое, и наконецъ чрезвычайно обезображенное. За всѣ непріятности и оскорбленія чувствъ мы были щедро награждаемы умственными удовольствіями: сухой ли черепъ головы человѣческой разсматривали и видѣли знаменіе креста въ соединеніи швовъ его,—или мозгъ, и въ мозгу то самое мѣсто, гдѣ знаменитый Декартъ поставлялъ престолъ души, а на томъ мѣстѣ, Богъ вѣдаетъ, по какой физической надобности, находящіяся песчинки, которыя напоминаютъ о Божественномъ изреченіи: «Ты персть и въ персть возвратишься». Мы были также въ зоологическомъ кабинетѣ; водили меня и въ ботанической садъ, и показывали гербаріи многіе. Я пользовался презанимательными и продолжительными

*) Письм. част. 2, стр. 19.

бесѣдами профессора Корнуха-Троцкаго; а еще чаще такимъ образомъ роскошествовалъ у ректора университета Лобачевского, котораго умъ и даръ слова приводили меня въ удивленіе, и у доктора Фукса, въ которомъ не знаешь—чему болѣе удивляться,—богатству-ли познаній, или добротѣ, сердца и веселому нраву на старости *). О. архимандритъ Макарій прибылъ снова на Алтай къ своей должности въ 1840 г. съ новыми сотрудниками.

Составъ миссіи перваго періода.

Подъ управленіемъ первоначальника миссіи, о. архимандрита Макарія, состояло: 2 іеромонаха, 3 священника, 3 воспитанника семинаріи, 2—духовнаго училища, 1 студентъ ветеринарнаго отдѣленія Московской Медико-Хирургической академіи, 3 лица простаго званія и 2 лица женскаго пола. Всего шестнадцать человѣкъ.

1) *Іеромонахи*: о. Анастасій, Томскаго архіерейскаго дома казначей, по распоряженію Преосвященнаго Агапита отправленъ въ посолье по миссіи въ сентябрѣ 1836 г., съ полученіемъ жалованья отъ архіерейскаго дома. Въ октябрѣ 1837 г. ему дозволено опять прибыть въ Томскъ. Въ сентябрѣ 1839 г., во время отбытія о. архимандрита Макарія въ С.-Петербургъ, іеромонахъ о. Анастасій, по нѣкоторой уже извѣстности для него дѣлъ миссіи, отправленъ въ оную для завѣдыванія, гдѣ и находился до декабря 1840 г. О. архимандритъ Макарій относился о немъ, что онъ и по сложенію тѣлесному, и по образу мыслей, нравовъ и склоненностей, по правиламъ и по ловкости въ обхожденіи съ простымъ народомъ и по способности къ постоянному знакомству съ нарѣчіями инородцевъ, есть весьма благонадежный для успѣховъ миссіонерскаго дѣла служитель церкви. По возвращеніи же изъ Россіи о. архимандритъ Макарій писалъ: «Вкупѣ съ давно крещенными и новокрещенными инородцами, составляющими деревеньку Майму, принесши Господу Богу благодареніе о возвращеніи къ миссіи, я легко обозрѣлъ все, что здѣсь происходило въ продолженіи путешествія моего, и нашелъ, что о. Анастасій, іеромонахъ, служившій здѣсь на моемъ мѣстѣ, не только не уронилъ ввѣреннаго ему, но и новыми пріобрѣтеніями, по милости Божіей служба при немъ впередъ подвинулась: 60 человѣкъ, во время отсутствія моего, соединилось съ церковію» **). Въ 1841 г. о. Анастасій былъ казначеемъ въ Томскомъ Богородско—Алексѣевскомъ монастырѣ. Въ 1842 г. опредѣленъ въ число братства Московскаго Симонова монастыря. Въ томъ же году въ Московской Синодальной Конторѣ объявлено ему благословеніе Святѣйшаго Синода за службу и труды по Алтайской миссіи и за обращеніе въ христіанство 60 человѣкъ. Въ томъ же году перемѣщенъ онъ изъ Симонова въ число братства Воскресенскаго Ново-Іерусалимскаго, Ставропигіальнаго монастыря, гдѣ въ 1844 г. былъ казначеемъ, а въ 1845 г.—намѣстникомъ. Въ 1847 г. про-

*) Пис. ч. 2, стр. 36—38.

**) Пис. ч. 2, стр. 62.

изведенъ онъ въ игумены и опредѣленъ настоятелемъ въ Забайкальскій Чикайскій Иоанно-Предтеченскій, заштатный монастырь. Въ 1852 г. опредѣленъ онъ казначеемъ въ Троицкій Селенгинскій монастырь, откуда въ 1858 г. обращался къ Преосвященному Томскому Пароенію съ открытіемъ мысли о. архимандрита Макарія о заведеніи въ Маймѣ миссіонерскаго монастыря, которую о. Анастасій таилъ въ себѣ 21 годъ, и намѣренія своего—послужить еще подъ старость при Алтайской миссіи.

О. *Пароеній*, Владимірской епархіи, Введенской пустыни, іеромонахъ, по указу Святѣйшаго Синода, прибылъ на службу къ миссіи въ февралѣ 1839 г. При увольненіи о. архимандрита Макарія изъ миссіи, указомъ Святѣйшаго Синода отъ 4 октября 1843 г. предписано званіе и обязанности начальника миссіи возложить на іеромонаха Пароенія, какъ старшаго члена миссіи и благонадежнаго, судя по его образованности и честному поведенію. Но онъ, по болѣзненному своему состоянію, отказался отъ этой должности и, согласно своему прошенію, поступилъ въ число братства Енисейскаго Спасскаго монастыря въ мартѣ 1845 г.

2) *Священники: о. Андрей Юнинъ*, Барнаульскаго вѣдомства, Смоленскаго редута, Одигитріевской церкви священникъ, поступилъ въ миссію въ августѣ 1833 года со слѣдующими пособіями: а) занимаемое имъ мѣсто зачислено за нимъ съ полученіемъ полнаго штатнаго жалованія; б) двумъ сыновьямъ его, обучавшимся въ семинаріи, семинарскимъ правленіемъ, съ утвержденія Преосвященнаго Афанасія, положено выдавать каждому годовой денежный окладъ полнокоштнаго семинарскаго воспитанника; в) двумъ малолѣтнимъ дочерямъ его, до совершеннолѣтія ихъ, или выхода въ замужество, производить изъ духовнаго попечительства о бѣдныхъ по 25 р. въ годъ. Но священникъ Юнинъ, не смотря на эти пособія, оставался при миссіи недолго: въ декабрѣ 1834 г. онъ выбылъ на прежнее мѣсто, а съ декабря 1835 по 14 февраля 1836 г., за отъѣздомъ о. архимандрита Макарія въ Томскъ, онъ снова былъ прикомандированъ для исправленія требъ у новокрещенныхъ инородцевъ, и получилъ аттестацію Начальника миссіи: «Священникъ Андрей Юнинъ совершалъ при миссіи Богослуженіе исправно и тщательно и велъ себя благоприлично и трезво».

О. *Алексій Глухаревъ*, вдовый священникъ Смоленской епархіи, города Вязьмы, Николаевской церкви, братъ о. архимандрита Макарія, согласно его желанію, указомъ Святѣйшаго Синода опредѣленъ въ миссію въ 1837 г., при чемъ, по силѣ Высочайше утвержденнаго въ 10 день августа 1835 г. Положенія, выданы ему на обзаведеніе 500 р. и прогонныхъ денегъ до мѣста назначенія 514 р. 70 к., всего 1014 р. 70 к. Въ 1838 г., не желая разлучиться съ своимъ братомъ, и чтобы помогать ему въ путешествіи въ болѣзненномъ его состояніи, получилъ онъ дозволеніе сопутствовать о. Макарію въ Россію. Въ 1840 г. о. Алексій вознамѣрился поступить въ число братьевъ Кіево-Печерской Лавры, и потому болѣе къ миссіи не возвращался. О. Алексій, еще будучи въ миссіи, проговаривалъ, что онъ желалъ бы испытать на себѣ участь заключенныхъ въ темницѣ, что и удалось ему. По выbytіи изъ миссіи

онъ уничтожилъ свои документы и заявился въ Харьковскій земскій судъ съ объявленіемъ, что онъ—бѣжавшій отъ своего господина человекъ и не желаетъ сказать своего имени. Его посадили въ тюремный замокъ, но вскорѣ замѣтили, что онъ тамъ человекъ неподходящій, ибо сталъ учить простыхъ людей молитвамъ и грамотѣ. Ему пригрозили, что употребятъ крутыя мѣры, если онъ не откроетъ своего состоянія. Онъ попросилъ отвести его къ преосвященному, предъ которымъ и открылся, объяснивъ, что подъ именемъ господина онъ разумѣлъ Господа Бога, а подъ понятіемъ убѣга—удаленіе отъ Него нарушеніемъ Его Св. заповѣдей, но его въ земскомъ судѣ не поняли. Случай этотъ былъ доведенъ до свѣдѣнія Святѣйшаго Синода. Во время управленія Томскою епархіею преосвященнаго Пароенія, о. Алексій былъ опять въ Томскѣ съ странническимъ посохомъ въ рукѣ. Появленіе его въ миссіи было неожиданно для о. Макарія, который пишетъ: «Родной братъ мой, вдовый священникъ о. А—й прибылъ ко мнѣ служить при миссіи, совершенно нечаяннымъ образомъ, оставивъ богатѣйшій въ Вязьмѣ приходъ, распродалъ все свое имѣніе, поручивъ двухъ своихъ малолѣтнихъ дочерей покровительству Божію и попеченію родной сестры усопшаго въ Господѣ А—ты, игуменіи А., которая приняла этихъ птенцевъ въ свой монастырь на воспитаніе. Судите о моемъ удивленіи и о другихъ чувствованіяхъ, волновавшихъ душу мою въ первые дни пребыванія его съ нами. Тутъ не одна радость была, съ нею соединялось нѣчто печальное, но опять и печальное это было вмѣстѣ нѣчто пріятное, то и другое до слезъ. Сказать ли еще, какъ онъ достигъ здѣшнихъ предѣловъ. Отъ Казани до Тюмени пѣшкомъ шелъ, и до Томска издержалъ три цѣлковица, а въ Томскѣ занялъ десять р., чтобы ко мнѣ пріѣхать. Обветшавшая ряса родительская, поношенный нанковый подрясникъ, сумка кожаная, которую онъ несъ за плечами, и въ которой принесъ Евангеліе на престольное, небольшое,—это его имѣніе. Но покройте его святою молитвою вашею, чтобы не было для него вредною откровенность моя предъ вами, и чтобы Тотъ, который началъ въ его душѣ великое дѣло спасенія, совершалъ оное до явленія Иисуса Христа. При многомъ знаніи и хорошемъ образованіи, онъ трезвъ, кротокъ, послушенъ, любитъ молитву и Слово Божіе, и усердно поучается исполненію заповѣдей Христовыхъ» *).

О. *Василій Весскій*, Такъ какъ желающихъ поступить въ миссію было мало, а нужда въ сотрудикахъ была очевидна, то былъ сдѣланъ вызовъ: не пожелаетъ ли кто изъ духовныхъ лицъ Россійскихъ губерній поступить въ миссію, съ правомъ, по силѣ Высочайше утвержденнаго Положенія отъ 10 августа 1835 г., получить на обзаведеніе священнику 500 р. и прогоны на двѣ лошади, діакону 300 р. и прогоны на двѣ же лошади, и причетнику—150 р. и прогоны на одну лошадь. Вслѣдствіе этого вызова, поступилъ въ миссію Тверской епархіи, Весегонскаго уѣзда, села Крамышева, вдовый священникъ Василій Весскій, прибывшій

*) Пис. ч. 1, стр. 212, 213.

въ сентябрѣ 1837 г. Въ 1841 г. онъ заболѣлъ и находился по ходатайству начальника миссiи, въ Барнаульскомъ госпиталѣ. По облегченіи болѣзни, въ іюлѣ мѣсяцѣ того же года, онъ отправился въ Томскъ съ намѣреніемъ поступить въ монашество и жить въ какомъ-либо монастырѣ. При увольненіи его о. архимандритъ Макарій рекомендовалъ, что онъ «служилъ при миссiи 4 г. и 5 мѣсяцевъ усердно и тщательно, съ поведеніемъ очень честнымъ», и ходатайствовалъ о награжденіи его набедренникомъ.

3) *Воспитанники семинаріи: Василій Поповъ*, одинъ изъ первыхъ сотрудниковъ о. архимандрита Макарія, былъ вообще, какъ мы видѣли выше, слабаго здоровья, заболѣлъ уже въ Бійскѣ. Болѣзнь его была печалію о. Макарія и преосвященнѣйшаго Евгенія, и не смотря на пользованіе лекарствами, полученными въ Барнаулѣ, при благодѣтельномъ пособіи Барнаульскаго о. протоіерея Созонта и попеченіи Бійскаго врача Н. В. Клугина, похитила этого 22 лѣтняго юношу. Не однократно напутствовавшись св. таинствами исповѣданія, причащенія и елеосвященія, онъ скончался 9 ноября 1830 года въ Бійскѣ отъ чахотки.

Стефанъ Ландышевъ, сынъ діакона Нижегородской епархіи, одинъ изъ лучшихъ воспитанниковъ Нижегородской семинаріи. Вызовъ духовныхъ лицъ на служеніе въ Сибирскія епархіи и болѣзненная старость его отца, жившаго тогда въ Томскѣ, побудили Стефана Ландышева уволиться изъ средняго отдѣленія семинаріи и ѣхать въ Сибирь послужить родителю въ старости, раздѣлить горькую участь его. Стефанъ Ландышевъ, сопутствуя архимандриту Амѣлохію, назначенному быть настоятелемъ Томскаго Алексѣевскаго монастыря, спокойно доѣхалъ съ нимъ до Томска. Но этотъ покой принесъ съ собой и нѣкое безпокойство для него. На первыхъ же порахъ у преосвященнаго Агапита вышли неприятели съ архимандритомъ Амѣлохіемъ, которыя отразились и на неповинномъ спутникѣ послѣдняго. Стефанъ Ландышевъ проситъ дозволить ему доучиться богословскимъ наукамъ въ Тобольской семинаріи, а ему отвѣчаютъ: «ты присланъ въ епархіальное вѣдомство, а не учиться, и нѣтъ тебѣ другаго мѣста, кромѣ Алтайской миссiи, поучись у о. Макарія». Сему указанію епископа 20-лѣтній юноша Стефанъ Ландышевъ слѣдуетъ безъ сомнѣнія и, по посвященіи въ стихарь, принятъ былъ въ 1836 г. въ миссію ея основателемъ, въ званіи его ближайшаго помощника и послушника. Въ 1838 г. «самъ епископъ предоставлялъ ему учительское мѣсто въ Томскомъ духовномъ училищѣ съ хорошимъ жалованіемъ, но онъ такъ уже прилѣпился къ миссiи, что не хотѣлъ оставлять ея, и отказался отъ всѣхъ удобствъ и выгодъ, чтобы служить Господу при возрожденіи человѣческихъ душъ въ вѣчную жизнь. «Но въ слѣдующемъ, 1839 году въ отсутствіе о. архимандрита Макарія, при завѣдываніи миссіею іеромонаха Анастасія, съ Стефаномъ Васильевичемъ Ландышевымъ, обуреваемымъ скорбями многими, произошло искушеніе,—онъ просился на праздное діаконское мѣсто въ село Бочатское, Кузнецкаго округа, гдѣ, впрочемъ, онъ имѣлъ въ виду обращеніе въ христіанство

Бочатскихъ теленгутовъ, жительствующихъ въ предѣлахъ сего прихода. Преосвященный Агапитъ потребовалъ мнѣнія начальника миссiи объ увольненіи Стефана Ландышева, вслѣдствіе чего о. архимандритъ Макарій представилъ слѣдующія соображенія и предположенія объ образованіи миссіонерскаго прихода подъ настоятельствомъ Стефана Ландышева: 1) Силы мои со дня на день очевидно оскудѣваютъ, и я совершенно увѣренъ въ томъ, что для поддержки и утвержденія миссiи имѣю крайнюю нужду въ такомъ сотрудникѣ, которому служба по всѣмъ частямъ была бы довольно извѣстна, котораго усердіе и способности къ оной службѣ были бы засвидѣтельствованы многими благополучно выдержанными искушеніями, и въ которомъ я имѣлъ бы благонадежнаго и вѣрнаго помощника во всѣхъ дѣлахъ, составляющихъ миссіонерскую службу. Такого помощника искать въ настоящемъ сотрудникѣ моемъ Стефанѣ Ландышевѣ заставляеть самая необходимость. Между тѣмъ, ободряютъ меня разные виды надежды, представляющіеся въ томъ, что Стефанъ Ландышевъ, какъ въ семинаріи Нижегородской былъ однимъ изъ отличныхъ учениковъ по успѣхамъ и поведенію, такъ и въ продолженіи четырехъ лѣтъ служилъ при миссiи здѣшней съ постояннымъ усердіемъ, послушаніемъ и терпѣніемъ, честностью и благоправіемъ заслужилъ общее одобреніе всего народа, знакомился съ мѣстностію и обычаями инородцевъ здѣшнихъ, прилежно изучаетъ нарѣчіе ихъ, имѣеть благонадежную ревность въ проповѣданіи имъ ученія христіанскаго, можетъ на ихъ нарѣчіе переводить избранныя мѣста изъ священнаго писанія, молитвы и все что благопотребно при оглашеніи готовящихся ко св. крещенію и для утвержденія новокрещенныхъ въ спасительной вѣрѣ и союзѣ съ церковію; хотя же онъ и не кончилъ полного учебнаго курса въ Нижегородской семинаріи, а перешелъ въ Томскую епархію, кончивши двухлѣтній курсъ ученія въ среднемъ отдѣленіи означенной семинаріи; однако онъ оставилъ семинарію не по какому нибудь легкомыслію, но исполняя долгъ сыновняго почтенія и послушанія къ родителю, который, будучи сосланъ въ Сибирь, настоятельно требовалъ, чтобы сынъ его перешелъ въ Томскую епархію, и былъ подпорою его старости, при томъ же, хотя онъ не имѣлъ возможности обучаться въ высшемъ отдѣленіи семинаріи, однако, въ продолженіи четырехлѣтняго служенія, при миссiи тщаельно упражнялся въ чтеніи Слова Божія и писаній Св. Отцевъ церковныхъ, исторіи церковно-библейской и церковной послѣ время библейскихъ, изучалъ существенныя истины христіанской вѣры по пространному катихизису Восточной церкви, и можетъ для проповѣданія въ церкви, сочинять простыя и краткія, но основательныя и назидательныя поученія. Все сіе соображая, желаю и всенкорнѣйше прошу ваше преосвященство о томъ, чтобы сотрудникъ мой Стефанъ Ландышевъ не оставлялъ Алтайской миссiи, ибо еслибы онъ переведенъ былъ на діаконское мѣсто при церкви Бочатскаго села, Кузнецкаго округа, то миссіа Алтайская была бы чрезмѣрно и небезопасно ослаблена. 2) Поелику Алтайская церковная миссіа имѣеть первоначально-устроенныя заведенія у самыхъ Алтайскихъ горъ въ предѣлахъ селеній христіан-

скихъ, относящихся къ приходу церкви Енисейскаго села, Бійскаго округа, при которой теперь находится праздное священническое мѣсто, то я, для благосостоянія миссіи, почитаю весьма потребнымъ, чтобъ сотрудникъ мой Стефанъ Ландышевъ, если Господу Богу будетъ сіе благоугодно, въ слѣдующемъ 1841 г., вступивши въ брачное состояніе, былъ святительскимъ рукоположеніемъ поставленъ на степень дѣйствительнаго священника при означенной Енисейской церкви; 3) чтобъ онъ, дѣйствительно исполняя должность приходскаго священника Енисейской церкви, продолжалъ службу свою при церковной Алтайской миссіи; 4) чтобъ онъ жителство имѣлъ въ заведеніи миссіи, устроенномъ при Майминскомъ селеніи, отъ котораго въ разстояніи верстъ на восемь находится другое заведеніе миссіи, при селеніи Улалинскомъ; 5) чтобъ по священнической службѣ его при Енисейской церкви были отчислены на долю его ближайшія къ Майминскому селенію деревни въ небольшомъ количествѣ, которое не затрудняло бы его въ занятіяхъ по службѣ миссіонерской; сіи деревни суть слѣдующія: Билюля (деревня весьма малая), Улала, Верхній-Карагужъ, Нижній-Карагужъ, Чергачакъ и Майма; 6) чтобъ онъ, имѣя жителство при Майминскомъ селеніи, совершалъ общественное богослуженіе въ походной церкви миссіи, находящейся при семь селеніи; 7) чтобъ онъ для отправленія общественнаго богослуженія получалъ помощь отъ сотрудниковъ своихъ по службѣ въ Алтайской миссіи, и отъ тѣхъ жителей деревни Майминской, которые обучились, или будутъ обучаться грамотѣ при церковной миссіи; 8) чтобъ въ случаѣ отсутствія Стефана Ландышева по дѣламъ миссіонерской службы, обязанности его въ отношеніи къ прихожанамъ, кромѣ вѣнчанія браковъ, исполнялъ кто-либо изъ одинокихъ священниковъ, находящихся въ миссіи; 9) чтобъ онъ, Стефанъ Ландышевъ, проходилъ службу свою при церковной Алтайской миссіи, руководствуясь правилами подчиненности, отвѣтственности и послушанія, которыми руководствуются въ отношеніи къ старшему въ миссіи младшіе братіе; 10) чтобъ начальствующій въ миссіи имѣлъ право наблюдать не только за его дѣйствіями по миссіонерской службѣ приходскаго священника и за его поведеніемъ въ семейственной и хозяйственной жизни, стараясь не допускать его до излишествъ любостыжанія и роскоши, несовмѣстныхъ съ обязанностями и трудами по должностямъ приходскаго священника и миссіонера, и стараясь предотвращать всякія и въ особенности отъ излишнихъ за требы требованій возникающія неудовольствія прихожанъ, сообщающіяся ино-вѣрцамъ; 11) чтобъ онъ, Стефанъ Ландышевъ, имѣлъ право пользоваться отъ прихожанъ своихъ обыкновенною ругою и доходами; 12) чтобъ онъ съ новокрещенныхъ инородцевъ не получалъ ни руги и никакихъ доходовъ, исправляя для нихъ всякія требы и обучая дѣтей ихъ грамотѣ русской безмездно; 13) чтобъ онъ, Стефанъ Ландышевъ, получалъ отъ начальствующаго въ миссіи изъ окладной миссіонерской суммы по 400 р. въ годъ, на содержаніе себя съ семействомъ; 14) чтобъ сыновья его, по вступленіи въ церковное училище, во все продолженіе ученія своего, пользовались полнымъ казеннымъ содержаніемъ; 15)

чтобы сей Стефанъ Ландышевъ, бывъ поставленъ священникомъ, въ тоже время получилъ названіе миссіонера и на всякихъ бумагахъ въ подписи своей назывался церковной миссіи Алтайской миссіонеромъ, Енисейскаго села, Дмитріевской церкви священникомъ; 16) чтобъ онъ, Стефанъ Ландышевъ, былъ помощникомъ начальствующаго при миссіи по всѣмъ частямъ и дѣйствіямъ миссіонерской службы, и во время отсутствія его, по требованіямъ службы, нетерпящимъ медленія, отправлялъ официальные бумаги, подписываясь на нихъ помощникомъ начальствующаго при Алтайской церковной миссіи; 17) чтобъ ни благочинный, ни духовное правленіе и консисторія, ни гражданскія начальства и чиновники не отвлекали приходской церкви священника, служащаго при миссіи, отъ занятій его по службѣ миссіонерской никакими порученіями и вызовами по судебнымъ дѣламъ, допросамъ, присягамъ, слѣдствіямъ и депутаціямъ; 18) чтобъ въ случаѣ болѣзни или кончины другаго священника Енисейской церкви, въ самомъ селѣ живущаго, духовное правленіе назначало, для отправленія богослуженія въ Енисейской церкви и священническихъ требъ по приходу Енисейскому, другаго священника, а не того, который будетъ служить при миссіи; 19) чтобъ онъ, Стефанъ Ландышевъ, имѣлъ право въ походной церкви миссіи совершать браки вообще между новокрещенными, и только по тѣмъ деревнямъ, которыя изъ прихода Енисейской церкви были бы на долю его отчислены, доставляя узаконенные обыски другому священнику Енисейской церкви для внесенія въ общую книгу брачныхъ обысковъ, и сообщая ему всякія другія свѣдѣнія о прихожанахъ Енисейской церкви по своей части, для внесенія въ метричныя книги и другія подобныя записи; 20) чтобъ онъ, Стефанъ Ландышевъ, не былъ подверженъ отвѣтственности ни по какимъ дѣламъ и случаямъ при церкви Енисейскаго села, въ которыхъ онъ лично не будетъ имѣть участія, и въ особенности по годовымъ церковнымъ отчетамъ, и чтобъ требованіями къ составленію сихъ отчетовъ, другой священникъ Енисейскаго села не отвлекалъ его отъ исполненія обязанностей по службѣ миссіонерской; и 21) чтобъ начальствующій при миссіи представлялъ енархіальному архіепископу отзывъ о службѣ и поведеніи какъ его, Стефана Ландышева, такъ и другихъ служащихъ при миссіи лицъ, по первоначальному постановленію Архіепископа, высокопреосвященнѣйшаго Евгенія». Преосвященный Агапитъ, соглашаясь съ соображеніями и предположеніями о. Макарія въ главномъ, замѣтилъ только, что не лучше ли ему, Ландышеву, бывъ священникомъ токмо при миссіи, исправлять всякія требы у однихъ новокрещенныхъ, давая всѣ должныя по сему предмету свѣдѣнія и годовые отчеты прямо консисторіи и оставаясь такимъ образомъ при одной миссіи, а не приходскимъ вмѣстѣ, получать для содержанія своего, кромѣ предназначенныхъ ему 400 р. отъ казеннаго оклада на миссію, еще (вмѣсто руги) 200 руб., или и болѣе изъ процентныхъ отъ положеннаго въ банкъ Московскій капитала миссіи въ 10.000 р., — не лучше ли это потому, чтобъ во первыхъ Ландышеву не затрудниться внеслѣдствіи отъ умноженія годъ отъ году числа новокрещенныхъ и въ разныхъ при томъ мѣстахъ, а

паче. во вторыхъ, не отягощать другаго приходскаго священника непрямо падающею на него отвѣтственностію и не заводить между ними не избѣжныхъ отъ того и лишнихъ только переписокъ, а причтъ другой не оставить чрезъ сіе совѣтъ уже нейтральнымъ между двумя священниками, что несовмѣстно съ общимъ порядкомъ епархіальнаго управленія? Обращаясь къ о. Макарію съ этими вопросами, преосвященный потребовалъ отъ него дополнительныхъ мыслей и предположеній. Въ отвѣтъ на этотъ запросъ преосвященнаго о. архимандритъ Макарій, отказавшись отъ образованія миссіонерскаго прихода, предполагалъ имѣть въ станѣ миссіи двухъ сотрудниковъ своихъ—старшаго Стефана Ландышева священникомъ и младшаго Михаила Негрицкаго (о которомъ будетъ сказано ниже) діакономъ, которые исполняли бы все христіанскія требы при миссіи, не включая и браковъ, и не пользуясь ни отъ кого и никакими доходами, получали-бы жалованье изъ суммъ миссіи, равное по 600 р. «потому что труды ихъ должны быть равны и для предотвращения зависти», и чтобы всякій новокрещенный, какъ было и до того, немедленно по крещеніи входилъ въ составъ прихода той церкви, къ которой онъ по мѣсту жительства своего ближе; письменныя же извѣстія о бракахъ, совершенныхъ при миссіи священникомъ супружескаго состоянія и всякія другія потребныя свѣдѣнія по службѣ быди доставляемы начальникомъ миссіи приходскимъ священникамъ, а сіи вносили ихъ въ свои записи, книги и отчеты, представляемые консисторіи. Повторяя прежнія положенія о трудахъ сотрудниковъ, отношеніи ихъ къ начальнику, обезпеченіи ихъ дѣтей и проч., о. архимандритъ Макарій развилъ 10 пунктъ такъ: «Чтобы они по домоводству и хозяйству не распространяли предѣловъ необходимости, безъ благословенія начальствующаго при миссіи, помня, что отъ удобствъ многихъ происходятъ многія неудобства, что не скотопитателями быть они призваны, что хотящіе обогащаться впадаютъ въ сѣти и не могутъ свободно обращаться въ служеніи Господу и святой церкви Его», и добавилъ о выборѣ невѣсть: «чтобы они избирали себѣ такихъ невѣсть, которыя или ужъ умѣли бы, или обязались бы немедленно обучаться читать и писать, которыя хотѣли бы и могли бы и по службѣ миссіонерской быть ихъ помощниками, которымъ бы они предварительно объявили написанныя, по соглашенію съ начальствующимъ при миссіи, предстоящія имъ обязанности, и которыя предварительно изъявили бы свою рѣшимость исполнять ихъ». На эти новыя предположенія и соображенія преосвященный Агапитъ совершенно былъ согласенъ и представилъ ихъ въ Святѣйшій Синодъ, «исключая токмо жалованья Ландышеву, котораго ему, какъ священнику и по многимъ отношеніямъ заслуживающему предпочтеніе, вмѣсто 600 р. полагалъ назначить 700 р., а Нигрицкому 500 руб.». Но послѣдствія сего представленія не извѣстны, и Стефанъ Ландышевъ остался на правахъ прежняго общегитія миссіи ближайшимъ помощникомъ управляющаго оною. Въ 1842 г. Стефанъ Ландышевъ, по нуждамъ миссіи и своимъ собственнымъ, отправился въ Москву и другіе города Россіи. Тогда о. Макарій писалъ друзьямъ своимъ: «Сотрудника моего и

вѣрнаго друга и брата, Стефана Васильевича Ландышева, которому, по важнымъ требованіямъ службы и по собственной надобности его, позволено побывать въ Москвѣ и даже въ Екатеринославѣ, примите съ радостіемъ подъ кровъ свой благословенный. Помогайте ему во всемъ, какъ бы мнѣ помогли» *). Въ 1843 г., по вступленіи въ бракъ, на обратномъ пути изъ Москвы, въ Нижегородской семинаріи, съ разрѣшенія мѣстнаго преосвященнаго Іоанна, держалъ онъ экзаменъ по наукамъ богословскимъ, вслѣдствіе сего правленіе семинаріи причислило его къ 1 разряду семинарскихъ воспитанниковъ. Въ 1844 г. студентъ Стефанъ Ландышевъ произведенъ Афанасіемъ, Епископомъ Томскимъ, въ діакона и священника. Въ этомъ же году, по увольненіи о. архимандрита Макарія изъ миссіи, отказу іеромонаха Парфенія отъ должности начальника миссіи и неприбытію на эту должность изъявившаго желаніе инспектора Калужской семинаріи іеромонаха Данила,—замѣчательно высоконравственной духовной личности,—предписано о. архимандриту Макарію сдать священнику о. Стефану Ландышеву имущество и дѣла миссіи, а сему вступить въ управленіе ею.

Алексій Волковъ, означенный выше, за усердное содѣйствіе о. архимандриту Макарію по миссіонерской службѣ удостоенъ въ 1831 году благословенія Святѣйшаго Синода. Въ 1832 г., бывая въ г. Бійскѣ «по нуждамъ своего сердца, которыя наконецъ изъ неисхожденія къ немощи человѣческой, уважены епархіальною властію», онъ вступилъ въ супружество съ дочерью титулярнаго совѣтника Петра Бабина и подаль отъѣзвъ, что онъ желаетъ поступить въ приходъ, такъ какъ, занявшись житейскими попеченіями, онъ уже не можетъ съ пользою продолжать миссіонерскую службу, но еще держался при миссіи до открытія діаконскаго мѣста при Бійской церкви, котораго просить у преосвященнаго отправился въ Тобольскъ лѣтомъ того же 1832 г. Получивъ отказъ, какъ не прослужившій въ миссіи срочныхъ четырехъ лѣтъ, Волковъ вышелъ въ гражданскую службу—въ Кузнецкій земскій судъ.

4) *Воспитанники училища: Михаилъ Нигрицкій*, ученикъ Томскаго духовнаго уѣзднаго училища высшаго отдѣленія, Красноярскаго вѣдомства, Карасульскаго острога, Спасской церкви священника Петра Нигрицкаго сынъ, по резолюціи преосвященнаго Томскаго Агапита, съ билетомъ училищнаго начальства отъ 13 января 1836 г. уволенъ, по болѣзненному состоянію, въ Алтайскую миссію. Въ 1838 г. мать Нигрицкаго обратилась къ преосвященному Агапиту съ просьбою опредѣлить ея сына на причетническое мѣсто въ ихъ село, для облегченія трудности ихъ, при немолодыхъ ихъ лѣтахъ, въ домоуправленіи. Но о. архимандритъ Макарій отозвался: «По мнѣнію моему, лучше для самихъ родителей Михаила Негрицкаго, чтобы онъ не прерывалъ служенія при миссіи, по требованію скотоводства домашняго, для котораго мать его имѣетъ уже помощницу въ дочери, а отецъ легко можетъ имѣть наемника. Михаилъ Негрицкій уже довольно ознакомился съ на-

*) Пис. ч. 2, стр. 192.

рѣчіемъ алтайцевъ здѣшнихъ и вообще съ дѣлами, входящими въ должность миссіонера. Съ добрыми правами и поведеніемъ безпорочнымъ, онъ, по прошествіи немногихъ лѣтъ, можетъ быть, если Господу Богу и святителю будетъ благоугодно, священникомъ и икупѣ миссіонеромъ благонадежнымъ. Тогда родителямъ его веселѣе будетъ смотрѣть на него, и священникъ Петръ Нигрицкій, если пожелаетъ, можетъ въ то время пріискать такого зятя для своей дочери, который бы въ благоволеніи Архипастыря могъ оказаться способнымъ быть пріемникомъ его по священнической должности, а самъ съ женою найти упокоеніе при сынѣ своемъ Михаилѣ». Въ 1840 г. о. архимандритъ Макарій ходатайствовалъ о производствѣ Нигрицкаго въ діакона при миссіи съ жалованьемъ въ 500 р. Онъ преимущественно помогалъ о. архимандриту Макарію въ перепискѣ Библіи, но въ 1842 г. снова занемогъ и, при попеченіи о. Макарія получивъ нѣкоторое облегченіе, отправился въ домъ родителей, изъ коего уже въ миссію не возвращался, получивъ отъ начальника миссіи слѣдующую рекомендацію: «проходилъ онъ службу свою съ прилежаніемъ и усердіемъ весьма похвальнымъ, и велъ себя весьма честно и безпорочно», съ ходатайствомъ предъ Архипастыремъ ознаменовать справедливую признательность святой церкви къ трудамъ Михаила Нигрицкаго приличнымъ награжденіемъ».

Тимоѣй Экзерцевъ, Барнаульскаго вѣдомства, села Малышева, причетника Теофана Лукина сынъ, уволенный училищнымъ начальствомъ изъ низшаго отдѣленія Томскаго духовнаго уѣзднаго училища, по нездоровью, въ 1843 г., въ Алтайскую духовную миссію; велъ себя честно, но къ службѣ миссіонерской оказался малоспособенъ и въ февралѣ мѣсяцѣ 1844 г. выбылъ изъ миссіи.

5) *Артемій Ловицкій*, студентъ ветеринарнаго отдѣленія Московской медико-хирургической академіи, прибылъ въ миссію съ о. архимандритомъ Макаріемъ въ 1840 г. Миссіонерская дѣятельность его относится ко второму и третьему періодамъ миссіи.

6) *Лица простаго сословія*: Петръ Лисицкій, старецъ, поселенецъ приписанный къ Смоленской волости, Бійскаго округа, изъ государственныхъ крестьянъ, сосланный въ 1824 г. за пропущеніе имъ по ревизскимъ сказкамъ изъ семейства племянника своего. По приглашенію о. архимандрита Макарія, онъ поступилъ въ миссію 8 іюня 1831 года, съ удостовѣреніемъ отъ земскаго начальства, что принять его, Лисицкаго, и имѣть при себѣ можно безпрепятственно. «Упомянувъ о томъ старцѣ, который служить при миссіи съ того времени, какъ мы, нишетъ о. архимандритъ Макарій, начали ставить келліи для себя въ Майминскомъ селеніи, долгомъ почитаю означить здѣсь, кто и откуда сей человекъ при насъ; и какъ онъ безъ сомнѣнія никогда не узнаетъ относящагося къ его лицу содержанія сихъ записокъ, то и не вижу препятствія къ открытію такихъ подробностей въ его жизни, по которымъ бы можно было узнавать свойства его. Сей уже семидесятилѣтній и покрытый сѣдинами старецъ Петръ Тереліевъ сынъ Лисицкій родился въ предѣлахъ Украйны, въ небольшомъ городѣ Старомъ-Осколѣ, откуда будучи уже

въ супружескомъ состояніи, переселился въ Астраханскую губернію. Въ отрочествѣ обучался грамотѣ у одного дьячка, содержавшаго школу, въ которой количество учениковъ восходило до семидесяти. Сему учителю помогали старшіе изъ его учениковъ, называвшіеся «молодичками», котерые, какъ и младшіе многіе, имѣли обыкновеніе, хотя по улицамъ и останавливаясь подъ окнами у домовъ, разные псалмы пѣть, получали милостыню, и такимъ образомъ нужное для содержанія пріобрѣтали. — Петръ, обучившись читать и писать, взялся за плугъ, проходя науку замедляя, пріобрѣлъ вѣдѣніе и въ пчеловодствѣ, и когда уже могъ семейство пропитывать, тогда женился, принявъ отъ разсудительной воли родителей обрѣзаніе собственныхъ чувствованій и послушаніемъ онымъ привлекъ благословеніе свыше, такъ, что жена его была какъ маслина плодovitая, и домъ его былъ, какъ чаша полная. Между тѣмъ, сѣмена благочестія, посѣянные въ душѣ Петра воспитаніемъ, раскрывались въ его усердіи къ молитвѣ, къ церковному Богослуженію, къ чтенію книгъ Божественныхъ, въ удаленіи отъ всего противнаго честности, трезвости и трудолюбію. Нравы жены его таковы были, что она не только не совращала съ пути божественнаго, но и была его спутницею и помощницею на ономъ; и когда вкусъ къ Божественному, усиливаясь въ душѣ Петра, внушалъ ему желаніе отказаться отъ оброковъ жены, тогда и жена его благодушно воспріяла сей подвигъ воздержанія, который они проходили три года». — Потомъ, когда она скончалась, родственники совѣтовали Петру вступить во второй бракъ; но нѣкто изъ постороннихъ сказалъ ему: «другую жену можешь найти, но другой матери для дѣтей не найдешь». — Это слово привело его въ рѣшимость подъять и нести до конца жизни крестъ вдовства, сія рѣшимость заставила его знакомиться съ попеченіями и трудами принадлежащими женскому полу; молитва, слово Божіе, воздержаніе и упражненіе въ добрыхъ дѣлахъ были источниками утѣшеній, ободрявшихъ и укрѣплявшихъ Петра въ сіе знойное время жизни его. Напримѣръ, одного закосявшаго въ недоброй привычкѣ вора онъ убѣдилъ оставить безчестный промыслъ. «Какъ же мнѣ жить? говорилъ воръ. Я человекъ немѣющій никакого хозяйства». — Когда такъ, отвѣчалъ Петръ, то обѣщайся не воровать по крайней мѣрѣ въ продолженіи одного года, а между тѣмъ получай отъ меня все для содержанія твоего нужное даромъ. — Тотъ согласился и получилъ отъ него на первый разъ муки нѣсколько мѣрѣ. Но это было въ первый разъ и въ послѣдній. И Петръ, который долго невидя его, думалъ уже, что онъ опять возвратился къ прежнему способу пропитанія; — какъ удивился и обрадовался, узнавъ, что оный воръ сдѣлался съ его руки добропорядочнымъ человекомъ, питающимся благословенными трудами рукъ своихъ! Наконецъ, Петръ возростилъ дѣтей, и собирался уже отложить житейскія попеченія, въ монастырь удалиться, пли въ горахъ Кавказскихъ искать пещеры, осѣняемой плодоносными древами и оглашаемой журчаніемъ свѣтлаго ручейка, въ намѣреніи идти по слѣдамъ древнихъ пустынножителей. — Но, помышленія человѣческія! Сколь вы далеки отъ совѣтовъ

Промысла Божія! Петру указанъ путь не въ монастырь, а въ темницу, и не въ Кавказскія, а въ Алтайскія горы, туда, гдѣ съ грозною Катунью смиренная Майма соединяетъ струи свои—«за пропущеніе племянника въ ревизіи», сказано въ книгѣ земнаго суда.— Мы объяснились; и мнѣ стыдно было устыдиться его оковъ, его темницы смрадной, его изгнанія, сего названія: «несчастный», столь неприличнаго христіанину, который Бога благодаритъ и прославляетъ о всемъ. Разглагольствія съ онымъ старцемъ нерѣдко напоминаютъ мнѣ о тѣхъ утѣшеніяхъ, которыя находилъ я въ общеніи съ вами, незабвенные отцы и братіе Глинскаго общежитія. Общежитіе у насъ и съ отцемъ Петромъ, который служитъ при миссіи изъ безкорыстнаго усердія, безъ жалованія, безпечально довольствуясь простою пищею и одеждою». Служеніе же сего старца, пожидавшаго въ старости плоды молодыхъ лѣтъ, проведенныхъ въ трезвости и воздержаніи, было самое разнообразное: онъ и въ церкви читалъ, и хлѣбы пекъ, и за огородомъ ходилъ, и за новокрещенными наблюдалъ, въ родѣ благочиннаго, обходя всегда пѣшкомъ ихъ жилища, находившіяся въ разныхъ мѣстахъ и на неблизкомъ разстояніи. «Старцу Петру надлежало, оставивъ огородецъ свой и все принадлежащее миссіи поручивъ одному поселенцу (между которыми мелькаютъ люди, которые челоуѣчества не безчестятъ своими нравами и поведеніемъ) на береженіе, пѣшкомъ идти въ селенія, отдаленнѣйшія отъ стана для посѣщенія новокрещенныхъ. Ибо хотя охотно и легко испросилъ бы я, пишетъ о. Макарій, для него бумагу, по которой онъ могъ бы получать лошадей и повозки по деревнямъ; но старецъ пѣшествовать любитъ, а тряскихъ телегъ и хребтовъ конскихъ не можетъ терпѣть, и надлежало уступить вкусу его, приличному должности.—Черезъ нѣсколько дней пришелъ онъ изъ похода своего благополучно. Изъ Смоленскаго села принесъ мнѣ добрыя вѣсти о новокрещенномъ Антоніи,—изъ Верхъ-Ануйской деревни о киргизахъ: Андреѣ и Михаилѣ, а съ Иткуля о Василии, который, женившись, хотя борется съ бѣдностію, но честнымъ поведеніемъ приобрѣлъ доброе мнѣніе и довѣренность всего селенія. Старецъ Петръ посѣтилъ также новокрещеннаго Іоанна въ Горномъ камнѣ; и сей женился и живетъ у своего воспріемника спокойно и постоянно. Старецъ заставлялъ его при себѣ молиться Богу, умѣть; всматривался въ его супружеское состояніе: благоразуменъ, благополученъ. Словомъ, старецъ радовался, видя на немъ благословеніе Божіе, и преподавъ ему полезныя наставленія, отправился въ редуты Семеновскій и Новиковскій, ибо и тамъ хотѣлъ осмотрѣть житіе новокрещенныхъ; но сбился съ дороги, и пришелъ въ село Енисейское. Здѣсь, узнавъ о моемъ возвращеніи изъ Черни, не рѣшился уже продолжать путешествіе, а посѣдѣлъ въ станѣ миссіи.—При всей охотѣ и привычкѣ къ пѣшествованію, старецъ находилъ довольно дѣла для терпѣнія по своимъ степнымъ равнинамъ, которыя, какъ и лѣса и горы, имѣютъ свои способы искушать путника. Тамъ—длинные переходы приводили его въ изнеможеніе, здѣсь—проливные дожди мочили его; тамъ—онъ томился въ жаждѣ; здѣсь—цыганъ, нечаянно появившійся на дорогѣ, показался ему разбойникомъ, и не-

винно заставилъ его приготовляться къ смерти. Но эти искушенія были вознаграждаемы утѣшеніемъ, когда старецъ Петръ видѣлъ добропорядочное поведеніе новокрещенныхъ, училъ ихъ молиться Богу, изъяснялъ имъ истины христіанской вѣры, и наставлялъ ихъ на исполненіе заповѣдей Спасителя». 1840 г. марта 8 дня, на второй недѣлѣ великаго поста, въ пятницу, сей достоуважаемый старецъ Петръ, волею Божіею, скончался, 79 лѣтъ отъ роду, и погребенъ въ селеніи Улалѣ, противъ западныхъ дверей храма, при рѣчкѣ Маймѣ. Надъ могилою его устроена приличная ограда начальникомъ третьяго періода миссіи—преосвященнѣйшимъ Владиміромъ, первымъ епископомъ Бійскимъ. О. архимандритъ Макарій свидѣтельствовалъ, что «старецъ Петръ былъ рѣдкихъ достоинствъ души, проходилъ служеніе съ примѣрнымъ усердіемъ и терпѣніемъ, въ поведеніи своемъ показывалъ образцы Богоугоднаго благонавія, смиренія, послушанія, трезвости, чистоты, прилежанія къ поученію въ Словѣ Божіемъ, къ молитвѣ, къ служенію ближнимъ и словомъ и дѣломъ». Къ сожалѣнію, онъ скончался въ отсутствіе о. архимандрита Макарія въ С.-Петербургѣ. Смерть его о. Макарій назвалъ крестомъ для себя, и писалъ: «Старецъ Петръ, лучший сотрудникъ и другъ мой искреннѣйшій, съ которымъ свиданіе обѣщало мнѣ столько утѣшеній, скончался. Поминая его и взирая на блаженное скончаніе житія его, чувствую побужденіе подражать вѣрѣ его и желаніе разрѣшиться отъ узъ бреннаго тѣла и переселиться въ лучшій міръ, гдѣ мнѣ на сердце не приходило бы ничто, противное святости Божіей, какъ на сердце челоуѣку не приходитъ и то, что уготовалъ Богъ любящимъ Его» *).

Архипъ Абрамовичъ Орловъ, уволенный отъ службы воинъ, бывший на войнѣ въ 1812 г., Георгіевскій кавалеръ, челоуѣкъ духовной жизни, напитанный Словомъ Божіимъ. При переправѣ чрезъ одну рѣчку на немъ, какъ на хорошемъ пловцѣ, французская, непріятельская пуля пронизала постепенно трехъ его соратниковъ, а онъ, по соизволенію Божію, остался цѣлъ и невредимъ и по благословенію сотрудника миссіи о. Николая Дмитріевича Лаврова, пришелъ въ миссію пѣшкомъ въ мартѣ 1840 г. Занятія его состояли въ отправленіи церковной службы на клиросѣ, хлѣбопеченіи и обученіи дѣтей грамотѣ. Въ іюль 1844 г. Архипъ Абрамовичъ выбылъ изъ миссіи вмѣстѣ съ о. архимандритомъ Макаріемъ въ Болховъ, гдѣ и померъ въ іеросхимонашествѣ, оставивъ записки объ Алтайской миссіи, написанныя простымъ, но выразительнымъ слогомъ.

Петръ Григорьевъ Тарбаевъ, поселенецъ изъ дьячковъ Владимірской губерніи, служилъ при миссіи съ 28 іюля 1836 по 1840 г. Онъ объявилъ желаніе принять монашество. Преосвященный Томскій Агапитъ назначилъ ему трехлѣтній искусъ при миссіи, послѣ выдержанія коего, согласенъ былъ ходатайствовать о постриженіи. Срокъ искуса прошелъ, но ходатайство не имѣло успѣха, потому что бракъ Тарбаева съ женою оставшеюся на прежнемъ мѣстѣ жительства, не могъ считаться расторг-

*) Пис. 146 изд. 1851 г.

нутымъ по поселенію его въ Сибирь, если сама жена не пожелаетъ поступить также въ монастырь.

Филиппъ Гавриловъ Гилевъ, крестьянинъ Колывано-Воскресенскихъ заводовъ, Алтайской волости, служилъ при миссіи съ 30 іюля 1836 г. по смерть свою, 4 іюля 1847 г., по личному ходатайству о. архимандрита Макарія предъ ревизовавшимъ Восточную Сибирь сенаторомъ Толстымъ. Горнаго вѣдомства крестьянинъ Гилевъ, — по сношеніи Святѣйшаго Синода съ министерствомъ финансовъ, какъ проходившій въ продолженіи восьми лѣтъ добровольное служеніе свое при миссіи съ терпѣніемъ, похвальнымъ усердіемъ и благоразумною дѣятельностію, ознакомившійся съ языкомъ Алтайскихъ инородцевъ и, какъ грамотный, могущій уже пересказывать имъ основныя христіанскія истины, кромѣ трудовъ по хозяйственной части занимавшійся обученіемъ новокрещенныхъ мальчиковъ русской грамотѣ и катихизису, обученіемъ готовящихся къ принятію св. крещенія и новокрещенныхъ молитвамъ, отправленіемъ причетнической должности въ общественномъ богослуженіи и писмоводствомъ и потому существенно нужной для миссіи, — былъ уволенъ изъ горнаго вѣдомства и принятъ въ духовное званіе на должность церковно-служителя. О. архимандритъ Макарій свидѣтельствовалъ, что «Филиппъ Гилевъ проходилъ миссіонерское служеніе съ усердіемъ и терпѣніемъ доброхвальнымъ, велъ себя весьма честно и способности къ службѣ миссіонерской показывалъ благонадежныя».

Лица женскаго пола: Прасковья Матвѣевна, старица, мачиха Стефана Васильевича Ландышева, переселившаяся въ Майму въ 1838 г. и черезъ годъ овдовѣвшая. «Старица Прасковья печетъ хлѣбы на братьевъ, живущихъ въ Майминскомъ станѣ, начальствуетъ въ богадѣльнѣ и на часть ея перепадаетъ дѣла послушанія довольно черныя, которыя она обрабатывала до-нынѣ съ достохвальнымъ терпѣніемъ и усердіемъ; на-примѣръ, вступили въ богадѣльню одна вдова изъ числа новокрещенныхъ, въ болѣзни, которая была и опасна и отвратительна, вмѣстѣ съ младенцемъ своимъ, который также былъ боленъ и весьма жалокъ. Старица не возгнушалась омыватъ въ банѣ и мать и дѣтище; и Господь благословилъ трудъ челоуколюбія и послушанія, такъ что вдова и дити ея теперь здоровы и какъ бы переродились». *) Старица Прасковья, которую изъ уваженія къ ея лѣтамъ и расположенія къ ней, всѣ называли «бабушкою», занималась также въ Майминскомъ и Улалинскомъ станахъ миссіи омовеніемъ умершихъ новокрещенныхъ женщинъ.

Дѣвица Софія де-Вильмонъ, дочь убитаго въ Бородинскомъ сраженіи офицера Густава Филипповича де-Вильмонъ, обучавшаяся въ Смольномъ монастырѣ пансіонеркою Ея Величества блаженной памяти Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны и удостоенная при выпускѣ изъ заведенія за успѣхи и благонаравіе, золотой медали. По приглашенію о. архимандрита Макарія, съ дозволенія духовнаго начальства, прибыла она въ миссію въ 1840 г. На дорогѣ въ Алтай, въ Казани она обу-

*) Пис. 1860 г., ч. 2, стр. 6768.

чалась повивальному искусству, однажды была на практикѣ въ университетѣ и въ своей квартирѣ, «подъ руководствомъ учительницы приобрѣтала знанія, могущія, при Божіемъ благословеніи содѣлать полезнѣйшимъ и плодоноснѣйшимъ то служеніе женскому полу между новокрещенными при Алтайской миссіи, которому она приготовлялась посвятить себя ради Христа» **). Она служила въ Майминскомъ станѣ миссіи обученіемъ дѣвочекъ и леченіемъ больныхъ до 1844 г. «Ревностные труды сей благородной сестры явно содѣйствовали къ успѣхамъ служенія миссіи на Алтай. Она помогала больнымъ, при помощи Божіей, иногда аллопатическими, а преимущественно гомеопатическими лекарствами, старалась путями привѣтливаго обращенія съ дѣвцами, вдовами и замужними женщинами, распространять между ними познаніе истинъ Евангельскихъ, приглашала ихъ въ домикъ свой по вечерамъ и преимущественно субботнимъ, и въ сихъ собраніяхъ читала имъ святое Евангеліе и разныя нравственно-духовнаго содержанія книжицы, читала новокрещеннымъ и оглашеннымъ женщинамъ написанное на татарскомъ языкѣ краткое изложеніе ученія христіанской вѣры, и приучала ихъ къ молитвѣ и труду, раздавала имъ волну и ленъ, чтобъ пряли, потомъ брала у нихъ пряжу, и холстомъ за нее платила имъ, а другимъ ради Христа помогала и туне съ благоразуміемъ, между тѣмъ учила дѣвочекъ грамотѣ, и въ числѣ ученицъ ея находились дочери новокрещенныхъ, а нѣкоторыя изъ нихъ и жили въ ея домикѣ; послѣ чтенія дѣвочки учились пѣть церковныя гимны и другія духовныя пѣсни и знакомились съ первоначальными арифметическими соображеніями по пальцамъ». Дѣятельность ея по службѣ миссіонерской, по отзыву начальника миссіи, «была усердна, послушна, разсудительна, терпѣлива, благословенна; она сѣяла добро Божіе правою рукою и лѣвою, посѣщала ли семейства инородцевъ крещенныхъ, принимала ли женщинъ, посѣщавшихъ смиренный домикъ ея, учила ли дѣвочекъ грамотѣ, приходила ли съ утѣшеніемъ и помощію къ болящимъ, или давала приѣзжающимъ изъ окрестныхъ селеній здоровымъ для болящихъ лекарства по гомеопатическому указанію. Живя въ Маймѣ, она присыла о. Макарію записки въ Улалу о томъ, какъ у нея проходило время, и какъ она по рѣкѣ времени плыла въ безбрежный океанъ вѣчности» ***).

Распространеніе и утвержденіе христіанства.

Съ открытіемъ миссіи ежегодное количество инородцевъ-язычниковъ, пріившихъ св. крещеніе, въ первый періодъ ея существованія, было слѣдующее:

	Мужск.	Женск.	Итого.
Въ 1830 году	5	1	6
» 1831 »	19	8	27

*) Пис. ч. 2, стр. 68, 69.

**) Ibidem, стр. 36, 23.

***) Пис. ч. 1, стр. 147.

Въ 1832	»	21	25	46
» 1833	»	12	7	19
» 1834	»	66	64	130
» 1835	»	68	59	127
» 1836	»	22	24	46
» 1837	»	15	13	28
» 1838	»	27	25	52
» 1839	»	10	11	21
» 1840	»	34	26	60
» 1841	»	25	23	48
» 1842	»	23	10	33
» 1843	»	13	9	22
» 1844	»	6	4	10
Итого								336	309	675

«Небольшое количество, но оно дает столько работы, говорит о. архимандритъ Макарій, что силъ у насъ недостаетъ для исполненія всѣхъ обязанностей и требованій службы по совѣсти; поему, я, если-бы и суетности своей угождать хотѣлъ, то не имѣлъ бы чѣмъ потщеславиться предъ челоуѣками, а предъ Господомъ Богомъ кругомъ въ долгахъ, въ неоплатныхъ долгахъ, и мысль о нихъ могла бы повергнуть меня въ отчаяніе, если-бы Сынъ Божій не пришелъ въ міръ спасти грѣшниковъ, и не сказалъ мнѣ, что Тотъ, Кому я столько долженъ, Кому я не могу уплатить долговъ своихъ, есть Отецъ мой, и все прощаетъ мнѣ, если я чадо Его, и самъ прощаю всѣмъ должникамъ моимъ» *). Просвѣщено

м. п. ж. п.

св. крещеніемъ: дѣтей новокрещенныхъ инородцевъ 415—349= 764.
русскихъ . 151—132= 283.

Итого . . 566—481=1047.

Распространеніе грамотности.

Въ первый періодъ существованія миссіи, съ самаго основанія ея были обучаемы мальчики и дѣвочки русской грамотѣ, Закону Божію и церковному пѣнію. Ежегодное количество учениковъ было отъ 5 до 20 и ученицъ отъ 7 до 13. Безпріютныя сироты и дѣти бѣднѣйшихъ родителей были на содержаніи миссіи.

Изученіе языка Алтайскихъ инородцевъ.

Со времени самыхъ первоначальныхъ опытовъ и дѣйствій миссіи ощущалась крайняя нужда въ изученіи языка инородцевъ, которымъ надлежало возвѣщать волю Божію. Основатель миссіи ревностно занялся собираніемъ словъ и рѣченій всѣхъ нарѣчій Алтайскаго языка. Но первые опыты по этому предмету самъ же называлъ «сумою нищаго». «Доселѣ

*) Пис. ч. 2, стр. 62.

мы, говорилъ онъ, какъ-бы ходили по міру и побирались: накопляемое нами собраніе татарскихъ словъ и рѣченій уподоблялось сумѣ нищаго, въ которой куски всякаго хлѣба, и мягкаго, и черстваго, и пшеничнаго, и ржаного, и свѣжаго, и изгнившаго, все безъ разбора смѣшано, и все вмѣстѣ составляетъ тяжелую ношу. Бѣднякъ, который воздыхалъ прежде, смотря на пустую суму свою, теперь, когда сума его сдѣлалась полна, опять вздыхаетъ, зная, что носимое имъ бремя не можетъ освободить его отъ горькой бѣдности. Таковы были наши добычи въ знакомствѣ съ различными нарѣчіями, употребляемыми въ различныхъ племенахъ инородцевъ. Тутъ были свѣдѣнія, почерпнутыя изъ разныхъ источниковъ, какіе мы встрѣчали на пути своемъ: были слова кумандинцевъ, черневыхъ татаръ, телеутовъ, алтайцевъ; всякой всячины накопилось столь много, что не легко было привести сіе хаосное смѣшеніе въ стройный порядокъ. Что, думалъ я, изъ всего этого можетъ выйти, кромѣ примѣчательной нелѣпности? Изъ всѣхъ нарѣчій, которыя хотя и сродны между собою, но отличны одно отъ другаго, надлежало избрать болѣе употребительное, словарь его составлять обычнымъ порядкомъ, замѣчать, сколько можно, особенности, свойственныя другимъ нарѣчіямъ, и, такимъ образомъ, изучая одно, знакомиться мало по малу и съ другимъ *). Такъ и поступилъ о. архимандритъ Макарій. Онъ избралъ нарѣчіе Теленгутское, изучилъ его довольно основательно и перевелъ на это нарѣчіе:

- 1) Евангеліе почти все.
- 2) Многія мѣста изъ Апостола, а 1-е посланіе Іоанново все.
- 3) Многія церковныя пѣсни и псалмы.
- 4) Исторію Іосифа, по тексту Библии,
- 5) Избранные тексты изъ другихъ книгъ Священнаго Писанія.
- 6) Краткую Священную Исторію и Краткій Катихизисъ.
- 7) Огласительное Поученіе, Символь Вѣры, 10 заповѣдей, съ толкованіемъ на нихъ, Молитву Господню и другія молитвы.
- 8) Вопросы при исповѣди и крещеніи.
- 9) Краткій лексиконъ до 300 словъ. Впрочемъ, все это требуетъ пересмотра и исправленія, особенно переводы, сдѣланные о. архимандритомъ Макаріемъ въ началѣ служенія его въ Алтаѣ, когда въ сумѣ его еще не было сдѣлано строгой классификаціи разныхъ подалній.

Леченіе больныхъ.

По вѣрованію Алтайскихъ инородцевъ, всѣ болѣзни, равно какъ и всякое несчастіе, есть слѣдствіе нападеніе злаго духа Эрлика или Корюмеся. Леченіе всякой болѣзни и отвращеніе всякаго несчастія состоитъ въ приношеніи жертвы этому злему началу—Эрлику, или подчиненнымъ его духамъ. Чтобы искоренить это вѣрованіе въ суевѣрныхъ инородцахъ, однихъ словъ и убѣжденій со стороны миссіонера оказывается недостаточно, а необходимо съ объясненіемъ истинныхъ причинъ болѣзней, са-

*) Пам. Труд. Прав. Благ. Русск. стр. 152—154.

мымъ дѣломъ доказать, что для излеченія ихъ полезнѣе прибѣгать къ средствамъ естественнымъ, а не къ шаманству, раззорительному, бесполезному и часто положительно вредному. Подать медицинскую помощь больному инородцу и основатель миссиі, о. архимандритъ Макарій представлялъ для миссіонера святою обязанностію. «Кто пойдетъ лечить инородцевъ Бійскаго и Кузнецкаго округовъ, разныя татарскія, кланяющіяся идоламъ орды, которыхъ называютъ здѣсь черневыми, потому что онѣ кочуютъ по чернѣ, т. е. въ разсѣяннн въ лѣсахъ, частію черныхъ, покрывающихъ Алтайскія горы? Миссіонеру, который проповѣдуетъ имъ Иисуса Христа, изцѣлявшаго всякую болѣзнь и всякую немощь въ людяхъ и въ тоже время проповѣдавшаго царствіе Божіе,—миссіонеру принадлежитъ попеченіе о больныхъ между сими жителями тущобъ, удаленныхъ отъ пособій и удобствъ городской жизни. Что дѣлать миссіонерамъ у одра больнаго? Говорить ли ему о душѣ, о вѣчныхъ мукахъ, о раѣ? Въ отвѣтъ на это онъ показываетъ раны на тѣлѣ своемъ, и томнымъ взоромъ, смотря на проповѣдника, спрашиваетъ: *эмъ бар ба:* нѣтъ-ли лекарства? И такъ, что съ ними дѣлать? Чудеса ли творить? Разумѣется, дарованіе чудодѣйственныхъ исцѣленій можетъ Господь всегда дать, кому восхоцетъ; но желая сего даванія сверхестественнаго, никакихъ обыкновенныхъ способовъ, представляемыхъ врачбною наукою, не принимать, когда удобность принять и въ пользу свою и ближняго обратитъ сіи способы подъ рукою, не значитъ ли это искушать Господа? Напротивъ, если-бы миссіонеръ въ употребленіи способовъ, указуемыхъ медициною, полагался своею вѣрою и надеждою не на силы природы, а на Того, Кто создалъ и оживляетъ человѣка, то и лечилъ бы съ Богомъ, какъ другой чудодѣйствуетъ съ Богомъ; а съ Богомъ все хорошо—и чудо и добродѣтель, идущая обыкновеннымъ путемъ». — Миссіа употребляла два способа леченія больныхъ: аллопатическій и гомеопатическій. По первому способу помогали страждущимъ Артемій Левицкій, специально знакомый съ медициною, а по второму—Стефанъ Васильевичъ Ландышевъ и Софія де-Вильмонтъ.

Вспомоществованіе бѣднымъ и призрѣніе безпріютныхъ сиротъ.

Большая часть изъ пріемлющихъ св. крещеніе кочевыхъ инородцевъ, по состоянію дикости жалкихъ, часто неимѣющихъ никакихъ средствъ къ пропитанію, по крещеніи, при перемѣнѣ образа жизни, необходимо требуютъ пособія миссиі: нерѣдко въ перевозкѣ семействъ изъ кочевыхъ на жительство въ христіанское селеніе,—часто въ теплой одеждѣ и пищѣ, иногда въ пропитаніи цѣлаго семейства, въ заведеніи избы, посуды и другихъ домашнихъ вещей,—въ покупкѣ скота, земледѣльческихъ орудій и сѣмянъ для посѣва. Часто является необходимость нѣсколько разъ помогать одному и тому-же семейству, а иногда и постоянно подавать способы къ содержанію, на примѣръ, находящимся въ безсильной и безпріютной старости, или сиротствѣ и младенчествѣ, или въ безпомощномъ состояніи. «Умственные способности черневыхъ инородцевъ, гово-

ритъ о. архимандритъ Макарій, такъ мало раскрыты, что, кажется, будто они не чувствуютъ и души въ себѣ, весь кругъ помысловъ и желаній ихъ, надеждъ и опасеній ихъ, радостей и печалей ихъ ограниченъ тѣлесными нуждами. Что съ ними дѣлать миссіонерамъ? Удовольствоваться ли одною проповѣдію? Но немногіе изъ нихъ соглашаются слушать ее, а также еще менѣе, которые бы сколько нибудь понимали ее. Начнутъ ли говорить имъ о небѣ? Они думаютъ только о хлѣбѣ, и послѣ проповѣди заводятъ рѣчь о томъ, что у нихъ въ самомъ дѣлѣ нѣтъ хлѣба». Возможно ли въ такихъ случаяхъ отказать въ какой либо помощи? И миссіа, не смотря на свое часто затруднительное положеніе, всегда оказывала возможное пособіе такимъ жалкимъ существамъ. Не было ни одного года, съ самаго открытія ея, чтобы, кромѣ пособія бѣднѣйшимъ семействамъ, не содержалось ею нѣсколько безпріютныхъ сиротъ.

Заведенія миссиі.

Въ Майминскомъ станѣ, на дельтѣ впаденія р. Маймы въ Катунь, построены были три дома: а) узкій, длинный, въ которомъ помѣщались походная церковь, начальникъ миссиі и его сотрудники, б) домъ изъ двухъ комнатъ, раздѣленный сѣнями для училища и в) такой же домъ—для пріюта больныхъ.

Въ Улалинскомъ станѣ построенъ былъ: а) небольшой деревянный богослужебный домъ, который на 6 января 1838 г. сгорѣлъ отъ попортившейся, сбитой изъ глины печи; б) на мѣсто сгорѣвшаго дома, по благословенію преосвященнаго Агапита, лѣтомъ того же 1838 г. новокрещенные инородцы и другіе православные христіане, живущіе въ Улалѣ, построили небольшую деревянную церковь, безъ колокольни, на которую поступили значительныя пожертвованія: отъ крестьянина Горнаго вѣдомства Андрея Михайлова Щетинина 334 р. 92 к. асс. и инородца Карна Еремеева Параева (сынъ того Іереміи Шишкова, который сообщилъ о. Макарію о желаніи Елески креститься) 323 р. 55 к. асс. церковь эта тоже сгорѣла на 5 января 1870 г.; в) небольшой домъ изъ двухъ комнатъ, раздѣленныхъ сѣнями, отъ котораго и въ настоящее время осталась кухня; г) о. архимандритъ Макарій убѣдился опытомъ, что одинокихъ членовъ миссиі недостаточно къ удовлетворенію многоразличныхъ нуждъ «Миссіонеръ, имѣющій жену и дѣтей, говорилъ онъ, долженъ свѣтить предъ иновѣрцами примѣромъ вѣрности, единодушія, мира, воздержанія въ христіанскомъ супружествѣ, примѣромъ благоразумія, трудолюбія, порядка и чистоты въ домоводствѣ и образцемъ воспитанія чадъ въ страхѣ Божіемъ. Если жена, какъ и онъ, ищетъ царствія Божія и правды его, если она одного съ нимъ духа и правила, то, при помощи Божіей, будетъ ему многоплодною помощницею по службѣ, и въ особенности важно будетъ ея содѣйствіе внушеніемъ христіанскихъ истинъ женщинамъ и обученіемъ дѣвочекъ между новокрещенными, о которыхъ попеченіе весьма часто можетъ быть затруд-

нительнымъ и раззорительнымъ для одинокихъ миссіонеровъ.» По этому, въ 1841 г. о. архимандритъ Макарій, по совѣщаніи и въ согласіи съ одинокими своими сотрудниками, необязавшимися къ безбрачной жизни, приступилъ къ построению дома, который былъ бы удобенъ для помѣщенія семейныхъ членовъ миссіи. Въ настоящее время въ этомъ перестроенномъ и распространенномъ домѣ помѣщается о. протоіерей Стефанъ Ландышевъ.

Пособія миссіи со стороны Гражданскаго Начальства.

Съ самаго основанія миссіи гражданское начальство способствовало ея успѣхамъ зависящими отъ него мѣрами. При отиравленіи на должность миссіонерскую основатель миссіи, о. архимандритъ Макарій снабженъ былъ отъ генералъ-губернатора Западной Сибири Вельяминова открытымъ предписаніемъ, чтобы какъ ему, архимандриту, такъ и состоящимъ при немъ сотрудникамъ, оказываемо было, по возложенной на нихъ обязанности, всякое нужное имъ содѣйствіе, а также покровительство и защита и приличныя квартиры во время путешествія и отаповокъ, чтобы доставленъ былъ ему переводчикъ, знающій Алтайскихъ инородцевъ языкъ.

Отъ Томскаго губернатора получались каждагодно бланковые билеты на всѣхъ членовъ миссіи, для взиманія подводъ безъ платежа прогоновъ.

Мѣстное земское начальство иногда препровождало въ миссію инородцевъ, изъявившихъ желаніе принять христіанство для обученія и крещенія.

Средства къ содержанію миссіи.

1) *Отъ Правительства.* Съ 1830—1835 г. миссія получила въ жалованіе служащихъ и на служебныя потребности изъ разныхъ суммъ Святѣйшаго Синода 5390 р. асс., приблизительно по 1000 р. на каждый годъ.

Въ 1836 г. миссія получила на расходы свои уже изъ казны 1000 рублей асс.

Съ 1837—1844 г. она получила изъ казны ежегодно по 571 руб. 41 коп. сер.

2) *Благотворенія миссіи частныхъ лицъ.* До 1840 г. частныхъ благотвореній было весьма мало. Изъ пожертвованій этого времени, между прочимъ, значится: отъ Петра Козмина Фролова оловянные сосуды, употребляемые при совершеніи литургіи; академика Михаила Мягкова походный иконостасъ съ иконами его кисти; отъ ректора С.-Петербургской семинаріи, архимандрита Аѳанасія полное собраніе твореній Св. Тихона, епископа Воронежскаго, 8 том., въ кожаномъ переплетѣ.—О. архимандритъ Макарій путешествіемъ своимъ въ С.-Петербургъ и Москву, равно записками своими о миссіонерскихъ дѣйствіяхъ и письмами къ

разнымъ лицамъ вызвалъ уже частную благотворительность миссіи, находившейся тогда въ самомъ бѣдномъ положеніи, и по недостаточности средствъ не могшей иначе существовать, какъ на правилахъ строгаго общежитія. Никому изъ служащихъ тогда оклада не было, но нужды каждаго, по распоряженію начальника миссіи, удовлетворялись самымъ скуднымъ образомъ. Для служащихъ въ то искусительное время, мало было безкорыстія, но требовалось еще самоотверженіе. Кто не имѣлъ этого качества, необходимаго для миссіонера, тотъ выходилъ изъ миссіи.

Увольненіе о. архимандрита Макарія отъ должности Начальника миссіи и выѣздъ изъ Алтая.

Въ 1843 г. о. архимандритъ Макарій испрашивалъ у Святѣйшаго Синода, по разстроенному здоровью, позволенія, сложивъ съ себя званіе миссіонера, посвятить остатокъ дней своихъ на путешествіе въ Іерусалимъ. Вслѣдствіе этого прошенія, указомъ Святѣйшаго Синода отъ 16 іюня 1842 г., онъ уволенъ изъ миссіи и опредѣленъ настоятелемъ въ Волховскій Троицкій—Оптинъ монастырь Орловской епархіи. 4 іюля 1844 г. онъ выбылъ изъ Майминскаго стана миссіи, къ истинному горю всѣхъ знавшихъ его въ просвѣщенномъ имъ краѣ. Прощаніе его съ Алтаемъ весьма трогательно описано Архимомъ Абрамовичемъ Орловымъ, его спутникомъ. Въ 1846 г., получивъ дозволеніе и паспортъ на путешествіе по св. мѣстамъ Палестины, о. архимандритъ Макарій готовился съ весны слѣдующаго года въ путь, къ которому давно стремилась душа его, на поклоненіе Гробу Господню, посѣщеніе мѣстъ, освященныхъ жизнью и страданіями Искупителя. Но судьбы Господни неисповѣдимы; онъ, сверхъ чаянія, сдѣлался боленъ, и болѣзнь его, не смотря на усердіе врачей, быстро развилась, чему, безъ сомнѣнія, много содѣйствовало крайнее изнеможеніе и истощеніе жизненныхъ силъ предшествовавшими неутомимыми трудами, которыхъ онъ не жалѣлъ тамъ, гдѣ дѣло шло о распространеніи благодатнаго Царствія Христова. Въ послѣдній день предъ исходомъ своимъ въ Горній Іерусалимъ, архимандритъ Макарій написалъ карандашемъ и положилъ между бумагами слѣдующее четверостишіе:

«Мой Богъ! мой Царь! Спаситель дорогой!
Пришелъ желанный день! паду передъ Тобой.
Еще я на землѣ; но духъ Тобой тпенещетъ
Зрю—свѣтитъ горній лучъ! Заря безсмертья блещетъ».

Такъ погасъ для чувственныхъ очей великій свѣтильникъ вѣры въ 1847 г., мая 18 дня, утромъ въ 10 часовъ и 20 м., на 55 году его жизни. Тѣло его предано землѣ самимъ высокопреосвященнымъ Смарагдомъ, архіепископомъ Орловскимъ, нарочито пріѣхавшимъ почтить память великаго старца. Похоронили его при стеченіи всего плачущаго города, въ монастырскомъ соборномъ храмѣ, внутри, на правой сторонѣ трапезы, въ склепѣ, давно приготовленномъ бывшимъ настоятелемъ сего монастыря, архимандритомъ Иринеемъ. При жизни своей, о. архимандритъ

Макарій часто хаживалъ въ эту пещеру, въ которую извиѣ устроены удобный входъ. Во время предсмертной болѣзни его, продолжавшейся двѣ недѣли, спрашивали его: если онъ скончается, то не угодно ли будетъ, чтобы тѣло его погребено было въ этой пещерѣ?—«Какъ хотите, отвѣчалъ онъ, мнѣ все равно».—Предъ кончиною же онъ сказалъ казначею, чтобы его похоронили въ этой пещерѣ, и заповѣдалъ гроба ничѣмъ не украшать, а только написать крестъ и слова Спасителя: *Азъ есмь воскресеніе и животъ: вѣрующій въ Мя, аще и умретъ, оживетъ, и всякъ живый и вѣрующій въ Мя не умретъ во вѣки.* (Іоанн. 2, 25. 26).

Чтущіе память о. Макарія, распространивъ трапезу сей церкви, устроили, по указанію означенныхъ текстовъ, два придѣла: 1) на правой сторонѣ Воскресенія Христова, гдѣ подъ самымъ крестомъ находится гробъ о. Макарія; 2) на лѣвой сторонѣ—воскресенія праведнаго Лазаря, въ память коего и чтутъ въ Евангеліи означенныя слова Христовы. Бывшій казначей, впоследствии адхимандритъ и настоятель сего монастыря, Іеремія одному изъ Алтайскихъ миссіонеровъ пишетъ: «Я убѣжденъ духомъ, что сіи Воскресенія храмы, по вѣрѣ отца Макарія, зиждутся надъ нимъ, по его праведности избраны, и составляютъ дѣйствительнѣйшее свидѣтельство, что о. Макарій живетъ въ воскресеніи праведныхъ».

Сказываютъ, что когда о. Макарій былъ еще здоровъ и собирался въ Палестину, упомянутый выше Мартинъ Андреевичъ Атласъ часто приходилъ къ нему. О. Макарій однажды сказалъ ему. «Какъ бы хотѣлось мнѣ умереть въ Іерусалимѣ!» Атласъ отвѣчалъ: «Я знаю одинъ островъ, тамъ Тихвинская Божія Матерь, вотъ тамъ то хорошо тебѣ, о. Макарій». А Болховскій монастырь, въ коемъ находится чудотворная икона Тихвинской Божіей Матери, съ двухъ сторонъ обогнута промытыми глубокими оврагами, а съ третьей стороны рѣчкой, и таимъ образомъ онъ стоитъ какъ бы на островѣ. Болховскіе граждане, благоговѣя къ памяти о. Макарія, послѣ каждой службы, выходя изъ церкви, заходятъ къ его гробу. Въ пещерѣ, стѣною отъ гроба отдѣленной, служатъ панихиды.

Сверхъ миссіонерскаго служенія, которое проходилъ о. архимандритъ Макарій съ необыкновенною ревностью, любовью и прозорливостью, онъ совершилъ капитальный трудъ, переведа всю Библію на русскій языкъ, которая выходила по частямъ въ духовномъ журналѣ «Православное Обозрѣніе»; остались и другія его сочиненія въ прозѣ и частію стихахъ. Записки его по миссіи были помѣщаемы въ журналѣ «Христіанское Чтеніе». Письма его къ разнымъ лицамъ, благотворившимъ миссіи, сначала изданы въ одной книгѣ 1851 г., потомъ въ двухъ книгахъ 1860 г. (Москва). «Лепта», или священные гимны въ стихахъ, положенные на ноты, изд. 1847 г., и «Пѣснь объ Алексіѣ», человѣкъ Божіемъ, въ стихахъ же, изд. 1847 г. «Слова» его изданы въ 1854 г. Но, взирая на огромныя тетради переводовъ его на языкъ Алтайскихъ инородцевъ, нельзя не удивляться его неутомимой дѣятельности.

Портретъ о. архимандрита Макарія, снятый съ него украдкою, можно видѣть въ духовномъ журналѣ «Странникъ», въ январской книжкѣ 1860 г. Въ этой же книжкѣ есть описаніе жизни его въ Болховѣ.

Въ отчетѣ Оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода за 1847 г., между прочимъ, сказано: «Между совершившими земное поприще надлежитъ упомянуть объ архимандритахъ и настоятеляхъ монастырей: Ставропигіальнаго Ростовскаго, Яковлевскаго, Димитріева—Иннокентіѣ, и Болховскаго Троицкаго-Макаріѣ, которые по своему духовному просвѣщенію и высокой внутренней жизни стяжали особенно всеобщее уваженіе, посвятивъ всѣ дни свои назиданію, утѣшенію и утвержденію народа въ благочестіи».

* *
*

Въ заключеніе должно сказать, что, изображая первый періодъ Алтайской миссіи, мы большую часть труда своего удѣлили біографическимъ свѣдѣніямъ первоначальника ея. Оно и не могло быть иначе, потому что миссія была еще въ зародышѣ, и, можно сказать, вся воплощалась въ высокой личности о. архимандрита Макарія. Онъ бросилъ первое сѣмя, изъ котораго, при его пріемникахъ—людяхъ энергическихъ и умныхъ, это сѣмя пустило ростъ и развилось въ многосѣнолистное древо, принесшее богатые плоды: обращено изъ язычества въ христіанство болѣе душъ, нежели сколько считала ихъ, при открытіи миссіи, Томская администрація, заведены селенія новокрещенныхъ инородцевъ, школы *), изъ которыхъ стали выходить свои причетники, учителя грамотности, живописи и переплетнаго искусства, толмачи, катихизаторы, регенты пѣвческихъ хоровъ, лекторы воскресныхъ чтеній въ народныхъ собраніяхъ, діаконы и миссіонеры—священники, и все это изъ новокрещенныхъ инородцевъ; возникли благотворительныя заведенія: пансіонъ для инородческихъ мальчиковъ—сиротъ, больница съ дѣтскимъ при ней пріютомъ, приходское попечительство; умножились станы миссіи и церкви; изученъ языкъ алтайскихъ инородцевъ, дотолѣ неизвѣстный и ученымъ оріенталистамъ, составлены: Словарь, Грамматика, Азбука и сдѣлано много переводовъ изъ священнаго писанія, житій святыхъ, служебника, требника и проч., для чего и учреждена при миссіи цензура рукописей на Алтайскомъ языкѣ, приготавливаемыхъ къ печати.

О всемъ этомъ будетъ сказано въ послѣдующихъ періодахъ дѣятельности миссіи.

Протоіерей **Василій Вербицкій.**

Дѣйствительный Членъ Томскаго Губернскаго Статистическаго Комитета.

*) Число миссіонерскихъ школъ, отъ одной—при основателѣ миссіи, четырехъ—при пріемникѣ его, возросло при третьемъ начальникѣ миссіи, преосвященномъ Владимірѣ, до 20, съ 500 учащихся. Въ 1884 г. открыты вновь 3 школы. Такимъ образомъ, въ предѣлахъ Алтайской миссіи, на 78 селеній и небольшихъ улусовъ, въ числѣ которыхъ нѣкоторые имѣютъ не болѣе 40 душъ, существуетъ 23 училища съ 564 учащихъ на 16.000 жителей: 385 мальч. и 179 дѣв. («Том. Еп. Вѣд.» 1885 г. № 2). *Ред.*